

ЕГР

Федеральный роман

Тебе, Елена

1.

«Условный противник» военных учений обернулся безусловным врагом, предстартовые вибрации пробегали по телу департамента дрожью туго натянутого тента на ветру.

Угасавшая готовность ветерана еще улавливала повышение тонуса ведомства, но позавчерашний приказ выволил полковника Льва Кимовича Гарина за скобки общего вольтажа, оставляя наедине с заданием почти комическим. Охранять футболиста, пусть даже лучшего легионера в Испании? Уберегать от провокаций, попыток вербовки, оболщений форварда Егора Камова? Это казалось почетной ссылкой, предотставкой. Недавно как раз ввели официальную ступень: предпенсионер.

Перебирание вороха информации по Егору, собираемой уже полгода, а сейчас сваленной ему в кабинет, неотвязно совмещалось в голове ветерана-спецслужбиста с перепросмотром досье на себя самого. Обе предыдущих его операции: успех, претензий ноль. Может, смерть жены (месяц прошел) выбила Гарина из колеи слишком заметным образом? Снижение тонуса, кем-то уловленные ноты равнодушия, коридорные веяния перегара стали причиной перенацеливания на столь жалкую задачу? Или виной результаты тестирования на новом детекторе «Лаокоон-880»? Уже неделю не дают разумительного ответа, конденсируя на мозговых извилинах Гарина капли тревоги.

Итак, «объект» — не из будущих вождей переворотов, авторов завтрашних сенсаций. Всего лишь футболист, пусть и с лицом древнегреческого бога. Или не «пусть»? Оказалось, внешность Егора, дерзко талантливого, но не утвердившегося в основе мадридского «Реала», наплодила дюжину фан-клубов, будоражит толпы евробездельников, перепорхнув с обложек спортивных журналов в солидные СМИ.

Два дня Гарин просматривал видео Егоровых интервью, даже нарезку матчей (всегда предпочитал хоккей). Проглотив с полведра казахского чая (заварку щедро бросить в молоко и следить, чтоб не сбежало), вчитывался в самые дурацкие статьи и, кажется, выловил в пестром ворохе что-то более-менее, тему возможной работы.

— Шайка-лейка лондонской стервы Анны Блум? — подхватил генерал Бекасов. — Верно, Кимыч. Я дошел до этого за пару месяцев, а ты... Мастерство не...

Гарин, делая скидку на дружеский подсластитель, настроил взгляд на весеннюю драку воробьев на ближайшей к директорскому окну березе. Принимал установки на ближайший год (вероятно) работы:

Игорь Николаевич Шумейко родился в 1957 году. Писатель, поэт, сценарист, лауреат нескольких премий, в том числе петербургских: «Александр Невский» (2012) и «Лучшая публикация журнала „Нева“» (2013). Роман «Вещество веры» («Нева», 2013, № 9), финалист премии «Независимой газеты» — «Нонконформизм-2014». Живет в Москве.

— Для них русский с эдакой внешностью — наверняка не русский. Неказистая славяно-татарская орда курносых, скуластых варваров не могла произвести бельведерского Аполлона, скульптурного Ахиллеса, м-м... эталонного Антиноя. А глянуть им на Ланового, Тихонова, Ливанова? Не, не знаем таких! И что в семью Камовых пятилетний Егор был взят из иркутского детдома, для англичанки — улика стопроцентная: сын неких греческих иммигрантов. Хотя таких юношей ныне и в самой Греции не найти. Светско-расистскую болтовню подкрепляет и научно: беседу с профессором Хаулином в «Гардиан» успел прочитать?

— Там выдержки, примерно тридцать пять процентов, Пал Иваныч. Полностью в журнале «Антрополоджи монитер».

— Д-да? Мои пропустили. И что в невошедшем?

— Профессор опроверг миф о полностью отуреченной Греции. Его экспедиции подтверждают: в глубинках Пелопоннеса древнеэллинский тип отчасти сохранился. Но признал: такого строгого соответствия античным канонам, как у «условно русского», не встречал и там. Далее страница чистой математики, геометрии: линии лба и носа — одна прямая, расстояние между внутренними уголками глаз равно размеру глаза, форма подбородка, прямой лицевой угол. Но внешность — не все, даже если снарядит профессор Хаулин еще пять экспедиций и найдет прямо у горы Олимп копию «русского Аполлона». В калькуляциях Блум подшиты и физические кондиции Егора. У футболистов — самые детальные медосмотры: перед началом сезона, переходом в другой клуб, перезаключением контракта... Все замеряют: объем легких, скорость реакции, состояние сосудов, сердца, крови, активность нейронов мозга. Мышцы, сухожилия (чьи обрывы грозят миллионными потерями) предъявляют акционерам футбольных клубов, словно цеха покупаемого химзавода. Семь лет физические параметры Камова — лучшие в Европе и не снижаются. Тут один аналог: Криштиану Роналду.

Директор департамента генерал Павел Иванович Бекасов проследил взгляд полковника, тоже задержался на взъерошенных воробьях, все никак не решавшихся на полноценный воздушный бой. Чуть подскакивая, они возвращались к препирательству на ветке немого кино: вероятный их крик-чирик оставался за пуленепробиваемым стеклом директорского окна.

Гарин свернул антропологию: «Я, Пал Ваныч, недооценивал важность Камова, но теперь вижу: сочетание футбольных его успехов с разлитой истерией, расистскими мечтами англичанок разворачивает нас к актуальному противостоянию».

— Вот имянно. Имянно! Кружок, прям-таки секта Анны Блум, не такой массовый, как фан-клуб Камова в Испании. Но ее сайт формирует... словно партию, с программой. Не просто объяснения в любви златокудрому Аполлону и всякие конкурсы «Что бы отдала за ночь с ним» и прочая сублимация. Для испанцев Егор — просто игрок, претендент в лучшие бомбардиры сезона. Ну и красавчик. А Блум тянет линию, что английская элита слишком разбавилась всякими недочеловеками, потому политический кризис, крах и Брексит. Но гены нашего Егорушки помогут: кровь, точней, другие капли. Евгеника, извиняюсь за выражение. Породоулучшение, как на скотоферме. И кроме сего фашизма: мистика, оккультщина. Лепят из него древнегреческого бога.

— Профессор Хаулин и подкрепил ее расистские теории гаплогруппами.

— Чем-чем?

— Гаплотипы — гены, варианты хромосом. Это теория, а практически важно: локусы игрек-хромосом наследуются совместно, сцепленно.

— Хха, Кимыч, пояснил. Практически! За локусы — спасибо тебе.

— Дай до выводов дойти. Коль признаки наследуются сцепленно, то и внешние проявления дают... высокую кучность. — Оба усмехнулись простецкому, наконец, термину,

прямо со стрельбища. — То есть греки сотворили нам все науки, цивилизацию и гены их гениальные видны, так сказать, в экстерьере. Несет товарищ у себя на носу греческий профиль, значит, выше вероятность, что и в мозгах — потенциал Евклида, Архимеда, Платона... Хромосомы.

— А у них из-за варварских примесей хромосомы захромали?

— И уродцев своих тыщу лет со скалы не бросали, наоборот: якшались с ними.

— Значит, секта лондонских порченных клеопатр, метисных мессалин желает поразвлечься с нашим Егорушкой и породу улучшить? Но ладно б, в жеребцы-производители, так его прямо в олимпийские боги тянут. Аполлон-два! На измену Родине подбивают, как раньше балерунов, хоккеистов? Но смены гражданства всегда готовят втихую. А тут истерика занебесная: ты или греческий бог, или хотя бы просто древний грек. Присмотрись к этой Анне. «Писательница, поэтесса», а в секте ее как на подбор: жена адмирала Нэстингса, маркизы Пэмбру, сестры Хэрифор, одна из которых, сейчас уточняют, вышла за Энтони Бэнкса, да-да, того самого. Все интересно, но нам еще надо сохранить стране парня. Чемпионат мира в России-2018 никто не отменял, не отменит уже. Камов — наш главный бриллиант. Упреждать его попадания в ловушки вроде Мэдленса у тех маркизов. Будут и поопасней. Генерала Дымова помнишь формулу? «Все нити всего тянутся в Англию. Даже в самом удачном раскрытии, если связь с Англией нет, значит — недораскрытие».

— Помню и на другой лад: «Насколько далеко от Англии вы закрыли дело — настолько, значит, и недоработали».

Но как же все сдвинулось! (Синхронные мысли-вздохи.) Лет десять назад никто не мог бы и представить такое направление работы. Даже генерал Дымов с развитым чутьем на английские угрозы отправил бы доложившего ему о «медовой ловушке Мэдленса» к ведомственным психиатрам. А сегодня этот скандал наполнил газеты вплоть до «Таймса», стал политическим пунктом, два раза упоминался в палате общин.

Несколько похотливых ведьм, носительниц влиятельных фамилий Британии, заманили в замок Мэдлэнс всю команду «Атлетик», Бильбао. Ради Егора Камова, ради его (цирковая барабанная дробь) спер... «биологического материала». Интрига оказалась фантастической, закрученной столь ювелирно и сорвавшейся столь смехотворно, что треть обозревателей вообще посчитали все рекламной выдумкой. Но чьей? Хозяина поместья Мэдлэнс-эстейт, одиннадцатого маркиза Пэмбру трудно совместить с желанием скандальной славы. Пиар-резонанс владельцу обширных земель, пакетов акций, седалища в палате лордов не нужен абсолютно. Скороспелые журналистские расследования, тасующие Список «Форбс» и «Готский альманах» (справочник по аристократическим фамилиям Европы), оправдывая секту мультимиллионерш, из аристократок оставляли под подозрением лишь Анну Блум.

Итак. В Ливерпуле «Атлетик» из баскского города Бильбао вырвал ничью один-один у «Эвертона» благодаря голу на восемьдесят седьмой минуте Егора Камова, просто подозрительно резвого и свежего для концовки столь тяжелого еврокубкового матча. Сразу после игры и пресс-конференции команда вместе с главным тренером Эрнесто Вальверде и парой чиновников из мэрии Бильбао отправилась не в аэропорт, а на праздник в замок Мэдлэнс.

Версия естественна и прочна. Как известно, футбол в Испанию пришел в конце XIX века через Страну Басков, Басконию. Работавшие там английские металлурги создали первые клубы постепенно «подсадив» всю Испанию. До гражданской войны баски — чемпионы, да и в 1940-х составляли костяк сборной. Еще дольше держалась политика *кантеры*: за «Атлетик» и соседний «Реал сосьедад» играют только баски,

можно — этнические, как Биксант Лизеразю из Франции. Отступления (редкие) от жесткой кантеры начались лишь в XXI веке. Интрига, в результате которой «Реал» Мадрид сдал Егора Камова в аренду «Атлетике», захватывающа, интересна, но все же не интереснее той, что привела его команду со штабом в английский «медовый плен».

Всем было сообщено: страстный футбольный болельщик маркиз Пэмбру (в действительности, как и многие аристократы, предпочитал крикет и регби) отметит стотридцатилетие пришествия британского футбола в Басконию роскошным раутом. Якобы его предок, восьмой маркиз Пэмбру, был причастен к тому историческому, благодатному для всей Испании «вторжению». Приготовили для испанских гостей сувениры (согласно плановой «утечке информации»: часы «Ролекс»). Другие «утечки» обещали всем роскошный стол, элитные напитки, неженатым футболистам намекалось на отборный женский десант: англдорвянки из секты Анны Блум. Музыкальное сопровождение вечера-ночи отдано самой Байонте с лучшей половиной ее гастрольной группы, что добавляло круглый нолик к стоимости заговора.

Виды на щедрые подарки, застолье, веселую оргию должны были гарантированно удержать команду до следующего полудня. Были и дополнительные уровни защиты: единственный автобус с подконтрольным шофером, удаленная от людных автотрасс незнакомая гостям местность и, наконец, закрытые ворота замка, вежливая охрана. Диспозиция как в агато-крививском детективе: все заперты в «ночь убийства», фиксированный набор гостей со своими подводными мотивами преступления.

И «убийство» произошло. Погиб изощренный план по добыче хромосом Егора Камова. В час сорок три пополудни его еще видели в Розовой бальной зале танцующим под знаменитый и весьма намекающий хит «Лаки бой» («Счастливчик»), вместе с гостями подвывающим Байонте. Но то был последний момент, уже в час пятьдесят все одноклубники и тренер, тормошимые англичанками, лишь пожимали плечами.

Еще минут сорок, и обстановка в замке Мэдлэнс изменилась столь радикально, что это впоследствии изменило даже моральный климат в «Атлетике» и, возможно, поспособствовало уходу русского форварда из испанской «Ла Лиги». Команда понимала: Егр (утвердившееся еще в «Реале» сокращение имени отпечатанное на футболке) — форвард уникальных возможностей, полезен команде. Двенадцать мячей только в этом сезоне, едва перевалившем зимний экватор, плюс вчерашний гол «Эвертону» в Лиге Европы (Кубок УЕФА). Его гиперпопулярность у болельщиц Басконии, Испании, Европы пополняла трибуны, телеаудиторию и фан-клуб «Атлетика». Плюс невероятный роман, связь Егра с Сильвией Дортежу, якобы внучкой самого Пеле. При том в команде он особо не задавался, общался с комрадами в пределах своего испанского словарного запаса.

Внезапное его исчезновение «среди шумного бала, случайно» взбесило сектанток до полной потери великосветских и прочих приличий. Команде, тренеру дали понять: они тут — случайное приложение, «товар в нагрузку», как когда-то выражались на родине Егора. Раут был скомкан. Дошло до того, что утром их без завтрака погрузили в автобус, отправили в аэропорт, даже не вспомнив про неофициально обещанные подарки.

Потом — унижительный (хотя кому-то показался трогательным) момент на трассе. В пятнадцати милях от Мэдлэнса автобус с подавленными, невыспавшимися футболистами обогнал серебристый «бентли» маркиза. Не менее смущенный Леопольд Пэмбру поднялся в салон и, заглаживая кикс жены, после минутного английского шамканья приступил к раздаче обещанного. Унижительная/трогательная сцена была еще и весьма комична. В узком проходе секретарь тащился сзади с коробом. Маркиз протискива-

ясь по проходу, каждому одаряемому бормотал «Сорри», благодарил за «фэнтэстик» вечер, потом, не оглядываясь, отводил руку назад, нащупывал коробочки «Ролексов» и вручал.

Он был похож на кондуктора, «обилечивающего пассажиров», но оценить сей комизм... — это надо было хорошенько поездить в старых русских автобусах.

2.

Встреча в Бильбао команды с беглым форвардом была взаимно тяжела. Тем более неприятна, что формально упрекнуть Камова было не в чем. Наоборот, это его скандальная популярность обеспечила им полтусовки, полконцерта Байонты и подарок маркиза (это: без уполовинивания). Но сознавать свою нагрузочность весьма противно. Игроки «Атлетика» отчасти справедливо считали: играя на русского Егру, освобождая его от черной работы, они немало поспособствовали его голам и славе. И неблестящий сезон Камова в мадридском «Реале», закончившийся арендой в Бильбао, подтверждал: дело в команде.

Наконец, ведь и сам король футбола Пеле Непогрешимый — навестив внучку, понянчив новорожденную малютку, весьма сурово прошелся по русскому кандидату во внучатые «зятки».

Многие считали: Сильвия, пробиваясь в телеведущие лиссабонского «Канала семь», придумала себе знаменитое родство, тем более что Пеле не поддержал ее публично ни полусловом. Но всему свое время. Пришло время родиться Лурдес, дочке Сильвии и Егра, и кумир планеты, почтенный мультимиллионер де Насименто прилетел как миленький. Качал перед дюжиной телекамер правнучку — любовнее, чем кубок Жюля Рима, завоеванный на ЧМ в Мексике-1970. В его громадном клане Сильвия была хоть и незаконной, но самой младшенькой, и это не могло не сказаться. Теперь звание наимладшей переходило, словно Кубок мира, к малютке Лурдес, Король таял, но по ее русскому отцу высказался прямо и весьма проницательно:

— Чисто футбольный талант Камова не так уж велик, основа — его уникальные физические данные. Скорость, прыгучесть, координация. Приводящая сила мышц обеспечивает, по компьютерным замерам, самый сильный удар в «Ла Лиге». Но при фантастических своих стартовых ускорениях поле Егр видит слабовато, партнеров, ритм игры не чувствует. Его высокая результативность основана на полузащите «Атлетика», нашедшей ключ: передачи в свободные зоны, куда «русская ракета» поспекает первым и подхватывает мячи уже на скорости. А красотой финтов он не сравнится, например, с Неймаром. (Подысканный Пеле пример — пристрастие бразильца.) Часто Егр, прокидывая мяч, просто оббегал защитников. Невероятно крепкие жилы и кости оберегают его от серьезных травм, пока. Сверхдивных, от Бога полученных физических кондиций у Камова — лишь техника и пластика работы с мячом. Но это, как известно, он приобрел в детских, юношеских, молодежных командах Бразилии, куда, на его счастье, еще мальчишкой приехал с родителями...

Журналисты вырвали и комментарий Камова на комментарий Пеле: «Да, согласен! Мое счастье, отправили родителей в Бразилию на работу в важные для меня годы. Дед прав: за футбольные достижения я должен благодарить Бога и Бразилию. А я на большее и не претендую». Ломаный испанский Егора, возможно, неудачный перевод и фамильярное «дед» отнюдь не добавило теплоты и взаимопонимания с великим почти родственником. Впрочем, их брак зарегистрирован не был, что становилось почти традицией в этой ветви клана Пеле. Сильвия была незаконной дочкой его самой младшенькой, бестолковой Журжетты, такой же становилась и малышка Лурдес.

Тягуче-тяжек стал моральный климат в униженной команде «Атлетик» Бильбао. Не легче было и на другой половине. Брошенные, обманутые в своих надеждах двенадцать дамочек гневно переглядывались. Кто-то же, какая-то... не только выдала их план, но еще и помогла Егре сбежать из запертого замка. Довезла до ближайшей автотрассы, а может, и до Лондона.

Уровень ненависти умножался на подозрения: ведь эта «кто-то», конечно, получила... предательски получила, сепаратно — то, на что они рассчитывали все. Не «одну двенадцатую долю биоматериала» — поимела все-все. Да еще наверняка... вместе с ласками благодарного Егры!

Самые распаленная, младшая из сестер Хэрифор, Нэнси (что особо интересовала службу Гарина), громогласно требовала общей клятвы: «Если эта предательская бич через девять месяцев родит и ребенок окажется от Аполлона-Егры, что, конечно, будет видно сразу, мы придушим или покараем иным способом эту с..., а ребенка заберем».

Еще вставал вопрос, как выражались на родине их кумира в годы, пришедшиеся на его детство (лихие «девья-нос-тые»: «Кто ответит за лавэ? Девять лимонов»). Сумма значительная даже для носительниц фамилий — закладок в журнале «Форбс», ближе к его началу.

Вспомнив недавнее прошлое (до культа Егры они служили антимессы в эдинбургской церкви сатаны), дамы прокололи левые мизинчики и по очереди, глядя на свои шепчущие губы в старинном зеркале, поставили слева двенадцать красных клякс. Двенадцать клятв, из которых, по крайней мере, одна была ложной.

Особый интерес гаринской службы и нараставший страх сектанток причиной имели одно и то же: Нэнси, урожденная графиня Хэрифор, недавно вышла замуж за Тони Бэнкса, могущественного, отчасти зловещего директора FA-6 (контрразведка), «Таймс» хоть и осторожно, но уже не раз намекала на «некоторые весьма странные случаи, в том числе две смерти, возможно связанные с оккультными практиками его молодой супруги»...

— Пал Иваныч. Но с вечеринки-ночевки в секте Егор сам собой сбежал. Без малейшего нашего содействия.

— Будут и похуже липучки-ловушки. Вчера наши интернет-помощники, — генерал хмыкнул, — раскупорили их переписку. Молодцы, конечно, но ясности нам не добавили. Я тебе переброшу этот роман в письмах. Похоже, они там из сатанисток. Вроде чушь всякая, «черные мессы», выворачивают одежду наизнанку, ходят и читают молитвы задом наперед. Игрушки. А все ж два трупа на них числятся, уже не кошачьих. Замять удалось, потому что жертвы оказались те еще садомазы. Увлечлись, так сказать... Но это они — до западания на Егора нашего. Теперь Блум и вправду верит и заразила других, что наш Егорушка — супермен или даже того-с... бог-с.

— Типа как сейчас индийский Саи... нет — Сатья, Сватья... баба Бабариха? Мэри Дэви Христос? Или наш бог Кузя в землянках со своими сектантками?

— Ты и разберись в этих катакомбах. Вряд ли он для всей секты — бог. Дамочки там подобралась болезные, бездетные или с не очень кондиционными детьми, забальзамовские по возрасту. А Егр — ответ на все женские проблемы, шанс заполучить ребенка, красивого, как та Лурдес. Но зачем они Егоровых родителей вычислили? Бедняги словно загодя от такой славы спрятались: дом построили в ярославской глуши, из всех адресных книг вычеркнулись — ан нет, нашли. Пока только пишут им, выпытывают о Егоре, брате его детдомовском. Тут я пока не в курсе... Но начни, Лев, все-таки с вечеринки в маркизовом Мэдлэнсе, зацепись за девять миллионов.

— ?? — Брови полковника Гарина взлетели вопросительными знаками.

— Не стыкуются цель и запредельный бюджет тусовки. Допустим, «переспать со звездой», разобрать по пробиркам «биоматериал», может, и фотосессию компроматную спроворить, но... девять миллионов фунтов?

— Так пригласили всю команду. Подарки. Байонта с ансамблем пела, а у нее гононорары начинаются от... надо уточнить. И райдер соответственный.

— Даже для утехи дюжины съехавших мультимиллионерш бюджет вечера подозрителен, выпирает. В общем, Кимыч, действуй-злодействуй. Не растворяйся, встряхнись. Еще, может, на Маккартни там сходишь, везунчик. Расскажешь потом. А сейчас давай-ка...

Генерал Бекасов разогнулся, оттолкнувшись, резво проехал в кресле пару метров, затормозил у громоздкой радиолы. Его пристрастие к виниловым пластинкам считали пижонством... до того случая, когда один лейтенантик из меломанов новой эры, скачав себе чистейший вроде мр3 файл, занес на свой комп-медиаплеер вместе с альбомом Эми Вайнхаус новенький шпионский вирус. Проследивать пришлось всю цепочку, выбросить, точнее, положить под пресс две дюжины меломанских игрушек его коллег.

Бекасов поднял крышку и оглянулся. Друзья еще и по старым музыкальным страстям обменялись улыбками с грустинкой. На играющий антрацитовым глянец диск легла властная лапа проигрывателя, единственным своим когтем скребущая по невидимым миру дорожкам, и голос общей юности заполнил кабинет директора: «Облади-Облада, лайф го-он, бро!»

Странно. Вроде недавно они, Гарин с Бекасовым, были первым в их службе поколением, рискнувшим упомянуть о своих современных зарубежных пристрастиях, расшифровывали изумленные взоры и вздохи: «Эх, мóлодежь-мóлодежь!» А теперь об их старых битломанов провожают в коридорах службы сочувственными взглядами, как когда-то они — любителей еще Лемешева.

«Бекасов поддерживает, тормозит, застолбил за мной эту забавную секс-футбольную задачку, может, потому что уверен: спишут нас, переведут в советники — дуплетом», — горьковатую благодарность Гарина было не под силу растворить и песенкой Маккартни про «жизнь продолжается, Облади, бро!»

— Ну а как твоя Дарья? — Ну как твой Вадим? — Нормально. — Нормально. — Не выскочила еще? — Не женился? — Нет. — Нет... Вздох, вздох...

В детстве-отрочестве дети дружили, были мечты когда-нибудь их поженить. Все сроки прошли, ныне по невеселой теме они проходятся лишь двумя-тремя краткими вопросами.

— Да! Еще ж забыл! — Не совсем убедительно вскинулся генерал Бекасов, — Там с программкой этой, Лаокооном нашим, восемьсот восьмидесятым... Накладка, возможно, какая-то. Неделю уже переналаживают, обещают к завтра утром все сделать. Ты пока не напрягайся по своим тридцати девяти процентам, а завтра не затруднись, потрать, пажалста, еще три часа, пройди эту фигню заново...

Вот так. «Лаокоон-880» — что-то вроде «детектора лжи», новинка, разработанная специально для испытания кандидатов, новичков. Определяет вероятности будущих «конфликтов интересов, предательств, ситуативного предательства». Индекс восемьсот восемьдесят — число вопросов, заданий, тестов. До запуска на потоке «принимаемых в ряды» решили программу откалибровать, верифицировать, проверить на безусловно испытанных сотрудниках, ветеранах. И... по Льву Кимовичу Гарину, «Лаокоон» вдруг показал: «Вероятность конфликта интересов или ситуативного предательства — тридцать девять процентов».

3.

Как писал похороненный на Хайгейтском кладбище (судя по карте — совсем неподалеку от лондонского дома маркизов Пэмбру на улице Дартмут-Парк-Хилл) один могучий немецкий еврей: «Идея становится материальной силой, когда овладевает массами». Правда, того интересовала лишь Идея Призрака, бродившего по Европе XIX века, а ныне забредшего аж на самый восток Азии, в вотчины Чучхе. Но диалектическое соотношение Идеи, Масс, процесса Овладения упокоенный на Хайгейте определил точно. «Казус Камофф» заключался в овладении истеричными Массами, отдавшими Идее пришествию античного бога, мечтающими, чтоб ими овладел и сам бог.

О прошлоковом кумире, похороненном в Лондоне, Гарину случайно напомнила дочь Дарья, забредшая домой с оркестровой подругой Анжелой (виолончель) как раз во время «сразу после концерта», по расчетам отца.

Поджидая ее вечерами, Гарин обычно гадал на время возвращения. Пол-одинадцатого — это после концерта чашка кофе с подружками из оркестра. Двенадцать-полпервого — возможно, что-то «романтическое», есть же там и нормальные парни. Но если звонок до десяти вечера — значит, опять одна. Примчалась утешать отца, новоиспеченного вдовца. Хотя лучше утешила — если б не приехала вечером вовсе. А утром или ближе к полудню заявила под ручку с каким-нибудь «молодым человеком». На улицах так окликают всех мужчин до пятидесятилетнего возраста, даже на кандидата с такой «датой выпуска» был согласен отец восторженной дурехи, до тридцати двух целующейся лишь со своей флейтой.

В его возрасте все пересматривают свою жизнь с дежурным вздохом: «Надо ж! Все промчалось, как кинофильм». И Лев Кимович энный раз развернул-свернул веер ярких картинок, помедлил, сопроводил внутренней ремаркой: «Да, промчалось. В моем случае это было „кино про разведчиков“? Хотя ближе к окончанию сеанса разница не больно и велика. Но все же, все же! Мое кино начиналось „лирической комедией“».

Студент-отличник иныза был «завербован»... невестой — можно описать и так. Сын скромных учителей Гарин был на три года старше (служба в СА, Советской армии) сокурсницы Ирины. Три года развлекался: девчачий вуз, широкий выбор, беззаботность. На четвертом Ирина Лунина, ровно наблюдавшая за одиссеей рослого брюнета, почти не форсируя, вошла в круг его общения, неспешно оттеснила пару девиц, а в начале пятого, когда он подбирал себе городок, школу, вариант учителя английского или испанского, предложила ему... сейчас это назвали бы «социальный пакет»: женитьба, квартира, служба с перспективами.

Представители комитета и так заглядывали в их вуз, предлагали «серьезно подумать», но Гарина не вдохновляли стартовые условия. Богатый запас наблюдательности, памяти, смекалки позволил ему с армейских времен уяснить принципы работы служебных механизмов, классифицировать типы его шестеренок. Перспектива ничьего сына/зятя, НЕ племянника была скучновата, не перевешивала учительства (а в будущем, может, даже... книгописательства). Пока Лев Гарин сочинял лишь шуточные поздравления, тосты, но ведь у нас врачи, учителя нередко выбиваются в писатели? И главно-реальное на горизонте: аспирантура.

Тогда ведь все, даже те, что «вышли из дзержинской шинели», осенявшей широченную площадь в центре Москвы, весьма трезво, сухо калькулировали оклады, ордера на квартиры, гонорары, вероятности заграникомандировок. А чего вы хотели? На дворе 1970-е, равномерное приближение к низшей точке «пассионарности» (словцо войдет в оборот как раз в той точке). Впадина на графиках романтического патриотизма,

вообще любого романтизма, кроме официального, песенно-эстрадного. Дефициты, раздражение сплетен, анекдоты.

Ирина должна была стать уже третьим поколением семьи Луниных, служивших «в системе комитета» (внутренний термин, означавший расширительное понимание их службы: трудовая книжка могла лежать, например, в Минвнешторге, МИДе, ТАСС, ГКНТ...). В общем, она и стала третьим поколением, но позже ее «служба» развернулась в сторону семьи, карьеры мужа...

«Да! Все же мой пронесшийся кинофильм — был и „про любовь“, точно „про любовь“!» — Теперь, сползая в пропасть вдовства, он все яснее это понимал.

Тесть-полковник, умница жена, собственные мозги провели его казенный шарабан по всем виражам-ухабам 1990-х и довели до местностей с самыми невероятными дорожными приметами, в которые, однако, надо все так же цепко всматриваться.

В тот вечер дочь забежала пол-одиннадцатого, то есть и без чашки кофе с каким-нибудь фаготом, барабаном или контрабасом (по мысли Гарина: самые мужские инструменты). Увы, с ней была лишь Анжела, оркестровая подружка, виолончель...

Узнав про командировку в Лондон, забавных маркизов, обитающих близ Хайгейтского кладбища, Дарья, словно продолжая какую-то игру с подругой, воскликнула: «Вау, прелестно! Значит, зайдешь и плюнуть на могилу Карла Маркса?!»

Причем был совершенно непонятен знак восклицания. Антикоммунистическое одобрение ярой либералки? Или ироничное переглядывание с подругой: «Ну-ну. Уж эти комплексы их поколения!» Или, может, распахнутые у могильной оградки охранным крестом руки: «Не смей!»? Увы, Лев Кимович мало знал свою дочь «с политической стороны».

Или все ж ирония? В возгласе, переглядывании с подругой? Места работы отца Даша стеснялась, состав оркестра был ближе к либералам.

До Лондона оставалось двое суток, и Гарин чуть приоткрыл щебечущим подружкам легальную сторону задания: охрана и юридическое содействие футболисту Егору Камову.

— Вау! Егр! — Неожиданный взвизг. — Правда Егр? Ты, значит, его увидишь? Обязательно пришли фотку: что б ты и Егр!

Так на евроманер произнесли имя, как оказалось, известное и далеким от футбола девицам. И посыпали вопросами и «инфой к размышлениям». Гарин удивился повороту судьбы. Всю жизнь опорой были советы и живой интерес жены, ради которых он порой приоткрывал ватерлинию, рассказывал больше допустимого. А тут успел выдать лишь ключевое слово «Егор Камов» — и дочь, стеснявшаяся отцовской службы, посыпала. А может, почувствовала обязанность заменить мать? Нет, скорее — молодежный интерес, мода. Дарья, подключив подругу-виолончель, напряглась, припоминая все оттенки феномена Егры, постаралась пополнить багаж отца «взглядом молодого поколения».

Оказывается, все давно в курсе (вот смех: они с генералом Бекасовым считали это своим открытием!), что именно сайт Анны Блум «ГодЕгрНиа», популярный далеко за пределами Британии, раскручивает не только женскую истерику, но и продвигает довольно забавные идеи. Во-первых, они тщательно калькулируют все факты, доказывающие якобы сверхреальность Егорова дара. «ГодЕгрНиа» и переводится вроде: «Бог Егр Рядом».

Интересный поворот предложила известная дочери прошлогодняя статья, ускользнувшая, однако, от Гарина. Дарья сгрузила ему и пошла с подругой на кухню. Он углубился.

Автор (явно авторша) статьи, взявшая псевдоним длинный, выпендренный «Ночной сторож Пантеона Олимп», вопрошала: почему при таких запредельных кондициях Камов вообще — не лучший футболист мира, не закрепился в основе «Реала», не забивает пять голов за матч? Оценки Пеле приводились «с уценкой»: Егр с Сильвией расстались, обида короля футбола понятна. Но ведь схожи были оценки и нынешнего его тренера Вальверде, футбольных корифеев: Зинедина Зидана, Моуриньо. Уровень комбинационных взаимодействий Егра — вторая лига, но скорость, фантастические природные задатки... Завершая статью, авторша заостряла:

Если при таких талантах он еще не лучший в мире, значит, футбол просто не очень интересен Камову. Значит, он создан для другого? Тогда для чего же? Что вообще значит Абсолют, посланный в наш Период Тотальной Относительности, коему недавно исполнилось сто лет? (Врез-справка в углу экрана: «В 1915 году Альберт Эйнштейн заставил нас поверить в теорию относительности».) Что нам принесет Совершенство, ницшевская «белокурая бестия», Сверхчеловек или даже — бог, пусть даже пришедший из такой малосерьезной сферы, как футбол?

Ну а кем считался Иисус 2000 лет назад? Врачом широкого профиля (глазные болезни, проказа, параличи)? Рассказчиком поучительных басен? Гипнотизером?.. — восторженно, испуганно заканчивался текст.

После последней строки «Автор: Ночной сторож Пантеона Олимп» шла ссылка на новейшую из статей по тэгу #egra:

Кроме забитых голов и мышечных индексов, есть еще пункт — не сотрешь, не спрячешь. Дети Егра. Старшая дочь, от Сильвии, плюс дочь и сын от Нины, той, что в Англии приняли за японку. Три убийственно точных аргумента. За старшей, Лурдес, уже давно гоняются журналисты, всевозможные антрепренеры с коронами под мышкой: «Красивейший ребенок планеты» (вариант и «Чайлд Юниверс», Вселенной). Официальных конкурсов для ее возраста, слава богу, пока нет, но званий научреждали — только согласись принять. Младшие, Марина и Юра, пока нечасто попадали в объективы фотопройдок, но тоже: печать Аполлона не смоешь. Сильвия — мулатка, нынешняя жена Нина — с другого, самого удаленного, противоположного края света, но у всех трех детей громадные серые глаза-фары, не свойственные ни мулаткам, ни японкам, ни якуткам, плюс прямые отцовы профили без переносицы, властные соболиные брови и нежно точеные подбородки, овалы лица...

- Что, па, интересно? — крикнула из-за двери дочь. — А как там дядя Павел?
- Интересно. Павел — нормально. А Вадим тебе давно звонил? Как он там?
- Не знаю. Давно. А ты чего это спросил?
- Так. Ты ж спросила про дядю Павла! Кофе есть еще в жестяной банке с амурчиками, там слева...

Эх! Знала бы она новые приключения родного отца в глубине коридоров его службы!

Подсчитанная «Лаокооном-880», новым детектором лжи, «тридцатидеятипроцентная вероятность ситуативного предательства полковника Гарина» стала причиной служебного расследования. Ветерана, нацепившего сугубо для тестирования и отладки программы, предназначенной для принимаемых на службу новичков, датчики «Лаокоона» (провода действительно напоминали змей, обвинивших троянского жреца) отправили к психологам, психоаналитикам. Посчитали: недавняя смерть жены могла повлиять на реакции, ответы, результаты тестов. Проверяли релевантность тестовых заданий «Лаокоона». Конечно, перепроверяли и «подноготную» Гарина, все дела его почти сорокалетнего послужного списка. Полковник это понимал, допускал, что и перевод в «футбольные сторожа» был связан с результатами теста.

Отдел ответственный за разработку «Лаокоона» конечно, не признал ошибку ценой в сто двадцать семь миллионов (бюджет затей). Глава авторского коллектива капитан Андриевский подчеркивал: это не рутинный сборник вопросов-ответов. Эвристический алгоритм в зависимости от получаемых результатов, скорости реакции переводил вектор допроса в нужном направлении, прорывая любые редуты заготовленного вранья. Разделял рациональные и иррациональные мотивы.

На очередном совещании защитники Гарина во главе с генералом Бекасовым переспорили, а может, просто переорали сторонников иезуитской программы. Отдел Андриевского внес корректировки в тесты, и.. новая компьютерная попытка ветерана-полковника показала уже двадцатисемипроцентную вероятность предательства.

Две недели «почтестневший на двенадцать процентов» и едва не спившийся Гарин собирал вещи, установочную информацию по лондонской командировке в роли представителя игрока испанского чемпионата Егора Камова... Сначала эту допросную программку он считал идиотской ошибкой отдела капитана Андриевского. Одна только черная точка оставалась на душевном горизонте Гарина: навязчиво вспоминался блок вопросов про заглубленные иррациональные мотивы его поступков, подтачивал тренированную психологическую устойчивость. Словно откуда-то залетела анонимка на безоговорочно надежного, любимого человека: не веришь абсолютно, но и забыть не можешь. Причем «залетная анонимка», черная точка, метка... и реально, физически стучала в голову. Какое-то периодическое биение, так что казалось, пульс-давление можно было замерять не на запястьях, а приложив руки к вискам. Но настоящие замеры параметров на двух медосмотрах (к обязательному перед заграникомандировкой добавились же и предусмотренные перед тестированием на «Лаокооне») показали: здоров. Врачам, никому вообще про «височные пульсы» он не рассказывал. Да и кому теперь можно поведать! Единственный, предназначенный судьбой для этого человек уже месяц и десять дней лежал под вытянутым глинистым холмиком за типовой железной оградкой.

Лев Кимович назначил себе окончательно разобраться, разделаться с психологической задачей во время рейса в Лондон. Почему-то (давно заметил) ему хорошо думалось в самолетах. Именно в полете до Тегерана, всего-то за три часа, он в деталях просчитал операцию, принесшую ему орден Заслуги второй степени и третью погонную звездочку, звание полковника. «Подумаем, Лаокоон, подумаем».

Кроме анализа связей английской секты командиремый Гарин должен оценить их игры в Сверхчеловека, нищевскую «белокурую бестию». Или даже — «в бога» с попыткой выстроить настоящий культ, что в наши сумасшедшие времена реально. Сначала Гарин не хотел грузить голову и ноутбук справками по неоязычеству, пестрой колоде «ню-эйдж религий», но пришло указание, и он загрузил.

«Видно, шефа интересует, куда именно Анна Блум встраивает свою секту? „Секта“ — название условное, рабочее, сами себя они назвали „Койнония“, что-то от греческого „сообщество“. Вот и гадай. — Гарин усмехнулся. — „Чи вони там усе — антропософы, чи — якись-то басурмане?“»

Во времена, когда служба была еще комитетом, довелось Льву Кимовичу поработать по сектантскому направлению. Но как же было тогда проще! Системнее. А сейчас даже приблизительно неясно: что зачерпывать из этого океана? Как перебирать? Не по алфавиту ж! Как глубоко влезать по российским? От *Родноверов* и до *Мари Дэви Христос*, *Порфирия Иванова*, «Живой этики» *Рерихов*, *Грабового*, *бога Кузи*?

А забугорные? *Неодрудисты*, *Дети Артемиды* (это ближе)? *Сеть унитарного духа земли*, *орден Девяти углов*, *Черный орден*, *Фалуньгун*, *Аум Синрикё*¹ (ну их-то, надеюсь уже можно вычеркнуть)?

¹ Террористическая организация, запрещенная в России.

Дианическая викка (принимает цисгендерных, но не трансгендерных женщин — надо ж!), *викканизм Джеральда Гарднера и Алекса Сандерса... Теософия, антропософия и ариософия*. (Вот же душок сектантский! Мало им трех «викк», двух «...софий» — нет, давай себе еще отдельную замастырим! Никакой соборности!)

Далее. *Языческая федерация, Языческий рассвет*. И всех мастей сатанисты. Но эти давно на слуху. В 1980-х в комитете была политинформация: на английской ядерной подлодке некий офицер записал: «Конфессия — церковь сатаны». Англы и сами перепугались, да что поделать, свобода совести!..

Учтя мелькания в деле Аполлона, Олимпа, Зевса, Гарин скачал «Эллинизм» (Hellenismos, додекатеизм, олимпианизм. воскрешают и реконструируют древнегреческие религиозные практики. Особенно популярны в Греции, США). Додекатеизм (додека — двенадцать) намекал: из безразмерной древнегреческой толпы богов — отобрали двенадцать. Так сказать: инвентаризация. Навели порядок.

Считая Зевсов, Аполлонов, Артемид сугубо музейным, картинно-галерейным инвентарем, Гарин не мог и представить наличие сегодня миллиона adeptов, прихожан храма, допустим... Аполлона Детройтского! Да, отстал.

А эллинизм уже действует вовсю. Были конфликты (ныне «деятельность» и означает конфликты) с Олимпийским комитетом в 2004 году по использованию образов Зевса, Афины. На Пелопоннесе во время обряда служения Деметре произошла драка с православными греками.

4.

Загруженный дома дочкиными поправками, вкладками в без того обширное досье, а в аэропорту еще и двумястами граммами водки, Гарин проспал Германию, хотя обещал себе размыслить над суровым вердиктом «Лаокоона» по иррациональным мотивам поведения. Погода над Польшей, Германией позволила бы поразглядывать, поиграть в угадку городов. Проехав, вперившись в облачный фронт, усмехнулся: «Пропустил бомбометание, теперь сквозь вату не выцелить!» — и вновь вдавил затылок в кресло. Проснулся лишь под мяуканье наклонившейся стюардессы...

Но неким парадоксальным образом обязательство пред собой было отчасти выполнено. Во сне ему будто разъяснились причины конфликта с допросной программкой капитана Андриевского. И тем самым — вот двойной парадокс — он косвенно подтвердил диагноз «Лаокоона-880»: разъяснилось-то во сне, значит, велика доля иррацио, подсознательных родничков мысли. Пробиваясь «наружу», но все равно под сводами черепа, они берутся под аутоконтроль Разума, Воли... Да видно, не совсем берутся, коли уж попались под машину капитана Андриевского. Зная, как ненадежен улов, поднятый со дна его сна, Лев Кимович Гарин в очереди к рамке таможенного контроля вытащил блокнот, записал пару ключевых слов: «Вспомню, додумаю в номере».

Предстоял интересный разговор с Анной Блум, козыри у него были. Накануне в Москве он познакомился, поговорил с «божественным Егром». Подивился детской его беспечности. Или холодной отстраненности?

Егор и Нина привезли детей в Москву. Только что успешно сдали их на руки теще с тестем и уже предвкушали неделю в полной глуши на Кругобайкалке. Полковник Гарин даже больше рассматривал Нину: «Похоже, она опять. Месяц шестой или даже седьмой. Некоторые фигуры, телесные конституции позволяют скрывать долго».

На сахалярок (так называют дочерей русских и якутов) действительно пролита красота яркая, отбрасывающая бенгальский хвост загадок и вопросов. «Как можно быть похожими сразу, одновременно на корейнок, японок, тувинок, еще дюжину на-

циональных красавиц и оставаться при том своим собственным типом? Русской брюнеткой?» Мимический калейдоскоп, обычно обозначающий лишь смену настроений, у сахалярок — некий «клуб кинопутешествий», клубок, разматываемый по раздольям Евразии.

«М-м... Понятно, почему ее тогда приняли за японку. Это все чудеса великой алтайской группы, включающей огромную орду тюркских народов и монгол с калмыками, бурятами (на них Нина тоже чуть походит), корейцев с японцами. Тьма научных споров по родству языков алтайской группы и тем более по стоящей за ней — монголоидной, „желтой“ расе. Ныне спорят и вообще: применим ли, политкорректен сам термин „раса“? Википедия ябедничает: „Не используется ввиду дискредитации представлений о расе как о биологической категории“. Сама ЮНЕСКО во главе с Джулианом Хаксли в 1950 году объявила: „Раса — это миф расистский“...

Однако ж богатенькие, но не совсем свихнувшиеся японцы паломничают на Алтай: поклониться горе Белухе, прародине... А по-моему... этот агатовый блеск волос, глаз, луноликость, пухлые веки и вскинутые брови... да, Нина Камова похожа на лейтенанта Эльвиру Тактамышеву, русско-татарочку из Департамента оперативной информации. Или на кавказскую пленницу Варлей? Нет, все же больше — Тактамышева. Это в Англии больше знакомы с кавайными японками, вот и решили, что...»

На ее знаменитого мужа в первые минуты встречи Гарин глянул почти мельком. Типа: «Ну, Аполлон — он и в Африке Аполлон. Какой-то безупречно стандартный, что ли? Как фронтоны наших домов культуры, сработанные под древнегреческие ордера. Так эталон — это ж и есть стандарт!»

Это невнимание оказалось на пользу рабочим отношениям. «Терпеть не могу, когда мужики плятятся», — сказал Егор, положив наконец на стол свой мобильник, и за весь последующий разговор только пару раз скосил взгляд на экран. И первая из явленных эмоций (раздражение и некая «сослагательная» злость на сотни прошлых нескромных взглядов) расцветила «мраморное» лицо Камова, перешла в улыбку знакомства.

Они сидели в кафе на Мясницкой. Семья, похоже, дружная. Смеясь, Нина хотела рассказать еще что-то про англичанок, помешавшихся на ее муже: «Эта Анна Блум установила божественность нашего Егры, словно где-то добыла ДНК Аполлона и...», но уловив, даже не гримасу. лишь поворот оси Егорова взгляда (всего-то на несколько градусов!), мгновенно перестроилась и так же сквозь смех завершила: «Бум-бум-бум!» — и на том обрубила всю ветвь разговора. Хотя и видела, как Гарина заинтересовала возможная английская инфа...

В ответ на несколько узнающих взглядов кафешных зевак муж не глядя отвел, протянул руку, и меж его пальцев оказалась поданная женой бейсболка. Натянув козырек пониже, Егор продолжил разговор...

Улетая на Байкал, они оставили Льву Кимовичу широкие полномочия для переговоров с Анной Блум. Юридически прицелить ее сайт было бы сложно.

— Полжизни и все деньги уйдут на процессы, — пробурчал Егор.

— Ни в коем случае не надо его закрывать, — подключилась Нина, — он хорошо Егрину славу по миру разносит. И смешной такой. Подумаешь, сделали Егру олимпийским богом, Аполлоном, с кем не бывает! Мы, правда, ее сайт читаем, что там еще придумает, а за Аполлона мы благодарны особо-особо-особо. — Нина намекающе скосила глаза на мужа, дождалась улыбки. — В общем, я ее сайт читаю. И Егор тоже его...

— ...Читает, — подтвердил глава семейства, переключая тему, — Аркадий, рекламный мой агент, говорит: хозяйева четырех из пяти брендов, где у меня контракты... тоже его читают. — Егор спародировал интонацию последней фразы жены. — Он, Аркадий, кстати, в эти же дни собирается в Англию, может, там и встретитесь. Обещает привезти еще

контрактище, рекордный. Реклама банка какого-то, великобританского, наверно, нарядят Ахиллесом, Александром Македонским или опять греческим богом.

— И опять мой муж будет полуголым бродить у бутафорского Парфенона и получать кэш-бэк, как VIP-Аполлон. Да?

— Ага, Нин. Банк, Аркаша сказал, из само-наи-богатых. Название забыл.

Нина, улыбкой извиняясь за легкомыслие мужа, протянула руку к телефону, вроде уточнить: что за банк. Напряженное удивление Гарина подсказало ей, что по принятому разграничению полномочий Егор должен был его уведомить о новом английском контракте.

Но вновь встретив небольшой поворот взгляда супруга, прониклась той же божественной беззаботностью и вместо золоченого смартфона взяла кофейную чашку.

— Аркадий Борисович — мой рекламщик, круто деловой, фамилия такая забавная: Лисовин. До сих пор не знаю, где ударение на нем правильное ставить?

— Фу, Егра. Человек на тебя два года работает! Он же позавчера произносил с ударением.

— А вчера я забыл. Мы с ним только: Егор, Аркадий, — и, повернувшись к полковнику Гарину, словно собрав по сусекам весь на сегодня запас серьезности, подытожил — Англия хоть мне и не нравится, но по деньгам рекламным приносит больше Испании раза в три. Обещают, если я перейду в «Арсенал» или «Челси», через полгода будет и вовсе фунгостерлинговый фонтан. Аркадий твердит: это Блумка и фанаты ее ненормальные раздули такой ажиотаж. Но я хочу, чтоб они прекратили копания, расследования по моей родословной. Из детдома взяли пятилетним, что я сам не помню?! Но Камовы, считаю, мне настоящие отец-мать. И чего, кого там они грозятся разыскать? Какого-нибудь еще мне кровного родственничка для последующего шантажа? Мое условие. Если она, они... захлопнут там свою, в смысле закроют эту тему, я буду ей, им, ну допустим раз в месяц отвечать на вопросик-другой. Эксклюзив. И фотки можно пообещать. Знают же — я не очень этим разбрасываюсь.

«Не очень разбрасываюсь» — еще мягко-иронично сказано об информационной крепости, которую держат Егор с Аркадием. По контракту с клубом он обязан два раза в месяц участвовать в послематчевых пресс-конференциях, и его манеру разговора, поведения уже несколько раз назвали «божественным пренебрежением» и даже «скупостью». Большие темные очки, дежурная бейсболка с опущенным клювом козырька, отстраненные гладкие ответы — только по результату матча, кратко. Ни одного яркого кадра, лишнего слова репортерам «на халяву». Одни объясняли это раздражением, усталостью от скандально-аполлоновской темы. Другие отстаивали версию меркантильной расчетливости: ведь в развернутой телебеседе на NBC за триста пятьдесят тысяч евро и в интервью «Камбио-16» (сумма неизвестна) Егра вполне себе шутил, позировал, раскрывался на темы и далекие от футбола, но близкие к скандальному шлейфу, носимому его фанатками.

Хотя и против однозначно финансовой версии был довод: вектор его географических предпочтений, градиент устремлен строго на юг. Скандинавов и немцев игнорировал полностью, порой подчеркнуто. На обязательных послематчевых беседах пропускал их вопросы, отворачивался от их камер. На одной из таких обязаловок датский журналист — единственный из всех скандинавов — удостоился ответа прямой, хотя и краткой речи. Следующим соперником Егорова «Атлетика» в Лиге Европы (Кубок УЕФА) был датский «Брондбю», накануне сыгравший ноль-ноль со шведским «Гётеборгом». Не обязанный в этом случае отвечать на английском, Егр высказался на родном: «Как оценил бы это мой батя: игра была равна, играли два говна». Перевели, конечно. Матч датчан со шведами и правда был весьма серенький, скучный, но интонация, об-

щий посыл Егра, похоже, означал нечто большее. Примерно с тех пор в Европе стали присматриваться к забивному красавчику и с политической точки зрения. Зондировать: кто такой — его «Вауа»? Какое влияние он оказывает на лидера «Атлетика», второго бомбардира испанской «Ла Лиги» и «самого красивого мужчину Европы, по версии семи журналов»?

На предложение Бундесшпрот-72: три получасовых передачи за семьсот пятьдесят тысяч евро — Егр не ответил вообще. Его хорошие отношения с испанской прессой понятны, неплохи были и с португальцами, итальянцами, греками. С французами, англичанами он порой спорил, как с тем же сайтом «ГодЕгрНиа», но евросеверяне удивленно-возмущенно калькулировали: за пять лет ни одного прямого взгляда, слова (кроме тех десяти слов датчанину)! В их СМИ гуляли лишь пересказы, перепечатки средиземноморских. А полковник Гарин после трагикомичного афронта датчанину сделал пометку: «Отец. Петр Леонидович Камов. Ярославская область. Выяснить».

5.

Разлетелись (Гарин — в Лондон, Егор с Ниной — на Байкал) с соглашением устным, но взаимопонятным. Градус суеты вокруг Камова требует соответствующего уровня безопасности. И теперь Егор, можно сказать, позволил позаботиться о себе — Родине, родной службе в лице Гарина. Договорились. Гарин отныне — директор-координатор Камова, решатель проблем, две первейшие из которых — упреждение инцидентов вроде угрозы скандального плена в Мэдлэнсе и затыкание/взятие под контроль всех утечек информации о здоровье, личной жизни Егора и семьи.

Получалось, развитие отношений с одиозной сектой Анны Блум равно в интересах рекламного бизнеса Егора Камова и службы полковника Гарина, которых интересовали связи адмирала Нэстингса, прочно сидящего по колпаком/каблуком жены (миссис Нэстингс в свои тридцать пять — одна из самых бурных, буйных фанаток Егры), и крупнейшая IT фирма маркиза Пэмбру, и сестры Хэрифор, точнее — младшая Нэнси, что, собственно, уже почти год — не Хэрифор, а миссис Бэнкс, то есть жена Энтони Бэнкса, директора разведслужбы FA-6 собственной персоной. Трезво считая (а по-другому в службе полковника Гарина не считали) вероятность снятия урожая на этой поляне (фотографии группы Блум просили другой образ: «взятие нектара с этого цветника»), была пять—пятнадцать процентов. Перспективы выше средних, хотя и ниже, чем, например, в знаменитом «треугольнике Профьюмо» 1961 года, объединившем порномодель Кристин, полковника ГРУ Евгения Иванова и военного министра барона Джона Профьюмо.

А пока ближняя забота Гарина: интересы Камова. Тут он показал себя. Вычислил, обратил внимание: регулярные медосмотры Егора проходили в течение четырех-шести часов, а у всех остальных игроков «Реала», «Атлетика» — не более двух часов, кроме отдельных исследований после серьезных травм. Таких травм Егор, слава богу, пока избегал. Не странно ли? Самые лучшие физические кондиции в «Ла Лиге» и самые долгие, подробные медосмотры? Значит, в них влезли дополнительные исследования. А потом их результаты просачиваются бог знает куда. От всяких институтов, лабораторий до Блумовой секты. Исходная инфа, сырье для всяких теорий, гипотез вплоть до самых дурацких.

Полный список анализов, процедур, считая все замеры: пульс, давление, состав крови на разных физических нагрузках... Лев Кимович быстро выяснит и сопоставит. Но уже сейчас в контракт Егора можно внести пункт: превышение времени осмотров сверх среднекомандных цифр считается вторжением в его частную жизнь. Размер штрафа клуба за таковые полковник Гарин предложил обозначить: два миллиона восьмьсот тысяч евро. Плюс на всех будущих осмотрах он как представитель Камова при-

существует. В противном случае иск по установленным фактам прошлых лет — превращение футболиста в подопытного кролика без его согласия — семнадцать миллионов евро.

Выслушав план действий на ближайшие полгода, Егор одобрительно цокнул, покачал скульптурной головой, дал Гарину полный карт-бланш и отправился с женой в Остафьево, где их ждал бизнес-джет в Сибирь...

Поддержав после благополучного взлета получасовое общение, выпив с веселой компанией сотрудников Саши Мелитина, веселого друга-банкира, предоставившего свой «Бомбардье», уютный самолетик с вышколенным экипажем, Егор с Ниной удалились в спальню. Сам банкир, правда, собирался, очень надеялся пообщаться с мировой звездой, прогуляться хотя бы полдня по родным его местам, но... бизнес, форс-мажоры... велел помощнику Вадику сопровождать, развлекать, ни в коем случае не надоедая. Оглядевшись в самолетной опочивальне («Кажется, мореный дуб? — Может, и мореный»), выпив еще бутылку «Кристалла» — не популярная в прошлом водка, а, наоборот, элитное шампанское, супруги плюхнулись в кровать.

Пошептавшись на тему вероятности того, мог ли Сашка оставить здесь телекамеру или даже две — «для разных ракурсов», они, задыхаясь, откинули одеяло и продолжили игру, потасовку... то, что действительно стоило бы в запечатленном видеоформате очень серьезных денег. По-своему интересен был бы даже аудиовариант, во всяком случае он бы раскрыл, за что именно они были «особо-особо-особо благодарны» Анне Блум. Успешно разогнавшая «тему Аполлона», божественности Егры, она надолго подарила им вариант любовной игры. Егор командовал и подавлял, и не только в постели, а на малейшие возражения, замечания жены громыхал: «Не бого-хульствуй!», и Нина самозабвенно приникала к ступням «Аполлона».

Погасив жажду «Кристаллом», они устали в низкий зеркальный потолок.

— Егра! А чегой-то ты сегодня не соблюл свою божественную атараксию? В кафе, с тем фээсбэшником обронил неолимпийское слово «б...»? Это из-за Алексея?

— Из-за, из-за...

— Не злись и не швыряй молнии, я правда ничего не знаю. Те англичанки вроде под родителей твоих роют?

— За отца я спокоен. Но они наверняка через него хотят выйти на моего брата-компромата, близнеца из ларца...

Тема — долгое семейное табу. «Но когда-то все равно придется рассказать, — наверно, размышлял разомлевший Аполлон. — Так почему б не сейчас, на высоте девять с половиной кэмэ, бесконечно влюбленной, верно носящей сейчас его третьего и четвертого?»

— До двух-трех лет в детдоме — еще ладно, но до пяти — развивается комплекс. Щенка в приюте. Красивого, здорового щенка, но «без родословной». Может, и взяли бы, «но брат-уродец»? А вдруг какие-то гены потом скажутся и у здорового щенка, хромосомы захромают? Станет как близнец-брат.

— Егра, я только краем слышала, от Петра Леонидовича. Буквально три слова, что он вообще есть, что зовут его Алексей, живет в Петербурге.

— Да, батя у меня кремень. Совзагранработник с сорокалетним стажем. Они тогда улетали в Бразилию, надолго. Отдыхали перед командировкой на Байкале, перед отъездом в Иркутске меня и присмотрели.

— А что... Алексей... он...

— Занятно. Лицом вроде очень похож, но карикатурно, скрюченно. Я иногда перед зеркалом гримасу пытался состроить, чтоб на него похоже. Не удавалось. Волосики рыжеватые, редкие-редкие, череп везде видать. Но главная скрюченность — тело, фигура. Видела, как сколиозные ходят-выворачиваются, трясутся? Вот почти так.

— Ужас. Может, родовая травма? Ты же на сколько-то минут раньше, а потом его...

— Травма? Я по этой гребаной генетике-евгенике магистр уже: Гена-Женя — мои собеседнички, надоевшие. Как греки тыщу лет неполноценных детей со скалы бросали — даже не хотел, а прочел уже сто раз. И не где-то прочел, а в маньячных статьях Блум! С ее выводом: тыщу лет бросали убогих, и все ради того, чтоб когда-то родился такой центрфорвард «Атлетик» Бильбао, забивший «Барсе» три гола в сезоне!

Кинув подушку в зеркало, Егор на минуту задумался, обернулся к Нине:

— Помню, воспитательница Анна Николавна его, Алексея, очень... может, даже любила. Нянчилась. А когда меня ругала, говорила, что это я его пяткой бил, покалечил. А я и не злился тогда. Сторонился, но и не обижал Лексея. По-моему, не обижал. Но когда Николавна журила, я голову вот так, подбородком сильно в грудь упирал и думал: «Ага, и волосенки я ему пяткой, что ли, выдрал?»

— Егр, а у тебя сразу, с детства такая грива кудрявая, золотистая?

— Вроде да. Но тогда почти всегда стригли «под Котовского», наголо. А записали нас: «Слюдянские». Станция такая, типа оттуда нас кто-то в Иркутск завез. Нашли с запиской, всего одна строчка: «Это Егор и Алексей». Или, может: «Назовите их Егор и Алексей». В детдоме имена поделили случайно, рэндомно. Так что я мог бы быть и Алексей.

— Не-е-е. Ты точно — Егор! Егра. Егрррр. — И сквозь любовное рычание-урчание: — А ты его больше не видел?

— Недавно свое фото зачем-то отцу прислал. Камовы взяли меня, с ним и связи-то никакой не было, но вот письмо долетело. Вроде как мне постеснялся, написал им. Институт в Питере окончил, что-то там в математике или кибернетике двигает. Такой же череп полуголый, челюсть чуток вниз отпадает.

— Ты боишься, что разыщут его? В Петербурге найден брат божественного Егра? Злишься?

— Нин — ну ни на нанограмм не злюсь!

— Сказал же: брат-компромат.

— Нет, на сумасшедших тех злюсь. Но они правда, если найдут, могут что угодно придумать.

— А он же не виноват. Не объявлялся ни разу, не претендовал.

— Да. Молодец... Знаешь, Нин, пошлю-ка я ему... тыщ пятьсот. Не, для начала триста хватит.

— Врешь, забудешь.

— Не богохульствуй, смертная! Вот гляди. Отправляю отцу, пишу, чтоб переслал Алексею. А, нет, лучше через Аркадия, тут конфиденциальность, политика. Он и придумает, как обделать... Если Алексей математик, пусть деньги — от фонда поддержки математиков, — хохотнул. — Если кибернетик — от кибернетиков. Смотри, — ткнул экранчиком, — уже ушло. У Сашки связь — экстра! Смотри, уже! Сейчас на экран переведу. Прикройся, он сейчас включится.

Нина натянула по шею одеяло. Черно-глянцевая панель над кроватью, мелькнув голубой молнией, включила беззвучную картинку. Через секунд пять хозяин самолета заговорил:

— Ну как вам, друзья? Гляжу тут: а мой самый дорогой и знаменитый клиент кому-то триста тысяч рублей отправил. А локация самолета мигает: вы Урал перевалили.

— Все роскошно, Саш. Шампанское только кончается. Пришли истребитель какой-нибудь, дозаправка в воздухе.

— А? А — ха-ха! Юморная у тебя Нинка, поздравляю, Егор. Ты небось там всю мою братию спойл? Полегче, им еще работать. А обратно когда, уточнили?

- Семнадцатого. Но нам не в Москву, в Ярославль.
- К отцу?
- Да. А потом еще программу с англичанкой запишем.
- В Ярославле?
- Или в Рыбинске. Там тоже красиво. Столица русских бурлаков.
- Точно. Из Рыбинска, кстати, родом один... эмигрант, который Голливуд еще основал. Вспомню, найду — скажу. Эх, хотел бы сейчас с вами на Байкал, но увы... Конеч связи.

5-бис

— Лев Кимович! Вас предупреждали насчет меня? — Визитная карточка, скользнув по столу, легла перед Гариним, как первый заход в преферансе.

— Да. Аркадий Борисович. Подготовили исчерпывающе. Егор упоминал вашу работу весьма положительно и, особенно, контракт, что вы сейчас готовите с банком «Юнимарс». Уже можно поздравить?

— Чуть рановато. Еще неделя, думаю, и будет можно.

— Только, Аркадий Борисович, извините, сведения мне грузят все письменные, я так не уточнил: где ставить ваше фамильное ударение? Как правильно: Лисо́вин? Или, как произносят поужнее, ближе... к Житомирам, Одессам и вским Хацапетовкам, Лисови́н? Самец лисы?

— Вы же, Лев Кимович, только что упомянули: Егор Петрович про меня вам лично рассказывал? Как же тогда... с ударением?

— Егор? Так он только: Аркадий, Аркаша.

— М-м, он такой. Значит, господин Гарин, так. По-среднерусски мужа лисы чаще зовут лис. А поужнее, поближе к указанным вами... Хацапетовкам — действительно: лисови́н. — Оскал рекламщика, казалось, вправду бросил рыжий и злой отблеск на лакированную столешницу. — Уверен, господин Гарин, организация ваша выдала вам справки обо мне самые полные, с национальностью, предками, местом рождения. Так что выбирайте уж сами. Хотя, мне кажется, вы ведь уже и выбрали? Значит, Лисови́н?

— Да, господин Лисовин.

Пикировка слегка взбудрила полковника. Гимнастика хорошего спецслужбиста. Аркадий этот умен, легко ловит и подхватывает тон и вектор разговора. Если бы кто-то подслушивал и записывал бы их беседу и потом бы долго анализировал подслушанное (а насчет прослушки сегодня можно и без «бы») — ох, не скоро и не без содействия филологов-русистов он разберется в этом споре, перетаскивания ударения на соседний слог. Означало это:

1. Ты, Аркаша Лисови́н — точно из одесских евреев. Сейчас в своей стихии, блестяще гешефтируешь, приносишь в своем длинноватом, крючковатом клюве денежки Егору Камову, да. Надеюсь (это еще проверим) не мухлюешь с налогами, как твой знаменитый соплеменник Алан Клайн, обворовавший, подведший под долги и «налоговую эмиграцию» «Роллинг стоунз», а затем «по совпадению» разваливший «Битлз». Но даже если в твоих контрактах нет ям, налоговых дыр, я уверен, ты же не остановился на своих честных комиссионных! А как тебе помогает Койнония, секта Анны Блум получать эти контракты? В какой форме ты их благодаришь? Может, уже просветил англичан, что такое: of-ka-tu? Одесские «башли, лавэ»? Но я все проверю. Это будет: «Найти» — в моей задачке.

2. Ты, Лев Гарин — точно из комитетчиков. Кого бы еще сунули на такую барскую синектуру: не работать, вкалывать, крутиться — только сиди, контролируй. «Курируй».

А отвечать за результат? — не пред беднягой Егором, конечно, лишь пред начальниками на Лубянке. А что у вас считается за результат — кто там разберет? Но уж явно не дело, не «башли», не что-то измеряемое. Вот и сейчас мы оба полетим в Лондон и вернемся в Москву: я с двухмиллионным контрактом, а ты с выглаженным «Отчетом по командировке» на пять страниц. И вся твоя работа. А ваши анкетные бдения, пятипунктные поиски и вылавливание Лисови́неров — вот досада! — все у вас никак не монетизируется. Все мимо. И хотя ты, Гарин, похоже, поумнее коллег своих толсто-мордо-задых, но все равно не сумеешь помешать *мне* сделать Егора богатым олимпийским богом.

Но чувства Льва Кимовича к... «Лисовинерам» отнюдь не были заточены так, как воображал раздраженный Аркадий Борисович. Даже «Лаокоон-880» одной из ветвей своей допросной программы заметил у него неясности по ясному для большинства коллег еврейскому вопросу.

Но пока обоюдные впечатления Гарина и Лисовина, сегодняшние зарубки на древе сюжета, можно было расшифровать: «глубокое недоверие. Взаимное...»

Что программка Андриевского точно вызнала — так это одну жестокую, хотя мелкую причуду. Пустяк, о котором Гарин и не задумывался. Года три назад жена принесла цветок в горшке. Точнее, растеньице, без цветков, очень напоминавшее дерево платан. Прямо действующая (живая же!) модель платана в масштабе один к ста. Красивая, но капризная: поливать не реже раз в три дня. На пятый-седьмой «Платоша» (сразу же присвоенное мини-платану прозвище) начинал засыхать. Возилась с ним жена. В отъезды мужа просила Дарью заехать полить.

Вспомнил Гарин, случайно обратил взгляд на «Платошу» дней через пять после похорон... Подойдя к окну, долго и тупо смотрел, переводил взгляд на улицу с последними выметаемыми следами послезимней грязи, прохожими, собаками, наверно чующими весну. После минут двадцати, закончив это «упражнение в рассеянности», так не сходяв за водой, Гарин уехал на службу... Следующий раз растение попало ему на глаза еще дней через несколько. Теперь пригляделся к «Платоше» подробнее. На верхних густых его листьях по краям пошла сухая светло-коричневая кайма. Хоть и подробнее рассматривал растение, но так же «тупо». Крутился калейдоскоп воспоминаний. Среди кадров прежней, семейной жизни были и жена, стоит у окна возле питомца в терракотовом горшке. Поливала его — из синего надбитого фарфорового чайничка, выведенного из столового оборота. И опять Гарин уехал, не принеся воды растению.

Только на следующий раз возлеоконное «упражнение в рассеянности» сменилось наконец осмысленным разглядыванием «Платоши». Хлорофилловый сок жизни отступил повсюду. Зеленели лишь сердцевинки нижних листьев, да сквозь грязно-коричневый сноп виднелась пара полуживых веточек.

Засыхающее мини-дерево вызывало в сумрачном лабиринте вдовецких мыслей лишь: «А восстановится, выживет ли, если полить его сейчас?», «А сегодня?», «А?»

Генерал Бекасов, отстаивая подчиненного и друга, приводил на совещаниях известные случаи проколов прошлых полиграфов, но Лев Кимович Гарин про себя, втайне признал проницательность «Лаокоона-880». Эвристический алгоритм капитана Андриевского в блоке «семейная, домашняя жизнь», быстро отбрасывая ненужные («засохшие») ветви вопросов, в блоке «Кто/что требует вашего постоянного внимания?» программа, перебрав, отбросив собак, котов, попугаев, рыбок, почти добралась до хладнокровно умерщвленного «Платоши». Да, «почти угадал ты, Лаокоон!», хоть и в микропустычном вопросе. А может, именно так допросная машина вышла на саднящий вердикт «иррациональные моменты поведения»?

6.

Точный расчет и внесение поправок на разность часовых поясов (плюс пять с Москвой, плюс восемь с Лондоном), если б такими вычислениями и занялся какой-нибудь любитель забавных/мистических/роковых совпадений, показал бы, что... Что ровно во время, когда Егор после купания в Байкале, ужина с омулем, брусничным морсом, кедровой настойкой и морошкой засыпал в объятиях Нины... Лев Гарин шел пешком по Дартмут-Парк-Хилл на переговоры с Анной Блум в лондонский дом маркизов Пэмбру.

По пути он вдруг решил, может, просто вспомнил разговор с дочерью (а может, та вычисленная «ситуативная иррациональность») — решил и вправду заглянуть на Хайгейтское кладбище, глянуть на могилу «основоположника». Его, полковника Гарина, часовой пояс плюс ноль («Гринвич, сэр!»), запас времени был, как приучила служба: минут тридцать пять до встречи с Анной Блум, проживавшей в доме маркизов Пэмбру в качестве секретаря и писателя-биографа.

Лев Кимович, конечно, не ждал узреть оградок в стиле русских кладбищ, но все ж был остановлен забором другого типа, чековым аппаратом под навесом и объявлением: «...и могила Карла Маркса. Вход четыре фунта».

«Для борца с прибавочной стоимостью — четыре фунта стерлингов? Многовато. Хотя, с другой стороны, евреи ведь... Ладно, может, на обратном пути», — подумал полковник. Скупым Гарин себя не считал, но привык калькулировать. На заход к могиле из запаса времени оставалось пять минут. Но заплатить столько — это надо ж как-то окупить? Постоять там, задумчиво потереть лоб. Нет, четыре фунта за пять минут на бегу — многовато будет. Может, на обратном загляну. Сейчас лучше не спеша дошагать до Пэмбру и подумать. Чем полковник и занялся...

Одна из статей сайта «ГодЕгзНиа» давала хороший пример утечки информации, инсайдерства (с чем ему предстояло бороться). Дело касалось периода «полураспада» отношений Егора с Сильвией. Жили тогда уже не вместе, но он заезжал к ней еженедельно. Лурдес было меньше года, и пока мать моталась по телестудиям, с ней сидела нянька Жозефа. Иногда возвращаться было поздно, и она выпросила право ночевать в ее квартире. И чаще это «иногда» приходилось на вечерние визиты Егора, что и вылилось для Жозефы в дополнительные пятнадцать тысяч евро за эксклюзивный рассказ в купе с фотографиями, сделанными тайно.

Сильвия взяла ее, конечно из землячек: рассказ выдавал девушку, выросшую на сериалах...

— *Донья Сильвия, когда узнала про японскую певицу, с которой Егз сошелся, была зла, как настоящая тигрица. Каждый божий день клялась его убить и больше не показывать ему Лурдес, даже краешком. Рычала — прямо настоящая тигрица, швыряла тапки и подушки. Познакомились они с Егзой еще у нас в Сан-Паулу. Его родители работали на фирме, поставлявшей из России удобрения, и он стал играть сначала в детской, потом юношеской, потом молодежной командах «Коринтианс».*

Далее две душеспитательных серии о знакомстве. Нет, сначала — еще рассказ о том, как в Сан-Паулу занесло мать Сильвии, Журжету, и как сам Пеле пять или семь раз приезжал за ней. Далее — в пределах фантазии няньки или любого сценариста телесериалов...

Структура сайта Блум позволяла совместить мелодраматический рассказ служанки с энергичными подгоняющими врезами, вроде:

«Каков Егз в нападении, при подаче угловых, мы знаем. Но каков он в постели?» Вот ответ разысканной нами бэби-ситера Жозефы (няньки):

«Еще днем Сильвия клялась его убить, не дать видеть дочку... а засыпали они все-таки вместе. Значит, Егра был уверен: ублажил эту тигрицу. Вот так, сеньоры и сеньориты. Утром они обычно играли с Лурдес, а днем Егра уезжал на тренировку, и все начиналось сначала...»

Нагнетая интригу, рейтинг сайта Анна Блум перед публикацией подпольных, выкупленных у Жозефы постельных снимков запустила научно-исторический онлайн-диспут «О классических размерах»:

— Видя Егру в пантеоне олимпийских богов, мы, конечно, задаемся вопросом о размерах... О всех размерах. Рост Аполлона Бельведерского 178 см — знает весь цивилизованный мир. Как и о 179 см Егры. Рост Микеланджелового Давида вычислен по сложным пропорциям: 174 см. Геракл — 177 см.

Но есть еще тема, что перехлестнула берега Интернета, стала предметом диссертаций антропологов, физиологов:

«Почему у всех античных скульптур столь маленькие пенисы?!» Лаокоон, Геракл, Дискобол (там тоже видно). У знаменитого Аполлона Бельведерского 4(четыре!) незрегированных сантиметра! Мы задали этот вопрос «Почему?!», и подписчицы сайта «ГодЕгрНиа» прислали уже 17 562 ответа. Публикуем самые популярные:

- 1. Наверно, пенисы богов имели огромный коэффициент расширения.*
- 2. Чтоб зрители не отвлекались от божественной красоты тела.*
- 3. Так это и есть Прогресс человечества!*
- 4. «Все относительно»...*

Но гораздо больше, чем абстрактное искусствоведение, наших подписчиц волнует: «Каков же размер у Егры?» Этот вопрос потеснил даже тему его политической ориентации, причин поддержки Камовым агрессивной политики России, его плохих отношений к свободолюбивой Украине и демократической Эстонии, и его мнения об угрозе мировой войны из-за аннексии Крыма...

Сами фотографии, сделанные предательской нянькой в темноте, через зеркало и чуть приоткрывшуюся дверь, разочаровывали ненасытных читательниц сайта. Похожие скорее на военные съемки с далекого тепловизора, они требовали серьезной работы экспертов, расчетов по разным проекциям.

И с помощью новых компьютерных технологий наши специалисты все же смогли вычислить Его Размер!..

И так протянув, сколько можно, поддержав интригу, сайт «ГодЕгрНиа» завершал публикацию — двумя ответами на два Вопроса Современности:

- 1. Так говорил Егр: мировой ядерной войны из-за аннексии Крыма не будет!*
- 2. 17,5 сантиметров!*

Резная дубовая дверь с кованым кольцом. Дорогая черная пара, идеально белая сорочка, галстук (только что не бабочка) входного секьюрити почти насмешливо редуцировалась растянутыми футболками, тертыми джинсами маркизы Зельды Пэмбру и Анны Блум. Хозяйка георгианского особняка и ее всклокоченная секретарь приняли Льва Кимовича в библиотеке. В стеклянных, не открывавшихся, похоже, годами створках шкафов металась отражения оранжевой и зеленой футболок маркизы и секретаря. С большим, выше служебного интересом присматривался полковник Гарин, пробуя совместить накопленные сведения с наличествующим. Обе — вполне за тридцать, Зельда — зеленоглазая блондинка, пожалуй, красавица. Энергичная рыжекудрая Анна до красавицы никак не дотягивала, зато полностью соответствовала представлениям о лидере, главе сообщества, допустим секты или полуподпольной группы. И своей номинальной хозяйкой командовала, но для посторонних, периодически оглядывалась

на нее как бы вопросительно, в ожидании официального подтверждения. На частых и резких оборачиваниях рыжие кудельные занавески хлестали по лицу, открывая-закрывая глаза, которые при этом еще и меняли цвет или оттенок, от карего до пронзительно-черного.

Косметики: ноль целых, десятых и сотых на обоих, на обеих. Это сегодня частый, модный в Европе образ, меседж: «Да, мы такие. Экологично естественные». Но уверен: свести их по их же детородному плану с Егором, тут уж они натуральной природой не ограничатся, всю мощь западной медицины косметики вызовут. Или вдруг вправду рассчитывают на божественное вспоможение? Как пенсионерка Сарра родила от Авраама? Ах да, они ж Библию отрицают. А у греков, эллинов — старух, кажется, и вообще не было. Да. Там вечная молодость, безмятежная красота, а если кто, что — сразу в ведьмы, гарпии. Такие уж нравы, пантеон.

Хотя (Гарин перевел воображение на третью скорость) в Мэдлэнсе тогда, вытанцовывая, забирая Егора Камова в плен — они наверняка косметикой не пренебрегли, раскрашенные были... представляю! Особенно эта рыжая... Тьфу, забрел в чашу, — осадил себя Гарин: спецслужбист, и как-никак на задании. Но от Блумши, правда, веет чем-то, поэтесса эдакая! Бекасов вон в Москве скомандовал обратить на нее особое внимание — вот я и обращаю.

Перспективный, в общем-то, разговор, показ превьюшек эксклюзивных фотографий Егора и его семейства, выдержки из возможных эксклюзивных же ответов сайту «ГодЕгрНиа» они почти синхронно прервали вопросом: «Где Егр сейчас?!»

— Гуляет по туннелям Кругобайкалки, купается в Байкале...

Думал успокоить мечущихся истеричек. Наивный. Переглянувшись в неподдельном ужасе, они синхронно вперились в экраны смартфонов, заелозили пальчиками по экранам. Через минуту Анна Блум подскочила к распахнутому ноутбуку, распечатала справку, подала маркизе, и обе гневно уставились на полковника. Блумша, забрав листок, зачитала:

— *Средняя температура воды в Байкале сегодня, 17 июня — плюс пять градусов!.. Так-так, медуз там вроде не водится... Вот, далее... Глубина, то есть максимальное расстояние до дна Байкала — 1600 метров! Так... Дополнительная информация: резкое переохлаждение в воде Байкала стало причиной гибели 17 августа 1972 года драматурга Александра Вампилова (названного в рецензии «Таймс» «советский Чехов»).*

— И вы, Льеф Кимович, сидите сейчас здесь перед нами и убеждаете, что вы — полномочный его представитель и полностью отвечаете за безопасность?!

Гнев англичанок тронул Льва Гарина: «Похоже, они действительно... боготворят его».

Результаты переговоров... противоречивели (противоречили + горчили). Анна Блум почти по каждому выслушанному пункту звонила («Интересно, кому?») и, отойдя к дальним стеллажам, быстро, приглушенно переговаривалась. Заметить удалось только, что номер был один и тот же.

В общем, любому сотрудничеству они будут рады, готовы даже согласовывать планы ближайших публикаций, но от поисков истинных родителей Егры они отказаться никак не могут («Может, уже наняли кого-то в Сибири?»). В целом для европейских фанатов наследие «советского железного занавеса» не так плотно, как при Черчилле—Сталине, но все ж скрывающего Егора во время его пребывания в России, бесило. И не только подписчиц сайта Блум. Форумы пестрели возмущениями: «Он словно на Юпитер улетает!» — «Ага, к отцу своему» (случались и неплохие остроты).

Волна особого возмущения поднялась через полгода после случая в Мэдлэнсе. Пыталась Блум сохранить тайну или выложить удобную версию, но игроки «Атлетик», вернувшись, выдали в соцсетях и СМИ такой вал, оставалось лишь поднырнуть и пе-

реждать. Благо футболисты, не упуская случая похвастаться, нагородили столько взаимопроверочающих версий, что близ старинного замка Мэдлэнс вырос целый квартал замков воздушных, населенных влюбленными в них английскими феями.

А потом полились «инфосливы». Еврофанатки узнали, что Егр с волшебного бала сбежал, а в Лондоне был подхвачен какой-то японской певичкой, через день их видели в Париже на опере «Лоэнгрин».

Возмущение выросло через несколько месяцев, когда выяснили: «японская певичка» оказалась якуткой, точнее, якуто-русской метиской по имени Нина. Они муж и жена, неизвестно сколько времени, а недавно у них родился уже второй ребенок, сын Юра. Появились и фотографии, качества скверного, но «олимпийские черты» детей были различимы. Большинство читательниц считало: Егра таил свой брак, как ранее Джон Леннон, Брайан Джонс и другие звезды — для имиджа, чтоб оставаться всежеланным и свободным (хотя б в девичьих мечтах).

Трезвая часть аудитории возражала: просто хотел оградить от истерии, дать детям толику спокойствия хоть на первые годы жизни, «передержать» их на здоровом воздухе-питании. Скорее всего, в краях, где сам родился, в Сибири. Жена Нина оказалась полу... или даже четвертьпрофессиональной певицей. Группа, где она, клавишные и бэк-вокал, специализировалась на фолк- и бард-роке, изредка сопровождала малоизвестных в России певцов. Вопросы, где, как, когда и даже зачем они познакомились, журналистам раскрыть пока не удалось... Последний из вопросов, точнее — возмущенный возглас («Какого дьявола? И что он в ней нашел?!») отражал лютую ревность части аудитории и уверенность: занявшая *такое* место должна быть обладательницей совершенно особых достоинств! Они, достоинства, возможно, и есть («Раз ее выбрал он — значит...» — полагала более спокойная часть поклонников), — но тоже совершенно скрыты за этим ужасным «железным занавесом», как и вся российская часть жизни Егры.

Подкрепляя заключенный договор, стороны осуществили первый микробартер. Гарин сгрузил им прямо на телеграм-канал фотографию Егора с детьми, самую обычную, любительскую, сделанную на телефон в кафе на Мясницкой, где они передавали детей родителям Нины. И «сторона Анны Блум» перешла к планам сотрудничества, со службой полковника. Фотка и такая — никакая по качеству — пикселям была радостно схвачена: уже два с половиной месяца не было новых картинок детей Егры. А потомство «олимпийского бога» тоже в фокусе внимания: кому — «пруф», дополнительное подтверждение божественности, кому — «живые рекламные проспекты от быка-производителя». Именно так, в своем беспечно-шутливом тоне отозвался Егор, когда Гарин спросил разрешения на передачу их фото, выставления ее на сайте «ГодЕгр-Ния» в случае договоренности с Блум.

Встречной поставкой по бартеру был файл, предназначенный к публикации через неделю. Иллюстрированный рассказ «Жизнь Сильвии после „окончательного“ (?) расставания с Егрой». Характерный подзаголовок в переводе на русский часть смысла терял, но и оставшегося хватило, чтоб представить «аромат» полусумасшедшей секты:

«Пять *безбожных* лет. Как они дались внучке короля футбола и матери самого красивого ребенка планеты?»

Тут уж фотоиллюстрации — высшего профи-качества, постановочные и схваченные в динамике ее «жизни без бога», каковая отчасти соответствовала русскому выражению «пустилась во все тяжкие». Не в смысле хоровода партнеров, именно с этим было строго: король футбола наконец выдал ее за Игнацию Тежу, сына своего старшего, превосходящего богатством бизнес-партнера. Возможно, они свои миллиардные сделки уже не раз закрепляли тостами «за объединение семей», но долгожданная матери-

ализация свернула немного в неожиданную сторону. Наследник гигантской империи, пухляш Игнацио к Сильвии относился с трепетом, но падчерицу Лурдес — просто боготворил. Это и неудивительно (см. фото), но еще он, страстный поклонник кокаина и футбола, фанател и от отца Лурдес, и... изюминка будущей статьи: в неизвестно каком, может и не сильно туманном состоянии, Игнацио Тежу сказал, что был бы не против, чтоб и следующий их ребенок «был бы таким же, как Лурдес». Настойчивая Анна Блум (конечно, эту беседу она не доверила никому другому) вытрясла из Игнацио уточнение: то есть не против, чтоб и отец был бы тот же. Мнение самой Сильвии приведено не было — «тяжкие», в которые пустилась она: нескончаемые фотосессии, светские рауты, телепередачи, обязательно с дочкой, благо интерес журналов, ТВ-каналов к симпатичной маме и божественной дочери был бездонен. Редкостное сочетание остаточных, но ярких черт мулатки и громадные серые глаза, греческий профиль в первые секунды производили впечатление коллажа. Но во вторые и далее секунды оставалось лишь восхищение...

Дочитав, досмотрев, Гарин поднял глаза на ожидавшую парочку, выдержал паузу.

— К сказанному ранее, господин Гарин, мы имеем добавить: наш сайт расширяет охват, а со следующего года обзаводимся бумажной, разумеется, глянцевой версией. Тираж пилотного номера примерно четыре с половиной тысячи, стоимость в розничных сетях пока рассчитывается. Хотя, вы понимаете, прибыльность издания — не самоцель и не цель.

— Ваша светлость и вы, госпожа Блум, упоминали о моем, нашем соучастии, праве соредактирования ваших материалов. Но едва ли я могу счесть представленный сейчас проект статьи удачным примером возможного сотрудничества. Здесь мне остается только поздравить вас с определенно сенсационным материалом. «Наследник-миллиардер мечтает о переформатировании его брака в шведский?» — Интонация пародии на их подзаголовок заставила наконец маркизу и Блум улыбнуться. — Вы признали: для сайта, журнала нуждаетесь в согласии Егора Камова и потоке наших материалов, но... здесь нет ничего встречно представляющего нам интерес.

— Это потому, что ваш интерес слишком утилитарен. Но мы уверены: вы и ваши друзья в Москве весьма оцените возможности этих информационных ресурсов...

7.

Жара заставила Гарина забыть об обещании себе: заглянуть на обратном пути к Карлу Марксу. Ограничился воспоминаниями и кратким резюме: «А как же нам грузили историю через еврокладбища! В школе — про парижское Пер-Лашез, где лежат красные коммунары и паломничают делегации с венками от советского начальства. А с конца 80-х — уже это... Сен... Жев... де-Буа, где, наоборот, белые эмигранты, но точно так же наши власти скорбно бредут с венками... А вот Карлу, похоже, забыли».

Гарин стоял в небольшой группе у светофора, и на первых шагах под зеленый некто его обогнал и обернулся. Похожий на маскарадного монаха: балахон в полный рост, совсем не по жаре, поднятый капюшон, развевающаяся седая борода.

— Господин Гарин, прошу двадцать минут внимания. Уделите, пожалуйста.

Полковник вместе с «монахом» пересек Дартмут-Парк-Хилл и свернул в предложенном направлении. Замедлив было шаг напротив дверей паба, спутник смутился: «Нет, здесь меня узнают. Прощу вас, за тем перекрестком справа начинается парк».

Скамейки были заняты не полностью, но, видимо, по мнению внезапного спутника, даже один старичок рядом или мамаша с коляской могли помешать.

— Извините, ради бога... Не затруднит ли вас пройти еще буквально один квартал? Там точно можно. И не жарко.

Действительно недалеко, сразу за углом стекло-алюминиевого бизнес-центра, открылась темно-зеленая густая завеса и высокие ворота под охраной четырех грузных колонн.

«Нет, это уж слишком! Сначала шуточки дочери: „Плюнешь на могилу Карла Маркса?“, потом я по дороге к маркизам прошел мимо, собираясь мыслями. И вот теперь... Да это не только следить — надо мысли мои подсматривать!»

Во входном павильончике Хайгейтского кладбища его спутник нырнул рукой под балахон и, несмотря на неудобство, быстро, словно опасаясь, что полковник сам вынется заплатить, выудил карточку, приложил.

Отыскав в приятном тенистом уединении скамью, «монах» наконец откинул капюшон, отцепил бороду, вежливо кивнул: «Леопольд Сточ, маркиз Пэмбру». И словно извиняясь за отнятое на поход время энергично начал: «Уважая компетентность вашей организации, позволю себе предположить: вам обо мне известно, не так ли? Во-первых, я должен извиниться перед вами за попытку пленения, возможно, и насилия над вашим подопечным Егором Камовым. Инцидент, имевший место в моем замке хоть и полугодовой давности, но ранее не имел возможности принести вам извинения».

У Гарина к справке об инциденте в Мэдлэнсе прилагалось и описание трагикомичной погони маркиза Пэмбру за автобусом с выпровоженными гостями. А теперь полковник словно видел воочию сцену «обилечивания пассажиров». Помогло подобие: он сейчас тоже покинул резиденцию Пэмбру в раздражении, его тоже нагнал маркиз, желающий дообъясниться. Только что коробки с «Ролексом» не вручил. Но повод сегодняшней «погони», объяснил маркиз Леопольд, был более серьезен: опасность, нависшая над его супругой и секретарем Анной Блум.

Гарин уже уяснил: энергия и влияние английского сообщества фанатов Егры имели две причины. Первая, лежащая на поверхности: принадлежность адептов «к самым влиятельным семьям финансовой и земельной британской аристократии» (можно и так — в стиле советских справочников). Причина вторая, неизвестная до сего момента и Гарину: почти все члены «Секты Блум», до и параллельно, состояли в обществе более старинном, тайном и более страшном для маркиза.

Полковник мысленно извинялся за неполноту своих сведений, более интернетных, а Пэмбру досадовал на необходимость отвлечений на эти экскурсии, но страх за жену диктовал. Кружок великосветских оккультных дур, все более страстно игравших черные мессы с гашишем, затягивал Зельду.

— Ваша светлость имеет в виду какую-то из этих... церквей сатаны?

— Увы, да. Наш Алистер Кроули — поп-звезда мирового сатанизма. Хотя сам он и отвергал сей титул, но, поверьте... лишь по причине еще более тотального отрицания христианства. Ведь сатана — персонаж все же из Библии, и назвавшиеся сатанистами включаются в этот контент, нарратив, хоть и на специфических ролях. Но профанам нет дела до тонкостей, расписывают стены пентаграммами, портретами Кроули, бафметами, шестерками — и готовы расписание антимесс, ловите на жертвы несчастных кошек. Извините за сей экскурс.

— Ваша светлость, искренности нашего разговора никак бы не повредило, если бы вы сообщили, на основании чего посчитали меня сотрудником спецслужб, сказав, что мне, нам... все о вас известно? Вы ведь так и начали: «Уважая компетентность вашей организации»? И знаете, маркиз, меня не обидит абсолютно любой из возможных ваших ответов. Допустим, вы считаете: у всех русских футболистов, играющих за рубежом, агенты только из КГБ. Или что вообще все русские за рубежом — из КГБ. Или что я выгляжу как типичный кагэбэшник? Не обижусь. Так кто вас подтолкнул к этой мысли?

— Я очень благодарен неугомонной Анне Блум. — Ударением на имени-фамилии маркиз как бы ответил на вопрос полковника, продолжая говорить о нужном ему. Элегантно, маркиз. — Она поэт, автор известных исторических книг, нон-фикшн, новелл, весьма популярных лет пять-восемь назад. Только одну поэтическую, «Вещество английской веры» — на мой взгляд, сильно недооценили. Анна вошла в наш круг как возможный биограф, летописец нашей фамилии. Признателен ей: выводит Зельду из тени сатанизма. Может, игры, но все более опасной, и особенно ввиду энергичного участия сестер Хэрифор, наших дальних родственниц... и полнейших мерзавок!

Отмерив две секунды на удивление полковника всплеску ярости, маркиз Леопольд продолжил:

— Хотя и считал поклонение футболисту немного смешным, вульгарным, я был чрезвычайно рад прекращению этих черных антимесс. Анна изящно повторила и логический фокус Алистера Кроули. От акций, грозивших попаданием в бульварные новости: «черный культ, великосветские ведьмы!», повела свою общину прямо на гору Олимп. «Экологически чистая» конфессия и ничего антихристианского: ведь Зевсу, Аполлону и компании молились тысячу лет до прихода этой многострадальной, многоконфликтной религии. Греческие и североамериканские олимпиалисты официально зарегистрированы еще в 1960-х годах, но козырь Анны: их Егр и есть — Аполлон. Олимпийцы и раньше любили вселяться в быков, лебедей, но чаще перебирали облики человеческие... Мистер Гарин, вы не против немного прогуляться по аллее? Эти каменные скамьи к вечеру становятся совершенно невыносимы.

Поднимаясь за маркизом, Лев Кимович вклинился:

— Ваша светлость, с дальнейшей их аргументацией я отчасти знаком, — и быстро процитировал обрывки статей Блум, намекая этой скороговоркой на желание перейти к делу: — «Воплощение в футболиста кажется невероятным? А кем считали Иисуса две тысячи лет назад? Врачом широкого профиля, специалистом по глазным болезням, проказе, параличам? Рассказчиком забавных историй, поучительных басен? Гипнотизером?.. С 1972 года эра Водолея плавно сменяет эру Рыб, неся гармонию вместо жесточайших догматов, патриархального мироустройства». Все верно? Но, маркиз, что сегодня вызвало вашу за мной погоню? Чем именно может быть вам полезен скромный агент футболиста, подозреваемого вашими домочадцами в божественном происхождении?

— В ближайшие дни Зельда и Анна планируют приехать в Россию. Дело серьезнее, чем поиски настоящих родителей и брата Егора Камова, каковые, я знаю, вы убеждали их оставить.

— Да, убеждал. Это прямое желание Егора. Так сказать, повеление их бога. Они разве не опасаются... молнии — или это у Зевса? — м-м, превращения в какие-нибудь деревья? В пару русских березок?

— Уверен, мистер Гарин, вы не только перестанете улыбаться, узнав, что дело в прямой безопасности моей жены и Анны Блум, репутации Егора Камова, но еще убедитесь в наличии вашего собственного, вашей организации весьма большого интереса в связи с их бегством.

Перед Гариным мелькнул было хвост возможной остроты, про алтарь Аполлона Байкальского, у которого молят о защите две беглянки, но он придавил его. Далее слушал, не потеряв ни буквы.

Клятвы найти и придушить «предательских с...», лишивших Койнонию, всех ее сектанток общения и семени бога, не были словоизвержением разгневанных фурий. На хозяйку Мэдлэнса и ее секретаря пали главные подозрения, и только убедительная ярость Анны отвела быстрый «допрос с пристрастием». Койнония («сектой» они были для посторонних) держалась на особых свойствах госпожи Блум, может, не в мень-

шей доле, чем на красотах Егора Камова, и в ту ночь она исступлением шаманки перевела подозрения на сестер Хэрифор. Ныне говорят «отзеркалила». Без доказательств, просто вперив бешеный взгляд. Впрочем, доказательств не было ни у кого. Мэдлэнс с командой футболистов в буквальном смысле запереть было нельзя, и каждая из них могла довезти Егру хотя бы до трассы или до Челтнема и получить сепаратно, предательски — то, сводившее с ума дамочек секты. Решили: главной несомненной уликой станет, конечно, ребенок.

— Но младшая из мерзавок Хэрифор, Нэнси, придумала, как найти предательницу, не дожидаясь девяти месяцев. Ее возможности страшно выросли после того, как она вышла за этого надменного идиота Тони.

— То есть... директора FA-6 Энтони Бэнкса?

— Любой итонец, учившийся в восьмидесятых годах, вам подтвердит: тупого болвана, сноба и сикофанта Тони Бэнкса, негодая.

Больше Гарин переспрашивать не стал, понимая, что получит лишь еще корзину оскорблений главы контрразведки Великобритании.

— Нэнси организовала негласную принудительную проверку всех членов кружка, бывших той ночью в Мэдлэнсе, на полиграфе, новом детекторе лжи, принятом в FA-6. Привести без решения суда представительниц лучших фамилий Соединенного королевства в эту «пыточную» — вы даже не представляете весь кошмар. Обкрутить, оцепить проводами, трубками, — как раз это полковник Лев Гарин прекрасно представлял, спасибо, «Лаокоону-880». — Только благодаря полной беспринципности болвана Бэнкса им удалось получить лучшую лабораторию FA-6. Бедняжки не знали, кого больше бояться: сотрудников контрразведки или членов своей группы. Все же тут читали Достоевского и потому знали: такие организации всегда заняты поисками предателя, сплываются, «повязываются» кровью...

Гарину было трудно оценить обоснованность страхов маркиза, истинную меру опасности, грозящей его жене, силы сатанинско-языческой клятвы, принесенной в Мэдлэнсе. Но до того, как Анна вывела секту к солнечному «Аполлоно-Егриному культу», они участвовали в кровавой антимессе. Газеты смаковали: «Шабаш в Эдинбурге! Смертельные забавы великосветских сатанистов! Жертва — красивый молодой парень, ранее замеченный на тематических сайтах, возможно, маньяк-мазохист. Лежал абсолютно голый, раскинувшись на полу, как на чертеже Леонардо да Винчи. Исколотый, но, возможно, по его желанию. Подозрительно мало крови оставалось в теле, а вокруг ни потека, ни пятна. Куда-то собирали? Все стены и пол под несчастным были разрисованы... перефразируя девиз старого советского детского конкурса: „В каждом рисунке — пентаграммы“ и козлы». Но фамилия Хэрифор мелькнула в потоке репортажей только первый раз и то сугубо в сослагательном ключе. Иначе быть не могло: на том стояла, стоит и будет стоять Великая Британия...

Печальный, благородный облик маркиза мог украсить статью «Искренность» в какой-нибудь иллюстрированной энциклопедии:

— Я долго размышлял: как, почему Анна успешно прошла детекторную пытку? И отгадка мне объяснила многое. В том числе причины превращения ее клуба в настоящую... секту. — Наконец и маркиз произнес утвердившееся в Москве рабочее название. — Понимаете, Анну в принципе невозможно поймать самым совершенным детектором лжи: она ведь абсолютно верит в то, что говорит в эту секунду! Поэт, вдохновенный пророк, наверняка она заразила их верой в вашего Егра. — Маркиз печально улыбнулся: — А утешением мне в ту неделю испытаний и страха стала весть о катастрофе в лаборатории болвана Тони. Закупленные, принятые им полиграфы — на выброс! В потоке

вопросов были такие, где ответы — взаимоисключающи. Один из двух ложный, полиграф по нему калибрует физиологические параметры лжи.

И вдруг на Анне Блум детекторы показали «Правда», когда она говорила прямо противоположные вещи. Тут кретину Бэнксу — ломать голову до самой своей отставки. А я догадался перечитать ее книгу «Вещество английской веры». Она же абсолютно правдива, на каждой своей строке! Я полагаю, именно так библейские пророки поднимали и вели за собой людей.

— А как ваша супруга прошла экзамен?

— Анна настояла, что тест они будут проходить только вместе, сидя близко рядом. Все равно экраны стоят так, что вопросы-ответы видны только испытуемому, а рядом — офицеры и сотрудники лаборатории. И поскольку считают, что Анна и Зельда состоят в... отношениях (тон маркиза не изменился ни на йоту), многие из подруг, будучи и сами... поняли это желание и согласились. Зельда прошла, выдержала. Ее результаты и натолкнули меня на гипотезу глобального характера. Есть особые люди: Моисей, Исая, Уильям Блейк, лорд Байрон, ваши Ленин, Блаватская, наверно, и Гитлер верили всему, что произносили в эту секунду. Они и выдыхали «вещество веры», газ или пар, а все вдыхавшие принимали эту веру, шли за ними. Так пчелиная королева управляет своим роем, через запахи. Те же молекулы, да? Страшный, конечно, материализм, но, наверно, в России материализм был комилфо? Но вы согласитесь, мистер Гарин, какое это счастье — быть выше всякой лжи!

«Нет, удивительно, в какие еще дебри меня заведет это задание! — Гарин слушал и словно перебирал воображаемые четки, бусы. Тусклые черные шарики на блестящем золотом шнурке перед глазами. — А может, и мне не помешали бы пять миллиграммчиков ее вещества веры, когда „Лаокоон“ вылавливал мою „тридцатидевятипроцентную вероятность ситуативного предательства“». Мелькнуло и толкование его зрительной полугаллюцинации: перебираемые на золоченой нити тусклые бусины — это его годы, пятилетия одинаковой жизни между золотыми шариками — событиями действительно важными. Уфф.

— Но если маркиза и Анна выдержали тест на полиграфе успешно, зачем им скрываться в России?

— Да, *первый* тест пройден. В секте решили: может, Аполлон-Егр сам перелетел через ограду, долетел до автотрассы. Три тысячи лет назад он проделывал трюки и посложнее, есть у Гесиода и Гомера. Но сейчас приближается второй тест. Решающий. Прошло ведь уже шесть с половиной месяцев после того инцидента, двадцать девять недель. Вы понимаете?

— Что? А?! Так они! Обе? Ну Егор!

Из кармана балахона, несомого маркизом на локте, выпала маскарадная борода. Подняв и отряхнув кладбищенскую пыль, он не сразу пихнул ее обратно, а задумчиво рассмотрел как заново, повертел, да еще и показал Гарину: «Это Санта-Клауса борода. Отец надевал ее в Рождество для нас с братом. Красный кафтан, колпак давно потерялись, а борода как-то уцелела... Вон за тем поворотом, двадцать шагов налево — могила Диккенса. О ней мне напомнил, удивитесь, ваш английский. Слишком правильный, так что даже неправильный для нового тысячелетия».

— Это наш иняз, — вздохнул Гарин. — Преподавательницы трепетно влюблены в Байрона, Шелли. А ведь я проходил курс, мне корректировали лексикон, смывали оксфордский лачок девятнадцатого века. И все равно?

— Чувствуется, чувствуется.

Пожалуй, в любой стране самый элегический клочок земли и место рождения лучших элегий — кладбище. Тон маркиза стал столь печален, отрешен, что Льву Кимо-

вичу показалось совершенно невозможным вытрясти из маркиза Пэмбру хоть каплю обещанной практической пользы, покрывающей час причудливого разговора. Но не мог и не сочувствовать сникшему миллиардеру-аристократу.

— Понимаете, я детей иметь уже не могу. Но, — вскинулся с какой-то даже вызывающей гордостью, — но Зельда еще может! Ее ребенка я бы... носил как ангела! Он и стал бы нам ангелом — вестником, благим. Я, как видите, от библейской лексики не отрекаюсь. Рожденный в законном браке, он был бы законным двенадцатым маркизом Пэмбру, моим наследником.

(«Где? Где я недавно встретил что-то подобное? Ах, да! Игнацио Тежу, муж Сильвии, наследник богатейшей семьи Бразилии. Держит на руках дивно красивую девочку Лурдес и говорит: не против, чтоб и второй ребенок их семьи будет тоже от Егры».)

— Как ни прискорбно, моими наследниками в противном случае могут стать Хэрифоры. Любое мое завещание, в случае... после меня и... и Зельды, они оспорят. Мэдлэнс, мой маркизат, земли в Шропшире приберут точно, пакеты акций, счета — большей частью. Но больше даже, чем болвана Тони, я опасюсь старшей Хэрифор, Магды. Она и была главой этой секты, до Анны Блум. Она, я уверен, и устроила брак Нэнси с Бэнксом. Вы, мистер Гарин, верите в ведьм и черных магов? Улыбаетесь? Я тоже, конечно, не верю! Позвольте представиться: доктор философии, окончил Кембридж и, как говорят, совсем небездарно руковожу третьей в Британии IT-фирмой. Но когда близко смотрю на Магду Хэрифор — я верю.

Переводя дух, маркиз провел правой рукой загогулину, похожую на «возврат каретки» печатных машинок (если кто помнит). Конец строки.

— С Хэрифорами мы — троюродные. Морально очень далеки, но, увы, достаточно близки для наследственных споров. Тем более что теперь и Тони Бэнкс в их своре, их доле...

Только, ради всего святого, не подумайте, что мое к ним отношение, которое я здесь и не скрывал, связано с имущественным, материальным вопросом! Хотя, может, и связано... Вон, смотрите, справа обелиск заостренный. Да, да, коричневого гранита. Там рядом — памятник Карлу Марксу, который утверждал, что все в мире связано именно с деньгами, капиталом. Если желаете, мы можем сейчас свернуть: пятнадцать шагов, глянем.

— Ннет, благодарю. Может, в другой раз...

— Но знаете, даже если и вправду все мотивы людей связаны с капиталом, все равно, ведь сначала Тони с Хэрифорами такими родились, мерзавцами выросли, а потом все сложилось так, что они стали претендентами на наследство Пэмбру. Мой брат Рудольф умер. Покончил с собой. Все равно вам это расскажут, да, он отравил себя. Детей у него не было. У меня тоже. Но Зельда, Зельда! Невинное золотое создание, вошла когда-то в наш мрачный дом, и я все-все, все остающиеся мои годы отдам, чтоб она была счастлива.

Прохлада подступившего вечера и мрачных кладбищенских джунглей или вернувшаяся мысль о конспирации (появились прохожие) подсказали маркизу надеть балахон.

— Смешно! Надеются спровоцировать меня на скандал, может, даже на развод. Присылали мне записи разговоров Зельды с Анной. Подлая прослушка. Копии их твитов. Даже скрытая съемка, когда они... в оранжерее. А присылал это Бэнкс, законченный негод... а, ну я вам о нем рассказывал.

8.

В отчет по лондонской командировке Гарин включал пункты по обеспечению безопасности Егора Камова и «неконтролируемому пока каналу утечки инсайдерской

информации через рекламного агента Аркадия Лисовина». Сей «канал» замыкается на «секте» Анны Блум. Но эти британские фанаты Егора помогают находить крупных рекламодателей, заключать и вести выгодные Камову сделки. Пример: неделю назад подписан контракт на рекламу банка «Юнимарс», сумма два миллиона фунтов стерлингов. Съёмки рекламного контента планируются этим летом во Франции, что позволит избежать британского налогообложения...

Леопольд Сточ, одиннадцатый маркиз Пэмбру, не обманул насчет «практического интереса вашей организации». Наиболее перспективной представляется линия: от Зельды Пэмбру и Анны Блум на членов ее секты, жену адмирала Нэстингса и Нэнси, урожденную графиню Хэрифор, с недавних пор жену Энтони Бэнкса, директора FA-6 (контрразведка).

Заход через дамочек давал информацию соответствующую. Энтони сейчас под большим влиянием и каблуком, причем под весьма-а тонким каблуком (в скобках: шпилька) Нэнси, которая и дома не сходит с них. Не снимает даже в постели и на других ложементах, заменяющих постель. Сладострастно пинает и покалывает своими шпильками толстяка Энтони, потакая мазохистским позывам директора FA-6, а потом она, оставаясь в одних этих туфельках, пристегивает себе... Ну и так далее...

Дружный, может, даже подчеркнутый хохот, быстро пополняемые рюмки смородиновой настойки, снеговые шапки неровно нарезанного сала на ломтях «Бородинского» хлеба. Пересказ Гариным лондонских приключений, смена пластинок на радиоле генерала Бекасова и опять клубы густого хохота. Круги чайного цвета от стаканов на листках черновика отчета о командировке.

— Ты прав, Лев Кимыч, сегодня гораздо результативнее — заходы с этого фланга. Точнее сказать, поняли, признали это сегодня, а надо было бы давным-давно. Это ведь сколько сил угрожали, раскапывая масонство Эдгара Гувера: кто его привел, как он в двадцать шесть лет стал мастером, в какой ложе? Как он со своим всемогущим ФБР пережил восемь президентов? Какое досье на кого собирал? Когда еще в тридцатых были фотки: он в женском платье со своим всемогущим замом, как его...

— Клайд Толсон.

— Ну да. Тоже до конца жизни неженатый красавчик, тоже любитель скульптур античных юношей...

— Так точно. Эдгар Гувер завещал ему все состояние, и похоронили их рядом.

— Тогда и надо было разыгрывать комбинацию, когда он Гарри Трумэна и Никсона в кулаке держал! А наши все тянули к этим ложам, циркулям дурацким, готовальням масонским... А потом его секс-особенность стала не такой уже и компромат, привыкли.

— Так может и с Бэнксом. Очень быстро все меняется. Опп! а смородинка уже тютю.

— Есть еще ноль семь, на кедровых шишках...

Долгожданная разрядка после достойно выполненного задания, парад солидарного понимания жизни, времен прошлых и нынешних.

— Въехать в Россию Зельда Пэмбру и ее секретарь Анна Блум решили через Эстонию. Кто-то им внушил, что этот маршрут — наиболее тихий, малозаметный. Летят до Хельсинки, далее паром. От Галлина до Нарвы планируют взять такси.

— Ага. И потом от Ивангорода до Питера — на попутках. Стреляя «Беломор» у шоферов и матерясь с оксфордским акцентом!

Постепенно смех терял грудную густоту, рассеивался. Нахохотались, переключили.

— Ну как твоя Дарья? — Ну как твой Вадим? — Нормально. — Нормально. — Не выскочила еще? — Не женился? — Нет. — Нет... — Вздох, вздох... — Дарья все с флейтой своей? — Да, а твой все с игрушками? — Да, по экранам шарится. И на работе, и домой придет — тоже сразу к экрану.

— А Дашка еще, недавно убедился — очень службы моей стесняется. Недавно с подружкой заходили...

— Так мой оболдуй — аналогично.

— По мне, как в корне зло пресечь — собрать все сайты бы да сжечь. — Подражая вздоху Фамусова, Гарин попробовал развлечь друга.

— Лева, думаю, дело не в ноутбуках, игрушках. Просто не хотят они решать, ничего. Вишь, даже семьи заводить, брать на себя... не хотят. Взяли паузу, поставили на паузу. Это мы все время много решали, решались. Брали много на себя. Ответственность, а у них от этого — оскомина.

— Как в песне урлацкой: гоп-стоп, мы подошли из-за угла, гоп-стоп, ты много на себя брала.

Двойной запас презрения к блатному шансону спецслужбиста и битломана требовал подкрепить внезапную цитату, и Гарин резюмировал: Ну хоть где-то, Паш, мы опередили мировой тренд, а может, и повлияли.

— В смысле?

— А рэп их гангстерский, золотые цепки, наколки — ведь позже нашей одесской блатнухи. Может, это брайтонцы к ним занесли, тогда спасибо им.

Свою несогласную гримасу Бекасов расшифровывать не стал.

— Да еще же, Паш, я тебя просил по твоим каналам проверить бухгалтерию коммерческого директора у Егора Камова.

— Ты про этого, Аркадия Лисовина?

— Во-во. Контракты рекламные он Егору внушительные подгребает. Но чувствую, может быть и яма. Мы с тобой в финансах, налогах не очень смыслим, потому я и просил организовать такой аккуратный негласный аудит.

— Вообще-то, есть мнение: не надо вмешиваться в финансовые дела Камова. Он своим коммерческим директором доволен? Весьма. Там же суммарно уже ближе к сорока семи миллионам? Кажется. А скovyрнем мы этого Лисовина, что Егор заявит? Что наша служба ему зарабатывать мешает, а у него детей скоро четверо будет.

— Да я ж не против, пусть богатеет. Опасаюсь только: Лисовин может с налогами мутить. Помнишь, как у «Роллинг стоунз», я ж не зря их сейчас завел. Тоже все были довольны, наличка рекой, агент Алан Клейн такой шустрый. А потом открылись все недоплаты, просрочки — так «Роллинги» голые бежали во Францию, пять лет крутились, выплачивали. А тот Клейн нью-йоркский, был такой же Лисовинер. Одесские. Нам такой скандал всю игру ломает.

— Ну хорошо-хорошо. Попрошу повнимательней проверить...

Из душевно-расслабляющего оставалась лишь треть графина смородиновой и вторая сторона специально подобранной пластинки «Роллинг стоунз» «Липкие пальцы»: при общем почитании «Битлов» Гарин выше превозносил «Роллингов», а Бекасов величал его «блюзовый сноб». Может, сегодня удастся добить твердокаменного генерал-ретрограда.

— Не представляешь, Паш, как я благодарен тебе. Еще, дурак, думал — предпенсионную ерундень мне свалил, а вон как выходит. Словно подкинул мне еще пятилеточку молодости, теперь, кажется, горы готов свернуть!

Но успей Гарин поднять глаза от зеленоватой струи смородиновой настойки, до-разливаемой им по хрустальным стопкам, он заметил бы во взгляде друга-начальника поволоку сочувственного сомнения, будто генерал видел другое продолжение захватившей Гарина операции.

Пока известно о намерении Анны и маркизы Зельды рожать, укрывшись от своих сектанток за «железным занавесом». Срок: середина сентября. Версия их российско-

го паломничества: «поиск свидетелей рождения бога». Маркиз надеется на мальчика и твердо намерен объявить его «двенадцатым маркизом Пэмбру». То, что почти в те же дни, на рубеже август—сентябрь подходит срок и у Нины (УЗИ показало: двойня), сгущает ситуацию до гротеска, какого-то веселого сумасшествия.

Отчитываясь о лондонских беседах, Лев Кимович попросил шефа пустить операцию на самой тихой из возможных скоростей. Так передать наверх, чтоб избежать начальственного форсажа. Многодесятилетняя дружба — верный ресурс, помогший пройти испытания уникальных выпавших десятилетий. И столь же давняя автоматическая, как равновесие велосипедиста, привычка говорить «под запись» позволили Гарину сопроводить «надводную», словесную часть просьбы несколькими мимическими пассажами, взглядами, а генералу Бекасову — все уловить и дать добро. Да еще и поржать напоследок: «Аа, Кимыч! Жучила! Это все твои тридцать девять ситуативных процентов!»

То есть... ответил и на просьбу друга, и вроде бы высмеял весенние результаты тестирования на «Лаокооне-880», отправленном в глубокую переделку. То есть... Гарин счел, что получит карт-бланш. Можно не спешить вытрясать из новообретенного английского друга «разведанные», компроматы. Насчет последнего маркиз в своей неподражаемой манере очертил тогда круг:

— Если увижу, что угрозу Зельде иначе не отвести, я сам застрелю Нэнси и Магду. Из браунинга, что генерал Мортимер в 1916-м на Сомме подарил моему деду. Но каких-либо сведений, порочащих ее или даже Тони Бэнкса, увы, передать вам не смогу. Хотя они сами: ходячий компромат и вопреки Создателю нашему, из-за чего англичане и бегут в кришнаиты, буддисты, читают Алистера Кроули и режут кошек...

— Паш, это я запомнил дословно. И докадрово. В смысле позу его, выражение помню. Немного театрально, когда помянул Создателя, но это у них обычно. А необычно, что он, выпускник Кембриджа, глава успешной Ай-Ти корпорации, практически верит в черных магов и ведьм. В одну верит точно: Магда, старшая сестра, что выдала Нэнси за директора Энтони... Маркиз — настоящий джентльмен, человек хороший, но — ранимый. Я тогда смотрел на него и словно видел всю «кембриджскую пятерку». Обороты, манера мысли, держаться — ну в точь... Выходит, Паша, что-то есть такое в нашей стране, в, может, и нас с тобой... такое, за что самый аристократ утонченный готов уцепиться в окружении вульгарщины. Кажется, живи лорд Байрон накануне Второй мировой войны, он бы тоже помотался по своей любимой Греции, Салоникам и сам вышел бы на советского резидента!

— Ну-ну-ну, Лев. Похоже, литра смородиновки нам с тобой многовато уже.

9.

— Разрешите, товарищ полковник?

— Присаживайтесь, капитан.

Кафетерий и кофе на Базе-7 — не самые лучшие, мягко говоря, но Гарин привык к здешним сосискам, салатам, пирожным, а из жидкого предпочитал брусничный морс — сквозь него глядя на окно, особенно в солнечную погоду, он обычно старался вспомнить, что ему приснилось недавно, месяц, год назад. Самовнушение или тренируемый рефлекс — не важен термин, но необходимость была. Жена подробно и часто рассказывала ему свои сны, словно приобрела какой-то свой пакет к спутниковой тарелке, а после спрашивала, что ему приснилось. Он очень хотел поддержать семейное развлечение, особенно когда жена стала болеть, тер лоб, выдавливал. Пробовал придумывать ради поддержания семейной темы, но жена, дав дорассказать, всегда

безошибочно определяла: «Это, Лева, ты сейчас сочинил». Однажды, накануне ее очередной операции он сидел здесь, в кафетерии Базы-7, машинально жевал сосиски, запивая их морсом, задержав поднятый граненый стакан, глянул на новое мартовское солнце. И вспомнил тогда, неизвестно почему... последний курс института, мысли, сновавшие по кругу: аспирантура-распределение, а в дальних планомечтах — написать когда-нибудь интересные всем записки, повесть, хотя сочинял лишь стишки-поздравления, шуточки друзьям.

Но именно в тот день, накануне отправки жены в госпиталь, сквозь розовые брусничные блики его осенила простейшая мысль: да нет абсолютно никакой разницы между вспомненным или придуманным сном. То и другое — электротоки, пробежавшие по тем же самым мозговым проводкам. И вернувшись домой, рассказал, как цветисто ему приснилась их прогулка этим летом по городу у большой реки, или Ярославлю, или Рыбинску, что они говорят, куда смотрят. И в тот раз чуткая жена поверила: сон. «Вещий, вещий», — приговаривал суеящийся Гарин, заимевший с тех пор рефлекс павловской собаки: смотреть на солнце сквозь нарезанные стеклянными гранями алые брусничные блики и мешать воспоминания и размышления, былое и думы.

— Товарищ полковник, извиняюсь, но нам с вами все же надо будет еще раз навестить нашего «Лаокоона».

— Андриевский, а чей именно ты зятек? Или племянничок?

— М-м, поясните...

— Получил такой бюджет, лабораторию. Выдал на-гора такую... залепуху, программу-фикс и все с ней играешься. Наверняка и новый бюджет получил, на починку непочинимого? Прошлый раз, после разгрома генералом Бекасовым ваших бредорезультатов, посуетились, подкрутили мне «вероятность ситуативного предательства» с тридцати девяти на двадцать семь процентов и думаете: я, весь такой благодарный, опять обмотаюсь вашими проводами в робкой надежде еще раз снизить? До пятнадцати?

— Товарищ полковник! Если вам дверцей авто прищемило плащ или даже палец — не значит, что всей стране надо вернуться в пешеходную эру. Между прочим, наши потенциальные противники используют детекторы поточно. Именно на больших потоках — реальный, подсчитанный эффект. Сейчас я к вам обращаюсь с прямой санкции генерала Бекасова. И не волнуйтесь, весь цикл вам заново проходить не нужно, только блок, связанный с вашим нынешним заданием. Я вижу определенное недоверие все же, вы позвоните генералу, лучше сейчас, тогда в четырнадцать тридцать мы могли бы приступить.

Старая боевая дружба выше возможности каких-то попреков «Ты меня сдал!» и т. д. Не унижаясь до проверочного звонка, Гарин, дослушав, пошел за Андриевским. Два прошлых раза имел место абсурд: «Лаокоон-880», предназначенный для массовой проверки на «конфликт интересов, вероятность ситуативного предательства» проходящего на службу молодого контингента, испытали (верификация, калибровка...) на самых надежных ветеранах. И у Гарина вылезли те несуразные цифры. Конфуз.

— Лаокоон, то есть уже «Лаокоон-1700», число тестовых вопросов выросло, — не только суммирует ваши ответы, замеряя физиологические реакции. Эвристические алгоритмы, элемент искусственного интеллекта, совмещают поиск по ветвям опроса со всей накопленной о вас информацией. Например, написанное вами двадцать пять лет назад вкупе с сегодняшними ответами может дать поразительную даже для вас картину...

Неизвестно, входило ли это в новый набор приемов «Лаокоона», но под монотонные объяснения капитана Андриевского испытываемый/допрашиваемый Гарин периодически вроде как засыпал. Всколыхнувшись через секунды, он с некоторым удивлением видел на экране уползающие вверх свои ответы как не свои...

— Благодарю вас, товарищ полковник. Полагаю, по результатам теста вам предстоит разговор в генералом Бекасовым.

Да, поразили на старости лет. Оказалось, прекрасные результаты лондонской командировки может полностью перечеркнуть абсолютно неожиданно и нелепо вставший... еврейский вопрос. А он еще юморил в отчетах, как ловко разложил по слогам Аркадия Лисовина, проставил ему подходящее ударение, обозначил его каналом инсайдерских сливов, намекнул на желательность его удаления с горизонта разворачивающейся красивой операции. И такой щелчок на склоне лет и успешной службы! Его разведочные/контрразведочные планы, красивые операции — устарелый наив. Оказалось, теперь важнее желания Камова, течение капитала, его денег. Что Лисовин доложил, кому пожаловался, можно догадываться, но Егор объявил: добытчик Аркадий ему гораздо нужнее, чем все заботы Гарина и его службы, и... перестал отвечать на звонки. Такое унижение: без одного футболиста и его финансиста — не просто рушится, дымом улетает вся комбинация. Для маркиза, для Анны и ее секты, для всей Англии Гарин превращается в ничтожную мошку, какой там выход на директора FA-6 Энтони Бэнкса!

Извиняться, цепляться за штанины незаменимого еврея Аркадия? Проставлять ударение в фамилии, где он пожелает? Психотренинг спецслужбы, беспредельная выдержка помогли бы справиться и с этим, но... Довершающий удар, всезнающий «Лаокоон» высчитал: «Нет, полковник Гарин не справится». Причем «Дано» для конечного вывода сей теоремы дотошная машина собрала по таким давним закоулкам, привлекла таких свидетелей, превращая весь мир в своих «стукачей», что потрясенный Лев Кимович готов был поднять руки: «Да-а. Не просто полиграф, подкрученный под нашу службу, это: Всевидящее Око».

По еврейскому вопросу, вдруг ставшему поперек гаринских планов, нужно сказать: представление об антисемитизме спецслужбистов — далекий от истины штамп. Еврейские анекдоты и грубый мужланский хохот в курилках говорили скорее о культуре дружного заединства. Традиционный коллективизм замечал всех отличных, даже, например... рыжие попадали в фокус насмешливого внимания коллектива. Рыжим от этого было не легче, а рыжим евреям... В общем, неважно: «отщепенец» каким-то своим п(р)оступком «отщепился» или просто анкетным пунктом. С самого детства воспитующий вопрос, прелюдия к наказанию «А ты что, какой-то особенный?», миллионом повторов приучил замечать *отличия* без внутренней ненависти. Видели, что Система сквозь нивелирующий бубнеж сама понимала: именно особенные помогают прочим разглядеть дружное равенство в своем ряду. И оставила нам — вот же неафишируемый парадокс! — высшей оценкой по пятибалльной шкале «отлично», а «отличника» — выше «хорошиста». И спецслужбисты, квинтэссенция Системы, принимали отличия по пятому пункту, как погодные, топографические и т. д. условия.

Давно, кажется в первую пятилетку службы Гарина в отделе, весело отмечали премию, успех операции, связанной и корреспондентом Би-би-си, советником их посольства, диссидентами, «отказниками» (не выпускаемые из СССР, герои тогдашних новостей юмористически самоназвались «рефьюзники»). И в импровизированную стенгазету среди поздравлений получившему внеочередное звание, лозунгов «Так держать!» и прочей невинной чепухи... спец по рифмованным тостам лейтенант Гарин втиснул свой листок, стихотворение:

Эй, фараон, не выпускай евреев.
 Рамзес-Хеопс, не бойся Моисея!
 Советников своих вели повесить.
 Я видел фильм по Библии: там «казней» только десять!

И Брежнев, не пушай! Не слушай свою Вику!
 Они в «отказниках» сидят — так и привыкнут.
 Не наводный ты ими Палестины.
 И энтот Брайтон-Бич — не из резины... — и так далее.

Сослуживцы хохотнули, но все же с мыслью «Какой-то, э-э, перебор! Да еще про жену генсека» — и забыли. Как, где, зачем хранились тридцать семь лет дурацкие стишки, не понимал даже ветеран полковник. Но вместе с кипой подобной чепухи они всплыли и, не компрометируя полковника, просто указали: Гарину будет трудно вести «ровную, прагматичную линию» в отношениях с Аркадием Лисовином.

— Товарищ полковник, я по просьбе генерала Бекасова должен разъяснить вам: ваша... идейная верность несомненна, послушной список безупречен. Программа «Лаокоон-2200» лишь зафиксировала некоторые иррациональные моменты вашего поведения, впрочем пока контролируемые, подавляемые пока вашим «Я-сознанием»...

В возрасте Гарина слово «пока» в любой, даже сугубо положительной характеристике вызывает желание пальцев правой руки сжаться в кулак и мощно встретить левую скулу произнесшего. Но капитан прав: «Я-сознание», послушной список, занимаемая должность, контроль...

— Обработанные «Лаокооном» сведения не являются компроматом, скорее говорят о вашем творческом богатстве, нестандартности натуры. Например, импульсы неприязни к евреям перерастают в желание оставить их близ себя, не отпускать... Далее, импульсы в домашней обстановке. Абсолютное большинство, потеряв любимого человека, особо бережно относятся ко всему связанному с ним, к его питомцам, пусть даже домашнему растению в горшке. А не следят мрачно каждый день, наблюдая засыхание...

10.

— Бесценные подписчики канала «ГодЕгрНиа», постоянные зрители и вы, зашедшие сюда за свежими футбольными новостями! Сегодня вам предстоит поистине величественное приоткрытие завесы, поднятие тяжелого железного занавеса, как говорил один наш бульдогообразный премьер-министр, жеватель сигар и любитель русского коньяка, Уинстон... как его? вечно фамилию забываю... Не подкажешь...

Камера перепрыгнула с бойкой рыжей ведущей на златокудрого античного красавца с большими, чуть выпуклыми серыми глазами под властным разлетом соболиных бровей.

— Черчилль, что ли? — аполлонообразная голова слегка обернулась к «запамятовавшей» ведущей, может, просто, чтоб дать зрительницам полюбоваться безукоризненно греческим профилем.

— Да! А я чуть не брякнула Чемберлен! Но выручил меня знаменитый форвард «Атлетик» Бильбао и самый красивый мужчина планеты, по версиям семи европейских журналов, — Егор Камофф! Сегодня стоимость футболки с буквами *ЕГР*, побывавшей на его плечах хотя бы полтайма, доходит до семи тысяч фунтов, не правда ли, Егр?

— Не знаю, никогда не торговал футболками.

— Bravo! Один-ноль! Буквально на первой минуте нашей передачи номинант на «Золотую бутсу» Егр забивает гол, продемонстрировав неподобный дриблинг юмора. А вам, бесценные зрители, я открою секрет финансовых рекордов футбольной формы Егры. Это сочетание его фантастик популярности и... скрытности. Наш герой крайне бережно — слава богу, я не сказала «скупое» — дает интервью, раздает фут-

болки. Послематчевые обмены — аналогично. Вы же слышали, как в недавнем интервью возмущался сам Гарри Маккейн: он хотел пополнить-украсить коллекцию футболок в своем баре, и отказ надменного Егры, который сейчас сидит перед нами с выражением... нет — все же немного отличным от того, что ошарашило Гарри Маккейна после матча на стадионе «Олд Траффорд». Не правда ли?

— Конечно, Анна. И с тобой я обменяюсь, джемперами. Прямо в эфире?

— О, Два-ноль! Я бы рада, Егр, но нам ведь с твоим агентом Аркадием еще предстоит продать этот ролик на ITV-1, а там недавно ввели политкорректные правила, так называемый лукизм: показ на экране слишком красивых тел, надеюсь, вы понимаете, речь обо мне, — может оскорбить чувства бодипозитивных людей. Так что, Егр, лучше обменяемся в примерке после...

Под эту скороговорку ведущая опасливо запахнула свой бесформенный розовый кардиган. Безразмерно просторный, он контрастировал с привычным, предельно облегающим видом телеведущих. Но может, это был просчитанный ход: сенсационность в кубе. Всего лишь второе подробное интервью для британского телеканала Егры Камова. Мегаселебрити — и ведущая под статью событию: поэтесса, новеллист, автор известной книги «Вещество английской веры». С первых мгновений она схватилась за «сверхзадачу Станиславского»: Егр остается таким же отстраненным божеством, но... «короля играет свита» — и шоу все же раскручивается:

— Сегодня мне, Анне Блум, доведется своим сорочьим треском и лисьим верещанием заполнять паузы надменного молчания, но за двадцать минут до начала съемки я выпила сто тридцать грамм прекрасной местной водки и по совету рекламного агента Аркадия Лисовина не закусила, а только занюхала. Это делается, делается... — и рыжая бестия, нагнувшись к лацкану пиджака с прицепленным микрофоном, мощно потянула носом, — вот-тт ттак. И чувствую себя — божественно. Егр, а ты что предпочитаешь из питья, закусок?

— Посланников своей родины. Настойку на кедровых орехах, облепиху в любом виде, пельмени, омуля. Это байкальская сельдь.

— Замечательно! Хотя о твоей родине, родне мы, надеюсь, еще поговорим.

— Не надейся, лиса!

— Итак, все видят, насколько тон-формат нашей беседы отличаются от обычных интервью футболистов? Мой гость, хотя сейчас это я гость в его России, в общем, гость моего шоу бесподобен... О! нам пора все же вспомнить эту игру, ну где еще сетки на столбах и все пинают пятнистый шар...

— Футбол?

— Точно! И в списке сенсаций этого фу-т-бола мой гость, даже не став лучшим бомбардиром сезона «Ла Лиги», да, Егр?..

— Семнадцать голов, второе место после Роналду.

— И все-таки он, не играя в этом сезоне за «Реал», сделал его чемпионом! Небывалый уникум в испанском футболе. Сейчас ведь там вся страна восхищается и спорит, не правда ли?

Гарин убавил звук и «накатил» еще рюмку настойки, пока Егр лениво и кратко рассказывал о сенсации (для кого и скандальной), сложившейся из предпосылок вполне привычных, что особо и поразило всю Испанию.

Типовой договор передачи игрока в аренду другому клубу запрещает его ставить на игры со своей командой. Избежание того самого «конфликта интересов», так знакомого Льву Кимовичу по допросам «Лаокоона». Вот и Егор в аренде у «Атлетика» Бильбао, который в предыдущем сезоне был вообще на грани вылета, оба матча против «Реала» пропустил, «Атлетик» проиграл плюс шесть очков мадридцам. Зато против

их вечного соперника «Барселона» Егр вышел сверхмотивированным, его три гола и принесли «Атлетику» две победы над «Барсой», в том числе особо невероятную, два-один — на их домашнем «Ноу Камп». Итого: «Барселона» = минус шесть очков. И если учесть, что в итоге «Реал» обошел каталонцев всего на два очка, получалось: чемпионом его сделал Егр. Волны ярости и гнева ходят по «Барселоне» до сих пор, два месяца после окончания сезона. Специальная группа взялась расследовать: имело ли место особое тайное стимулирование Егры на матчи против «Барсы»? И судя по финансовым следам — да, было ему две подозрительных премиальных, однако не напрямую из «Реала», а утопленные в потоке траншей его рекламных контактов, в основном британских.

Это расследование ожидаемо упиралось в определенный философский даже тупик. По взяткам за «сливы матчей» дела ведут вплоть до уголовных. «Поддавки» — обман, оскорбление миллионов болельщиков, хотя и тут бывает сложно доказать «умышленно плохую игру». Но с какого бока подойти, как преследовать за «слишком хорошую, великолепную»? Запрещенных стимуляторов (а Егору их часто приходилось держать перед собой нумерованные пробирки) не нашли? Вопрос закрыт. Удачу, божественное вдохновение никто не отменял.

Странным образом в летней мадридско-барселонской полемике среди многих всплыла и статья с портала «ГодЕграНиа», которую дочь дала Гарину прочесть накануне лондонской командировки:

«Если при таких талантах, сверхреальных физических данных Егр еще не лучший в мире, значит, футбол просто не очень ему интересен», — издали начинала статья. Далее автор гнула в свою излюбленную сторону: «Значит, он создан для другого? Тогда для чего же?» и т. д. Попытки аналогий с Иисусом, «две тысячи лет назад тоже считавшимся врачом по глазным болезням, проказе, параличам... гипнотизером и рассказчиком поучительных басен», конечно, оскорбили добрых католиков, но тезис, что у Егры есть какие-то нереализованные запасы, возможности и цели, был понятен. Играл не на полную отдачу, а вот против «Барсы» вдохновился.

При напоминании об английских рекламных контрактах Гарин опрокинул внеочередную рюмку и покивал головой: «Понятно, Аркадий Лисовинер тебе незаменим совершенно. Добывает лондонские бабки и отмывает мадридские. Мани-мани-мани, на кармане. Ин зэ ричмэн велд».

— Деньги, деньги — предмет твоего «божественного вдохновения»! — разочарованно бормотал Гарин, отодвигая опустевший графин. — А мое вдохновение... мою тоже красивую голевую комбинацию с ФА-6 и Тони Бэнксом, ты, Егр, пе-ре-чер-кнул! Бес-по-щад-но.

Заснув на ковре перед нагло мигающим экраном, полковник Гарин в тот вечер так и не дослушал шедевральную беседу Егры с Анной Блум.

А на другом конце города, в строгом кабинете, где из «штатских предметов» только радиоло и шкаф с пестреющими обложками пластинок, генерал Бекасов досмотрел передачу в мрачном одиночестве. Розовый балахонистый пиджак Анны разгадал сразу: восьмой месяц, иначе не скрыть.

Из обрушенных на мир шутивно беседующей парочкой новостей двумя главными были: Егр дал добро на переход в лондонский «Арсенал»; осенью, возможно, перевезет туда семью. Врезом пустили кадры, снятые где-то в другом месте, но недавние: Егор играет с детьми, похожими на двух совят, рядом Нина, чья новая беременность не скрывается, но и не комментируется.

Анна с Аркадием Лисовином продали получившееся интервью-шоу на ITV-1 прямо в процессе съемки, причем ведущая не только упомянула об этом в передаче, но и подчеркнула: «ее интерес» — лишь в логотипе сайта «ГодЕграНиа» в правом верх-

нем углу, с первой до последней секунды. Свою подразумеваемую «львиную долю» Егра принял снисходительным кивком. Руководство ITV-1 наверняка впервые столкнулось с таким нахальным постмодернизмом в своей сфере, но имя Егры, эксклюзивная порция новостей, невероятная манера ведущей да еще диковинное, непонятно кем и для чего выбранное место съемки: шлюз плотины Рыбинской ГЭС на реке Волге... все сработало на рекордный рейтинг. И кто-то на ITV-1 тоже почувствовал себя устаревшим и отставшим от неумолимой жизни.

Придавленно застонал мобильник: «Звонок от Дарьи Гариной». Забыли: третьим «штатским предметом» в кабинете можно было засчитать отдельный телефон для частных звонков.

— Дядя Паша! Отцу, наверно, плохо было. Я так сперва подумала. Приехала, а он на полу лежит. Я уже начала в «Скорую» дозваниваться, но он поднялся, даже подскочил и забрал у меня телефон. Он, правда, сильно пахнет алкоголем, но думаю, ему и плохо было.

— Даш, а сейчас он где?

— Снова спит. Он проговорил что-то быстро и снова упал и заснул. Я не знаю, что сейчас делать.

— Так, Даш, успокойся и просто сиди с ним рядом. Найди какую-нибудь вальерьянку, корвалол. Держи рядом и сиди. «Скорую» больше не вызывай. Я приеду через двадцать пять минут...

Сон Гарина перешел в неопасную фазу: просто сон. Бекасов больше опасался за Дарью: металась, то сжимала виски, то хватала подвернувшиеся чашку, вилку, телефон, зажав так, что было не забрать.

— Ну все хорошо, Даша, хорошо. Видишь, Даша, какой молодец у тебя отец! С его гостайнами да в таком состоянии никак нельзя было в обычную городскую «Скорую», у нас на это другая есть служба. Он сам вспомнил, потому и не дал тебе, герой-герой. А ты чего так? Ну тише-тише.

— Па-па-па-нимаете, дядя Паш, он сейчас говорил, когда очнулся, он... Как маму похоронили, стал таким...

— Лев твой молодец, держит все удары. Но понимаешь, у нас столько всего изменилось. Он весной начал одно важное дело, хорошо начал.

— Это с Егором Камовым? Он перед отлетом рассказал. У него тогда какие-то планы были и настроение хорошее, впервые после смерти мамы. Он назвал, он прямо считал Егора Камова своим новым другом.

— Х-хы! Так он и меня считал своим другом! Старым. А я не отстоял, не прикрыл. Нас обоих считают старо-старорежимными. Да мы и есть... А чего он говорил тебе... в состоянии? Когда очнулся?

— Разное, и много невнятного.

— А про Лондон? Не говорил про каких-нибудь... маркизов или Нэнси, имя такое называл?.. Уфф. Ты прости, прости старика. Приехал друга спасать и вот допрос учиняю. Ну не реви так. О, корвалол нашла, как сказал, молодец! Давай тебе накапаю... Пошли на кухню, его лучше горячей водой разводить.

Присев на угловой кухонный диванчик они продолжили: Дарья всхлипывать, крупно дрожать, генерал Бекасов подыскивать слова.

— А мы же, Даш, поженить вас с Вадимом моим все мечтали, да. Он, кстати, на прошлой неделе привет тебе передавал. Но вас, видно, не проженишь. Я вообще о сверстни-

цах твоих говорю... А что, Даш, сейчас много девушек, женщин в Камова влюблены, да? Хотя, наверно, лучше, чем в артистов этих.

— Дядь Паш. Я понимаю, вам точно надо все знать, что отец говорил. Я точно запомнила, потому что как-то диковинно звучало. Мм-м, ага: «Резиденты сцепились. Вмертвую, Кембридж-Кембридж. Детекторы лжи проверят друг друга, вместо вероятностей, вежливых математических формул прохрипят: „Врешь, паскуда!“ А про Егора Камова говорил, что Петр Леонидович, его отец, должен, — сквозь слезы улыбнулась, — должен был Егора пороть как следует.

Не все выданное поверженным беспамятным отцом Дарья передала генералу Бекасову, но упомянутая правдивая деталь помогла.

— А? Точно-точно. Отец должен!

«Точно» относилось не к телесному наказанию зарвавшейся футбольной звезды. Бекасов вспомнил, в самом хвостовом вагоне их разговора Гарин упомянул, что отец Егора, Петр Леонидович, правильный мужик, хотя и странноватый. Спец по химическим удобрениям, накануне долгой командировки в Южную Америку с женой, Инной Гордеевной, отдыхал на Байкале и, уезжая в Москву, в иркутском детдоме взял, усыновил мальчика. Много лет работал в Бразилии, Сан-Паулу, Егорку определил в детскую команду футбольного клуба «Коринтианс». Вернувшись в Россию, уволился, изредка консультирует свой «Агрохимэкспорт» по американским рынкам. Построили дом, поселились с женой в деревне Ярославской области за Волгой, в местах малолюдных, словно предчувствовали грядущую европейскую славу сына и очень хотели от нее укрыться. Несколько лет назад с женой Инной Гордеевной что-то случилось (пока не выясняли что). Егор навещает отца в каждую российскую побывку. И невероятное для всех место съемки программы, верхом на шлюзе Рыбинской ГЭС, как-то с этим связано: от гидростанции до деревни его родителей девяносто километров — рядом по обычным российским концам.

11.

Имя Петра Леонидовича Камова, в беспамятстве и сильном подпитии вспомнутое Гариним и переданное дочерью вызванному «другу-спасителю отца» генералу Бекасову, слегка развернуло линию работы по Англии. Устранивший Гарина новый подход невмешательства службы означал: если футбольный гений решил грести деньги — ладно, пусть все идет, как его Лисовин решит. Тогда даже если Егор и сменит гражданство — к службе не будет претензий, что, мол, мешали ему деньги зарабатывать.

В лондонский «Арсенал» переходит, это конечно, опасно, генерал Дымов был прав: все нити всего — всегда в Англию тянутся. Семью Камов из России забирает — еще опасней, да что теперь поделывать? Во времена оны всегда считалась: семья на Родине — страховка от перебежничества. Но риски есть и с вольно холостякующими, гуляками-«вахтовиками». А при таком женском ажиотаже, что вокруг Егора, особенно. Все-го (всех) — не просчитать. И плохо, что по его жене никакой определенности: куда может клонить? Каков вектор ее влияния и какова его величина, сила? Все же скоро у них третий родится...

Но напоминание пьяного Гарина подсказало другой, возможно, более надежный «вектор влияния», и уже на следующий день блиц-поездка генерала Бекасова в ярославскую деревню к Егорову отцу дала результаты.

Краткий пунктир последующих звонков, разговоров по интересующей теме:

Петр Леонидович Камов — сыну: *«И еще, Егор, завтра выслушай, сделай, как они предлагают. А под этого, твоего, Ли-со... фамилию все забываю, как ударить...»* — «Аркадий

Лисовин». — «Вот-вот. Под Лисовина твоего никто и чайной ложечкой копать не будет. Считай, это я тебе пообещал...» — «Хорошо, отец».

Генерал Бекасов — Аркадию Лисовину: «Значит, Егор Камов тебе звонил? Сегодня? Ну и тебе понятна линия дальнейшего сотрудничества? А кстати, Аркаша, в две тысячи пяти ты ведь через фирму Искандера обналичивал, да? Пятьдесят три миллиона, верно? Извини, как-то вспомнилось нечаянно».

Аркадий Лисовин — Гарину: «А я тут все думаю, что это товарищ Гарин не звонит и не звонит своему старому другу Лисовинеру? Занят, наверно. Лев Кимыч, дорогой, давай мы завтра... Где скажешь».

Через неделю полковник Гарин вновь летел в Англию, где обживал и налаживал охрану нового дома нового игрока лондонского «Арсенала» Егора Камова, подыскивал основания и формат легальных встреч с маркизом Пэмбру, вдумчиво пестовал эту... одну пятую своей «кембриджской пятерки». Но вырисовывавшаяся стратегия работы и конспирации была весьма непривычна для большинства отделов службы Гарина. «Какой-то, я извиняюсь за выражение, постмодернизм!» — попытожил генерал Бекасов закрывая совещание. Получается, наш резидент — их ньюсмейкер?

Переход Егора Камова в английской Премьер-Лиге сенсация номер два (номер один все же — Гарри Маккейн). Зато в империи светских новостей Британии Егр царил безраздельно: «Звезда испанской „Ла Лиги“ взойдет над Лондоном?.. Аполлон сделал „Реал“ чемпионом, даже не играя за него!.. Убийца „Барселоны“ трижды поразил своими волшебными стрелами ворота Клаудио! Самый красивый мужчина Европы!.. Поэтесса Анна Блум ищет английские корни божественного русского подкидыша?.. Он манкировал Премьерлигу а теперь добудет Кубок — „Арсеналу“?.. Невероятная беседа в Рыбинске Егра с Анной Блум на ITV-1 вошла в Топ-5 британского телевидения... Потеснила эксклюзивный репортаж о нелегальных иммигрантах... Комментарии принца Чарльза по Брекситу... Британские аристократки — первые исповедницы культа „вернувшегося Аполлона“!.. После скандала в Мэдлэнсе они стали первыми мученицами культа? — Нет: великомученицами, испившими горькую чашу позора!.. Нашим консерваторам давно пора задуматься над воспитанием своих дочерей... Первая тренировка Егра в „Арсенале“ уже послезавтра!.. Супруга „вернувшегося Аполлона“ будет рожать в Англии?..»

Егр с Аркадием вели прежнюю, в общем верную линию сдерживания информационной инфляции, значительная часть PR-нагрузки падала на «координатора Льва Гарина». Что ж — шарахающийся от репортеров, телекамер представитель футбольно-светской суперзвезды вызвал бы еще большее подозрение. Отблески Егоровой славы, пять-семь комментариев в неделю, гром и блики паблисити на разведчике, наверно, это генерал Бекасов и назвал «постмодернизм».

Директор FA-6 Тони Бэнкс, конечно, следил за встречами, разговорами Гарина, однако... Вы пробовали фотографировать человека, прожектора за спиной которого бьют вам в объектив? Слабые контуры, засвеченные кадры.

Егр дебютировал дублем в ворота «Ньюкасла», красивейшим проходом и голом «Астон Виле», Нина родила двух девочек. Гарин выстроил надежную, но гибкую систему безопасности. Гарнизон составили Виктор Русланович Карагодин — охранник-водитель, Алина — горничная, помощник по быстро растущему хозяйству, тоже водитель и тоже охранник. Повар Василиса и беби-ситер (нянька) Наташа лицензии на ношение огнестрельного оружия пока не имели, но... «заслуженный мастер спорта по самбо» и черный пояс карате школа Шо-то-кан, а также полный курс «хом-бо» (секундное превращение почти любого предмета домашнего обихода в средство защиты или смертельного удара) как-то компенсировали девушкам отсутствие пистолетов.

Клинчи футбольных экспертов, треск светских хроникеров, скачки ставок на матч Лиги чемпионов «Арсенал»–«Барселона» собрали в Лондоне внушительную массу фанатов, политиков, евротусовщиков, артистов. Знаменитость из далеких и далеко не футбольных США, ар-н-би звезда Сальса Байонта шурясь в VIP-ложе на дюжину репортеров, умело скрывала слабое знакомство с турнирной ситуацией в лиге и вообще с правилами этой игры, более вспоминая «приятное знакомство с Егром» в вечер ее концерта в замке Мэдлэнс. О побеге Егра с ее выступления также не распространялась.

Присутствие в VIP-ложе Игнацио Тежу, наследника богатейшей бразильской бизнес-династии, с женой Сильвией и падчерицей Лурдес было ожидаемо. Сильвия, выпятив губы, как всегда, охотно позировала с «самой красивой девочкой планеты», пересяживала Лурдес с колена на колени, передавала публике приветы от своего деда Пеле.

Когда репортеры припомнили Игнацио давние его слова, желание, чтоб и последующие в семье дети были похоже на «ангела Лурдес», он не отрешивался. Запустив пальцы в каштановую шевелюру падчерицы и перемигиваясь с ней, предложил вниманию окружающих семейный фокус. Лурдес с готовностью схватила листок футбольного пресс-релиза, отодвинув чашку, положила его буквами вниз, подала отчиму фломастер и, наклонившись, плотно приникла щекой, немного даже напомнив позу казнимой королевы. Игнацио, смеясь, обвел от подбородка до буйной челки надо лбом ясный профиль Лурдес, единая линия носика и лба, и подал репортерам. В облаке восклицаний «Егр! Егр! Грисс профайл!» (греческий профиль) Лурдес, добывая журналистов живой связностью, осмысленностью речи, редкой для девятилетней девочки, рассказала, что папа Игнац бывает только рад, когда к ним приезжает папа Егр. А еще папа Игнац ни капельки не против и сам нанял ей Машу — учительницу русского языка. А больше всего на свете она хочет посмотреть на родившихся сестреночек Майю и Лену, понянчиться, поиграть со старшими Мариной и Юрием, которых не видела уже три месяца. Они, наверно, подросли, а Майю и Лену еще не видела совсем, вот.

Папа Игнац заботливо стер с ее носика след синего фломастера. Сальса Байонта умилилась, кажется, более всех. Заметив Игнацио, что-то шепнул, и Лурдес, забрав у репортера АТВ листок со своим профилем, отнесла и, не робея, подарила его мировой ар-н-би примадонне. Тут словно взорвалась цистерна меда. Умоляющий взгляд — польщенная Сильвия кивнула, и Байонта, прижав Лурдес к сердцу, усадила к себе на колени. Многие в этой разлитой ми-ми-ми-шности пустили бы даже стартовый свисток, но Лурдес, вскинув руку к полю, затем к экрану VIP-ложи, дающему крупный план выходящих вереницей из подтрибунного грота на свет игроков, счастливо выкрикнула: «Па!»

Титул «убийцы „Барсы“» Егр смог подтвердить лишь на семьдесят восьмой минуте, предварительно опять измотав защиту своими рывками. «Арсеналу» оставалось только не зевнуть в обороне, и первое место в группе было бы гарантировано. Но... зевнули Лионеля Месси, и Егру с полузащитой нужно было начинать все заново, за полторы минуты плюс пять компенсированных до свистка. Размочивший поле часовой дождь превращал атаки в подвиг выносливости, золотые кудри Егра, обернувшись грязно-серыми мокрыми кудельками, били по искаженному бывшескульптурному лицу... Сложив ладошки, Лурдес шептала молитву на экран, когда ее папа, прокинув мяч мимо Жерара Пике, чудом удержался, столкнувшись с Маскерано... Еще три летящих шага, удар, и... Ликуй, Лондон.

«Физика, голая физика. Правильно подмечал еще сам Пеле. Опять Егр перебежал всех. Надо бы его проверить», — цедили каталонские комментаторы...

Не поспев к завтрашним отчетам, в течение недели безусловно протиснутся околофутбольные статьи, дежурные эссе, не только разгоняющие егроманию, но и пе-

реводящие ее в регистры раздражавшие, бесившие русского футболиста. Во-первых, «лукизм, культ красоты, навязанный глянцевыми СМИ, ныне совершенно не политкорректен, угнетает простых бодипозитивных людей». Во-вторых, наверняка подключится скрывающаяся в России или, наоборот, разыскивающая там следы своего Аполлона поэтесса-новеллистка Анна Блум с обычным, слегка надоевшим «Ну а кем был Иисус две тысячи лет назад? Врачом-целителем, рассказчиком басен?».

Третьи, так же привычно высмеив опозорившихся в Мэдлэнсе сектанток, вернут егродискурс на поле здравого смысла: дело просто в комбинации генов, так счастливо сложившейся конструкции хромосом. Некоторые физиологические параметры Егра, замеренные перед подписанием контракта с «Арсеналом», действительно нуждаются в исследованиях. Скоростные качества, состояние его артерий практически не изменилось за восемь лет замеров. Только у Криштиану Роналду наблюдался отчасти подобный эффект. Физические родители Егра неизвестны, но вряд ли это русские. Нашли его на станции Слюдянка Байкальской железной дороги. Поисковую миссию Анны Блум следовало бы всемерно поддержать... «Если б не ее сумасшедший неоязыческий уклон», — подхватят пятые.

Найдутся газетные места, телевизионное время и пятым-шестым, тянущим линию «новой этики», то есть ответственности, налагаемой на обладателя такого генетического дара... Что — увы — пока не видно доказательств осознания им этой ответственности!.. Егр Камов напоминает нам Россию, так же безответственно распоряжающуюся природными богатствами Сибири: вырубает тайгу, загрязняет мировой запас байкальской воды, нефтегазодобычей способствует глобальному потеплению... Кто бы ни были физические родители, его приемный отец, похоже, очень плохо влияет на взгляды сына. Равно и его окружение, десантированное из России. Позволяя ему зарабатывать в Британии десятки миллионов, мы должны внимательнее относиться к его комментариям и заявлениям...

Корреспондент ВВС-1 после матча с «Манчестер-Сити», искренне поздравляя Егра, сравнил его второй гол с балетным номером — и удостоился лишь краткой гомофобной ремарки, которую здесь воспроизвести невозможно...

Забыв (?) давнюю ссору из-за удара в фамилии, Аркадий Борисович и полковник Гарин слаженно трудились над монетизацией футбольных подвигов Егора Камова. Желавших разделить с Егром радость победы — три четверти Лондона. А дом на Дорси-Лейн вместит на вечер человек, ну... тридцать от силы. Известно: русские не любят пабы, не доверяют клубам, предпочитая домашний стол. К тому же сегодня главная героиня — Лурдес, прилетевшая к отцу и сестренкам. Гарин с Аркадием список гостей согласовали еще позавчера, но коррективы неизбежны: к президенту «Арсенала» и двум игрокам с женами, трем пишущим журналистам и одной съемочной бригаде (эксклюзивное право освещения тусовки Аркадий продал ANNA-TV) добавилась Байонта: суперприобретение, статус мероприятия повышался до уровня почти королевского, пара музыкальных магнатов и несколько неизменных светских тусовщиков.

Линда, жена адмирала Нэстингса, сестры Нэнси Бэнкс и Магда Хэрифор прошли, так сказать, «по списку Гарина». Камов радости встречи с мэдлэнсовскими знакомыми не выражал, но, видно, разговор у него с отцом был серьезный, и он вновь послушно принимал советы-указания Льва Кимовича.

И грянул бал. Допущенные счастливицы упивались звездным совпадением главных светских тем. Можно подойти, тронуть рукой, а то и выпить бокал с Егром, можно надеяться на разговор с Байонтой. А если она, расщедрившись, споет а капелла хотя бы пять тактов из своей «Анбеливэбл гел» — будет что рассказать детям и внукам.

Интрига дня, точнее, вечера: дневную победу «Арсенала» над «Барсой» сейчас наверно потеснит «матч Сильвия—Нина». Мать Лурдес с женой Егра уже пару раз встречались, но тогда пресса и глотатели новостей получили лишь краткие пересказы из третьих рук, а вот теперь это можно будет видеть невооруженным глазом. Буйная мулатка, внучка Пеле, и русская якутка. Одна с чудо-дочкой фланирует по всем журналам, телеканалам, другая — безвестная певица, повязала Егра детьми: ее четыре козыря пока подрастают, а может, вырастет и число их? Пикантности добавляла и Сальса Байон-та, весь вечер восторженно подхватывающая на руки Лурдес. Это тисканье не могло не напомнить собравшимся о печальной стороне судьбы обладательницы пяти «Грэмми»: наркотики, выкидыши, побои мужа и «солнечный ребенок», куда-то спрятанный сын с синдромом Дауна.

Наи-скандальный таблоид «Ньюс оф зэ волд» (травивший, провоцировавший еще «Роллинг стоунз» на взлете их карьеры) дал самый подробный отчет. Корреспондент «Ньюс...», разумеется, не был в числе допущенных на вечеринку Егра, но когда это их останавливало? Так жаждущие британцы получили все горячие подробности с присказками: «как сказал один, пожелавший остаться неизвестным...», «по слухам...», «как говорили...».

А еще: «как нам сообщила графиня N. N...» — это был уже прокол таблоида, ибо из приглашенных носительницей именно этого титула была лишь Магда Хэрифор. Сновавшая рядом ее сестра Нэнси с выходом замуж графиней быть перестала. Хотя в ее будущем и прорисовывалась некая сложная комбинация с маркизатом Пэмбру, но это далеко впереди, в отличие от штрафа за «графиню N. N.», грозившего таблоиду в ближайшем месяце.

В общем, полковник Гарин мог надеяться, что его разговор с Нэнси Бэнкс, женой директора FA-6, утонет в потоке «ньюс»-сплетен, в том числе дичайших. Якобы прислуга-охрана Егра развлекала гостей поединком в формате русской школы «хом-бо» (использование в поединках бытовых предметов): обнаженные по пояс атлетические красотики повар Василиса и нянька Наташа показали гладиаторский вариант «подушка против скалки и фена». Прилетевшая недавно кормилица младших дочек Люба, тоже мастер спорта по самбо, выступила рефери уникального поединка, потом показав хит: унитазный ершик против раскаленного кофейника. Гости в восторге... Иллюстрации к статье «тупо» взяты из фотобанка: Василиса покупает овощи в магазине, Наташа с коляской в парке.

А фотографии Сильвии и смуглого ангела Лурдес — вообще не проблема: по некоторым подсчетам, они составляли уже семь процентов мирового светско-сплетенного контента. Из той же бездны была поднята старая история «Секс в обмен на свидание с дочерью», проданная Сильвиной служанкой, живописавшей: «Донья грозилась убить, никогда больше не дать Егру увидеться с дочерью... но заезжая к ней после игры... он обнимал... донья медленно таяла... утром они играли с малышкой Лурдес» и т. д.

А сегодня с дочкой Сильвии мило играла «разлучница» Нина. Несколько раз Лурдес тащила жену Егра в сад, а потом, вернувшись, восторженно объявляла матери и окружавшим: «Нина может, как хаска!» В очередной раз заинтригованный корреспондент и ревнивая мать тихонько вышли за ними и увидели-услышали: миновав шеренгу пиний, Нина задрала голову к луне, тронула себя за горло и вдруг громко завывала, изображая волка или собаку. Лурдес в восторге подпрыгивала, услышав, как на вой Нины стали откликаться собаки соседних домов...

Сенсация номер один: «Байон-та и Егр, соблазнение в автомобиле» сопровождалось малодоказательным коллажем фоток: отделившись от гуляющей толпы, они выйдут из дома (снимок со спины), потом две неразборчивые фигуры у раскрытой двер-

цы «бентли», принадлежащего Байонте, и крупно — сияющая примадонна — фото с ее прошлогоднего концерта в Манчестере.

Точной деталью именно этой вечеринки в статье был лишь список деликатесов и напитков: традиционный русский набор с водкой плюс белые трюфели, лобстеры и тридцать восемь бутылок шампанского «Кристалл». Соответственно, и ехидные комментарии на сайте «Ньюс...»: «Браво вашим журналистам! Были допущены к утреннему осмотру баков с объедками и пересчету пустых бутылок!»

12.

Великая страна всем найдет место и утешение. Подкидывай убогий Алексей, прошедший все ступени госприютов без надежд на приемную семью, затурканный здоровыми детдомовцами, изгой среди изгоев — и он получил свои порции тепла, внимания, любви, научился хранить их. Бережней, чем многие помнят ласки матерей, он берегал все слова, жесты, улыбки Анны Николаевны, защищавшей его от полярно-хладного равнодушия брата Егора.

Хромой, точнее, подволакивающий ногу, с детства редковолосый Алексей имел еще одну особенность: часто и довольно громко говорил сам с собой. Понятно, сколькими дразнилками, пинками, заушинами это ему оборачивалось.

Учитель с шестого по восьмой классы, замученный текучкой, дрызгами и отчетами Семен Арнольдович успел разглядеть математические способности Алексея. Вовсе не выдающиеся (как красота и сила брата), так что сказка «вундеркинд иркутского приюта» обошла его стороной. Однако побед на областных олимпиадах по математике, физике хватило для принятия в основанную в 1960-х годах при Ленинградском государственном университете знаменитую физматшколу-интернат номер сорок пять, собиравшую на девятый и десятый классы подающих надежды.

Не взятый в семью Камовыми и другими визитерами детдомов, он так и остался с фамилией по месту находки: Слюдянский. Отчество — бери словарь, полный произвол — он взял Семенович.

Наталья Павловна, учитель литературы в питерском интернате, особо не выделяла Алексея, однако и ее одной сверхсреднешкольной минуты внимания сибирскому сироте хватило надолго. Задержав однажды после урока, она достала из сумочки красный раздвоенный проводок, подошла, запихнула один конец Алексею за лацкан, а два других, заканчивающихся белыми подушечками, воткнула в уши. Обычная гарнитура мобильного телефона, входившая тогда в обиход, защитила сам с собой разговаривающего юношу, прибыв к деловому сообществу обсуждающих на ходу какие-нибудь важные новости. Телефон к подаренным наушникам он смог купить лишь с первых заработков программиста.

Воспитательница Анна Николаевна, «математик» Семен Арнольдович, «русичка» Наталья Павловна, еще буквально два человека, подаривших минуты для души, и... Егор Камов. Глядя на сиявшие в Интернете фотографии брата, Алексей улавливал волны неизвестной части спектра: едкий ли ультрафиолет, добрый ли инфракрасный жар. Чувствовал несомненно какие-то лучи и расшифровывал несомый ими сигнал: «Мы с тобой еще непременно увидимся». Зарплата способного инженера Ай-Ти фирмы и экономия, бытового аскетизма давали Алексею надежду через несколько лет переехать из коммуналки хотя бы в «однушку». Узнавал из новостей, что Егор регулярно навещает в Ярославской области приемных родителей, за что мысленно его хвалил. Точнее, его «мысленные речи» оборачивались теми сам с собой разговорам и вслух, за которые в детдоме получал тычки и пинки, а в физматшколе от Натальи Павловны —

«маскировочные» наушники. Егор был, конечно, недосыгаем, но надежда увидеть, поговорить в дни его побывок у родителей была топливом души Алексея...

Возможно, его «разговорная болезнь» и развилась из-за разъединения, невозможности поговорить с братом? Но эту версию, чреватую трепом психоаналитиков, жалостью к себе, упреками к звездному близнецу, он никогда не развивал. Стесняясь писать Егору напрямую, но мучимый жаждой подать хоть какой-то сигнал о себе, он и послал весточку Петру Леонидовичу Камову, зачем-то приложил свою фотографию, ту, что Егор, барахтаясь в банковском бизнес-джете и допивая бортовое шампанское, вспомнил и описал жене.

Двум серьезно страдающим англичанкам с адресными и анкетными «наводками» и практически неограниченным бюджетом разыскать брата и приемных родителей своего Аполлона было вопросом времени, очень недолгого. Но кто бы описал бурю разрывающих тогда Зельду Пэмбру и Анну Блум страстей? Страх мести обманутых сектанток: подходили отмеренные девять месяцев со дня (ночи) сорванной оргии в замке Мэдлэнс, пристального зеркала, в которое они прошептали клятвы, и двенадцати кровавых оттисков левых мизинчиков. Удерживала в России и жажда найти разгадку рождения/происхождения Егры. А все прочие страсти тянули в Лондон так, что это походило на старинную казнь ведьм: разрыв прищипленными лошадыми. Английский дебют кумира, рождение близнецов-дочерей. С переездом семейства дети Егры от русской якутки впервые стали доступны телелицензированию британцев. И сам он почти досягаем не как раньше, в тот единственный приезд из Испании. И как на эту дразнящую близость отреагирует ее койнония, секта, наверняка прибираемая к рукам ведьмой Магдой Хэрифор?! Нервический ажиотаж, приезд в Лондон его старшей дочери, смуглой красавицы Лурдес, покоряющей весь мир и дразнящей, распалюющей ее сектанток. Исторический матч с «Барселоной» и божественный раут, на котором просто обязана быть она, а были... обе Хэрифорки!

Развернутая телепередача на ANNA-TV (эксклюзив, проданный Аркадием Лисовиным) и расходящиеся кругами видеоотрывки разрывали сердца изгнанницам. Анну особенно царапало одно случайно брошенное в телекамеру замечание Егра.

Корреспондент довольно занудно (Анна чертыхалась) тянул нить разговора к идеям: избранничества, «стар систем», Большого Спорта, известной «пирамиде Пьера Кубертэна».

— А как вы относитесь к тому тезису барона де Кубертэна?

Возможно, пьяный Егр кивнул, чокнулся бокалом с яркоцветным микрофоном ANNA-TV:

— Рич-чи! Ты к чему тянешь? Чтоб я сейчас, выкатив глаза переспросил: какой такой тезис? Или даже: какой такой Кубертэн? Ладно, вуаля, уточняй про «тезис».

Но перебив корреспондента на вдохе, подошла Лурдес, приникла к отцу, заглянув вверх, спросила, наверно, на русском: различимы были только имена.

— Па! Я хочу еще глянуть на Лену и Майю. Можно?

Егр запустил пальцы в кудрявую, но некурчавую шевелюру дочери, потрепав секунды, ответил. Наверно, разрешил, потому что звездная девочка радостно побежала через зал, выкликая: «Нина, Нина, пойдем! Можно!»

Проводив ее взглядом, журналист продолжил: «Барон де Кубертэн, базируясь на древнегреческой поговорке «Без хорошего нет и великолепного», оправдывал спорт, сейчас называемый «спорт больших достижений». Защищая от сторонников только массовой физической культуры, говорил: один сверхгерой, чемпион вдохновляет на соперничество с ним десятки тоже великих спортсменов, без них ему не с кем

соревноваться. А эти десятки великих могут произойти только из многих сотен. Сотни манят уже миллионы любителей. И так далее... заканчивая на всех наших восьми миллиардах людей. Величественная пирамида, не правда ли, блистательный наш Егър?

Егор, казалось едва дослушавший пирамидальное занудство журналиста, допил, очертил вздетым бокалом круг над головами, словно приглашая заглянуть.

— Только почему... заканчивая восемью миллиардами? А, Рич?

— Ну, это население всей нашей Земли, — словно зачитал поликорректную брошюрку ООН, ЮНЕСКО, ЮНИСЕФ. — Так подсчитали.

— Пон-нимаешь, Рич, может, они и насчитали восемь миллиардов. Но вокруг нас порхают... еще сто миллиардов душ! Которые еще не родились, а может, никогда и не родятся... А чтоб родиться и им, надо выиграть. Так что пирамида уходит в бесконечность, Ричи.

Слушавшая, смотревшая Анна Блум на этом месте замерла. Раза три вдохнула, словно не умея выдохнуть, оглянулась на Зельду, ожидая подтверждения, и наконец, высвободив легкие, беспомощно спросила:

— Ты слышала? Правда? Это он сейчас так сказал?

И отыскав в ютубе, несколько раз пересмотрела момент откровения.

— Души. Вокруг нас. Ждут. А может, и не родятся. Может. Сто миллиардов вокруг. Порхают. Тоже в ожидании победы рождения... Но, Зельда, ты видела, как он это сказал?

— Спокойно, холодно? Да, Энн? Как-то слишком равнодушно?

— Да. Мне, смертной, такой мысли о неродившихся, порхающих вокруг нас, хватило б на три восторженные поэмы, на все посмертное собрание сочинений! А он? Понимаешь, он сказал это совершенно мимоходом, какому-то случайному идиоту с микрофоном. Но ведь только так все и происходит. Ветер, молния, солнце — они же не выбирают кому, в кого. Это и есть — божественная атараксия, бесстрастность.

Зельда подтвердила распахнутыми глазами: «Да, для футболиста — более чем слишком. Абсолютно нереально». И вдохнув порцию Аннинного «вещества веры», с новой силой отдалась потоку: Божество! И сейчас в ней, под ее трепещущей диафрагмой, шевелится ребенок. Дитя вернувшегося Аполлона... В свиту Зельды и Анны, заботливо составленную маркизом Пэмбру, кроме «бодигардов», входили двое из семи врачей семейства Пэмбру. Как писали раньше: «на преданность которых они могли рассчитывать». Доктор Альберт четырнадцать лет пользовал маркизу Зельду, акушер-гинеколог, но засуха бесплодия оставляла в бездействии первую половину специализации. Шестым в свите была секретарь-переводчик Кристина. И если вспомнить, что Анна сама была когда-то взята к Пэмбру по контракту: «секретарь», Кристина, получалось, служила «секретарем секретаря». На ней и враче Альберте, бывавшем в Москве, Петербурге и Казани, имевшем там знакомых, лежала функция интерфейса со всей Россией.

«Великое английское посольство» уже побывало в далекой ярославской деревне. Восторженно вошедшие в дом приемного отца Егры, Петра Леонидовича Камова, побыв там часа три, Анна и Зельда вышли сильно задумчивые, если не ошарашенные. Анна тихо скомандовала: «Теперь — в Санкт-Петербург».

Город на Неве с проживающим там братом Егры стоял в план-графике «посольства», но предполагалось: сначала Зельда и Анна будут рожать в Москве и только через месяц, возможно, отправятся дальше.

Решив до родов заехать в Питер, плззнакомиться с Алексеем Слюдянским, они усложняли и без того кошмарную миссию доктора Альберта. Все детальные обследования, УЗИ, анализы, прочее беременные Анна и Зельда запретили по причинам, которые, наверно, считали религиозными. Это полбеды: доктору в молодости довелось поработать в племенах Судана, Эфиопии, Сомали, а позже лечить сектантов, запрещавших

пересадки органов, переливание крови, вакцинации. То есть миссия доктора-«канатоходца», пролагавшего курс лечения среди дурацких претензий фанатиков, была ему знакома. Но десантироваться вместе с пациентками в малознакомую страну да еще организовать роды втайне ото всех, кто бы мог связаться с британскими властями? Сохранить инкогнито рожениц, когда нельзя и пломбу поставить анонимно? На все законные вопросы доктора маркиз Пэмбру только вздыхал и повышал сумму гонорара, райдера, бюджета экспедиции.

Некоторую часть трудностей и странностей своего дела Альберт на пути Ярославль—Петербург в нескольких звонках изложил своему коллеге и приятелю по африканской миссии, русскому доктору Геннадию. Тот обещал подумать, решить, упомянул ключевое слово «Кингисепп».

Подруг-исследовательниц более всего занимала фраза, брошенная приемным отцом. Видно, Егр подробно ему рассказывал о своих новостях, возвращаясь в Европу, груженный его советами, даже указаниями.

И когда англичанки завели речь шла об искушениях мировой славы, опасностях больших денег, Петр Леонидович ответил: «Да, Егор без своей чурапчинки пропадет точно».

— Без кого-кого? — Анна, не полагаясь на свой слух и скромный «русский разговорный», переспросила переводчика Кристину и доктора Альберта.

— Без чурапчинки. Это Нина, жена его.

Еще каких-либо пояснений суровый приемный отец не дал, и всю дорогу на Петербург Анна с помощью Кристины, интернет-поисковиков выясняла значение слова «чурапчинка». И оказалось, это не эпитет, не какая-то похвала женщине, без которой Егр «пропадет точно», а... термин, связанный с топографией. Чурапчинский улус — область Якутии, как утверждали справочники, более всего пострадавшая во Второй мировой войне. Отправив всех мужчин на фронт, чурапчинские женщины, дети, старики сильно голодали, и якутские начальники отправили всех работать на рыбоперерабатывающие фабрики на самом берегу Ледовитого океана. В дороге и на тяжелой работе умерли, по разным подсчетам, около трети чурапчинцев. Одна из выживших девочек после войны училась в Москве, вышла замуж за инженера, русского. Нина — их дочь, са-ха-ляр-ка, так называют русско-якутских детей. Эта смесь действительно отличается красотой (тоже отмечено в Интернете), но какие еще качества Нины были, по мнению отца Егра, так спасительны — выяснить только предстояло...

— Анна, как думаешь, стоит ли рассказывать Алексею про Петра Леонидовича? Что он мучается именно из-за него, отброшенного брата?

— Да, наверно, об этом он сам ему написал. Может, заглянем?

Отец Егора, узнав планы англичанок, передал с ними письмо Алексею. Прощаясь, вложил в конверт и, не став заклеивать, жестом королевского доверия передал маркизе. «Джентльмены не читают чужих писем», жены джентльменов — аналогично.

Вежливый бодигард осмотрел коммунальную квартиру Алексея строго в пределах дозволяемого, то есть его комнату, кухню и места общего пользования. Соседи выглядывали из-за трех остальных дверей, когда он просигналил и охраняемая на лестничной площадке двумя его коллегами английская делегация вошла в коридор. Полный переполох в коммуналке Алексея Слюдянского... сумбур вместе с музыкой: это сосед, старый дурашливый бывший хиппи Анатолий решил организовать гимн, но в своих кассетах нашел только концовку альбома «Квин» с сильно переименованной «Боже, храни королеву».

Хотя разговор с Петром Леонидовичем Камовым отчасти их подготовил — все равно — сумбур запрыгал и в головах англичанок. Алексей — живая и узнаваемая во многих чертах карикатура на их Аполлона. Но голос, голос! «Один в один», абсолютно неотличим от бархатного баритона Егра. Вообще, ослепни Зельда с Анной за минуту до встречи, буквально в тот момент, когда охранник обыскивал квартиру, а они стояли на лестничной площадке — было бы, наверно, лучше! Еще бы одно свидание с божеством, и коммуналка на Петроградской не уступила бы их прошлому месту встречи — замку Мэдлэнс.

Увы, они не ослепли. Струпья старых красок на оконных рамах и дверях, витые косички ветхой электропроводки. Рваные, тертые, как джинсы, обои с припиленными страницами журналов: портреты брата. Пестрая делегация во главе с двумя беременными англичанками молча озиралась, заговорить попыталась лишь Кристина — «секретарь секретаря».

А секретарь первой руки, Анна, разглядывая портретную галерею, нашла среди припиленных страниц скриншоты своего сайта. Свежая статья с кадрами ее беседы с Егором на шлюзе Рыбинского водохранилища. Нечаянно воспроизведя сцену высадки англичан XVIII века на незнакомый дикарский остров, Анна ткнула пальцем на картинку, где она лихо вела беседу с Егром: «Ми! Зэтс ми!»

— Йес, ай хэв рекогнайзд ю, — ответил абориген, вызвав первые улыбки делегации/десанта.

Спокойная, не загруженная «божественными» ожиданиями Кристина рассказывала о визите к Камовым в ярославскую деревню, о погоде, российских впечатлениях вообще. Терявшийся Алексей никак не решался спросить. Он, конечно, несмотря на маскировочную версию Аркадия Лисовина («поощрение подающих надежды программистов Санкт-Петербурга»), сердцем угадал, что триста тысяч рублей ему прислал брат, и теперь пытался сопоставить: сказочный визит, наверно, как-то связан с тем внезапным денежным «вспоминанием»? Анна мужественно несколько минут поддерживала нить разговора, оглядываясь, спрашивала: «Что значит ком-му-нал-ка? Это как-то связано с ком-муниз-мом?» Протиснувшийся сосед Анатолий, как все хиппи считавший английский своим вторым/первым родным, громко ответил: «Оф кос! Директли конектед!»

Но маркиза этого не услышала, последним усилием она протянула Алексею письмо от Петра Камова и... не упала, но как-то тихо сползла в глубокий обморок. Вмешавшийся доктор Альберт свернул визит...

Питерский его знакомец-коллега Геннадий предложил план, дававший наибольшие надежды на анонимность: «Главное — вызов „Скорой помощи“, „Скорая“ у нас — святая. Примут всех. И у них всех примут».

Неплохой роддом есть в городе Кингисепе, это районный центр в Ленинградской области, час быстрой езды от Питера. Почему Санкт-Петербург окружала именно Ленинградская область — объяснить было некогда, главное, в Кингисепе главврач — более-менее надежный друг Геннадия.

Станным образом именно здесь пролегал маршрут из въезда в Россию, через Таллин на Петербург. Будь доктор Альберт получше знаком с русским бэкграундом, он бы громогласно вскинулся: «Велика Россия, а Кингисеп не объедешь!»

Автовокзал на восточной окраине неминуемого города был всего лишь пластиковым киоском, но зато с двумя лавками внутри, куда и пристроили женщин. Охрана наблюдала в отдалении. Вызванные две «скорых» забрали Зельду, Анну, сопровождавших доктора Альберта и Геннадия. Его надежный друг оперативно принял и разместил:

а) двух рожениц; б) восемьсот тысяч рублей; в) версию про двух — блин! — аргентинских туристов в бессознательном состоянии, Линду и Кончиту, копии паспортов которых сопровождающий их доктор, почему-то англичанин, обещал позже прислать.

Пунктами размещения были: а) отдельная двухкоечная палата; б) сейф в кабинете; в) многоопытная башка главврача, известного и незаменимого в своем городе.

Линда-Зельда и правда с момента встречи с Алексеем полтора часа была в беспмятстве, а Кончита-Анна в состоянии... по-английски «грогги».

Закрыв дверь к «туристкам», Геннадий и его кингисеппский главврач громко перевели дух. Палата-люкс, подобно гостиничному номеру, имела свой санузел и коридорчик-«предбанничек», для кого-то и холл. Главврач свистнул двум сестрам — через минуты в коридорчике стояли три стула и стол со всем в России полагающимся. Присев, они еще раз перевели дух, пригласили присоединиться доктора Альберта. После третьей они начали смеяться, после пятой — просто ржать. После примерно девятой и доктор Альберт понял: все дело — в русском кино про «Семнадцать мгновений». Что... «Ты только прикинь, сестры догадаются, что Линда и Кончита будут, рожая, кричать „мама“ — не по-аргентински».

13.

— Слава богу, Ген, у нас в России и Ленинградской области главврачей роддомов трахают только за повышение показателей смертности, родовых травм и послеродовых горячек. А то б мне еще за ваш псевдоциез по башке настучали. Уронили мне статистику, но... по этому пункту она к нам пока не добралась.

— Старик, я правда был не в курсе. Да что я — Альберт, их семейный, персональный доктор, наблюдал обоих — и то. УЗИ не делали, кровь не сдавали — у них там какая-то своя религия.

— Эти, что ль? «Пригласите в зал свидетелей со стороны Иеговы»? — главврач переразнил судебного распорядителя.

— Ну типа того. Альберт говорит: языческое, древнегреческое что-то. Типа, во время богослужения понесли от бога, просвечивать нельзя. И так, мол, просветленные. Да у нас такие тоже мелькали в новостях. Кузя какой-то, по землянкам прятались.

— Но эта, Кончита, может, и чувствовала, потому не давалась. Ладно, Ген, одного ребенка-то мы им сдаем, все о'кей. Хотя Альберт твой, если все растрезвонят, сильно репутацию свою подмочит. Девять месяцев наблюдать, не распознать ложную беременность!

— Может, он больше за другой наблюдал? Линдой. Она, типа, главная, а Кончита при ней. А ты пошерсти по справочнику, полно случаев, что псевдоциез диагностировали лишь во время «родов». Нет, в целом в потоке — редко, но по статистике — редко, но все ж бывает. Сейчас. Геннадий покосился на книжные полки главврача, но открыл ноутбук:

— Так... Клинические проявления аналогичны истинной беременности: порой полное отсутствие менструации (аменорея), набухание, увеличение молочных желез. Во! Секреция грудного молока, гиперпигментация сосков, утренняя рвота, тошнота, увеличение массы тела, лордотический изгиб позвоночника, ощущение движение плода, схваткообразные боли по приближению к дате родов... Так, еще... Этиология. Причины ложной беременности могут быть психическими, психологическими. Психические причины развития ложной беременности — это наличие функциональных неврологических расстройств. Психологические причины часто идут в дополнение к психическим. Группу риска составляют женщины после тридцати пяти лет, особо

мнительные и впечатлительные... Ага, похоже, ее случай! Вот дальше. Псевдоциез наблюдается в одной из двадцати двух тысяч беременностей. В Африке одна ложная беременность на триста сорок четыре беременности истинных, в Индии одна на четыреста восемьдесят шесть...

— А у нас? При мне, за пять лет — не было. Надо, Ген, с твоего Альберта еще поллимона снять. Портит показатели Кингисеппского района и родной Ленинградской области! Шучу-шучу. По бумагам мы оказали помощь, родовспомогли одной аргентинке, ребенок здоров, выписали, запрос в их консульство отправили, пошлют через месяц они нас подальше — ну, значит, туда нам и дорога. Ладно, пускай твой Альберт заходит, прощаемся.

Задерганный доктор Альберт слушал рассеянно, шевелил губами, наверно, уже составлял отчет маркизу Пэмбру. Главврач, желая поставить последнюю внушительную точку, развернул к себе ноутбук, выкликнул страницу и строгим тоном зачитал:

— Первым документально зафиксированным случаем стала ложная беременность старшей дочери Генриха Восьмого, английской королевы Марии Тюдор. Она же Кровавая Мэри. Тридцати восьми лет, отчаянно нуждалась в наследнике. В королевстве официально объявили: роды состоятся в апреле 1555 года, было отобрано пять кормилиц. «Роды» завершились ничем... Так, дальше... Вот... Повышенная активность симпатической нервной системы является причиной кажущихся движений плода и схваток во время ожидаемой даты родов. Академик Иван Павлов, — главврач строго обернулся к доктору Альберту, — между прочим, наш лауреат Нобелевской премии! В развитии ложной беременности придавал большое значение кортикальным импульсам под влиянием самовнушения. Считал, что в коре головного мозга развивается ультрапарадоксальное фазовое состояние. Соматические изменения объяснял эндокринными расстройствами: гипоталамо-гипофизарными, яичниковыми, надпочечниковыми. Ясно?

Безмерно усталый англичанин не то спросил, не то вяло уточнил:

— Но это академик Павлов... о собаках?

Главврач презрительно отмел:

— Написано же — самовнушение! Какие... Может, вы там с королевой вашей досюсюкались с этими... кривоногими коротконожками. Но собаки в России, в Ленинградской области на благо человека служат. Без самовнушений!

Доктор Альберт беспомощно посмотрел на Геннадия.

— Ладно, старик, мы поехали.

— Привет... Аргентине! Пусть не плачет обо мне. Сделал, что мог. Заезжайте еще.

И ведь заехали. Но как и зачем, этого бывалый главврач и предположить не мог.

14.

— Кимыч, ты один?

— Эх, та-ва-рищ генерал! Это где ж вы так нализались?

— Погоди. Счас догонять меня будешь. — И пройдя в зал, генерал Бекасов начал доставать из баула бутылки, багеты, пучки зелени, подложки с рыбными нарезками, банки. — Где нализался, говоришь? У Егорова, вот так. И представь, Виктор Палыч к нему в кабинет заходит... Тоже поздравил, тебе просил передать самые лучшие, даже выпил с нами пару рюмок. Конечно, по всем заслугам и ты там должен быть, но... я этим протоколом не команду. Главное — наш проект признан приоритетным по всему западноевропейскому направлению. Да, я ж тебя спросил: ты один дома? Дашка?

— Недавно вроде была. Чайник теплый, а смотрю: плаща, сапожек ее нет. Упылила куда-то. Я сам недавно пришел. Странно, куда она в десять вечера?

Лев Кимович распасовал вываленную на стол гору покупок Бекасова, преобразовал все — в холостяцкое застолье.

— Знаешь, даже и хорошо. Нет, я всегда рад твою Дашку повидать, но сейчас надо и переговорить серьезно, и обмыть проект, выпить еще серьезней... Так сначала ты sepatatно оприходуешь вот этот фужер... Да-да-да. Во-первых — для синхронизации наших состояний, иначе неинтересно будет общаться. Та-а-ак. И теперь второй — как главному имениннику, герою дня. Все же в курсе, кто автор, исполнитель идеи. Даже шутку твою оценили: «Одна пятая кембриджской пятерки», вишь, я не присвоил... Та-а-ак. А теперь можно продолжить поровну. Давай.

И обсуждение деталей одобренной операции продолжилось, как писали газеты прошлой эпохи, «в откровенной и дружеской обстановке».

Прикатившийся из Испании в Лондон огромный и быстрорастущий ком светско-футбольных новостей и сплетен признан неплохим прикрытием. И неважно, что директора-координатора Льва Гарина с первых дней называют кагэбэшником, эфэсбэшником, а дом Егора Камова — «русской военной базой на Дорси-Лейн». Что фотографии «гарнизона»: помощница по хозяйству, повариха, нянька, кормилица — не покидают страниц таблоидов уже почти полгода — типичные русские красотищи-соблазнительницы из голливудских фильмов. Кому ж еще охранять семью русской звезды? Сами же признаете: толпы папарацци, ненормальных фанатов. И вот... вместо всегдашней незаметности, неброскости серых плащей, темных очков — получились шпионы, не вылезающие из «Топ-10» светских сплетен. Так, чтоб британские агенты, отправленные следить за Егром, его женой, поварихой, координатором, с трудом бы протискивались сквозь толпу корреспондентов, папарацци: «Пропустите, я из FA-6!» — «Плевать, я из „Дэйли миррор“!» — «Да я вообще из „Таймс“!» А вернувшаяся (надеемся) из России с любовью и ребенком маркиза Пэмбру займет свое законное место в секте почитательниц Егра.

В идеале англичане об этом должны начать снимать ситком — Аркадий Лисовин сумеет хорошо продать права на сериал.

В общем, все, что генерал Бекасов на летнем совещании назвал «такой, товарищи, извиняюсь за выражение, постмодернизм»...

Сегодня они даже своих битлов, роллингов и цеппелинов не заводили, такое сочетание собственной радости и стратегической серьезности планов. А последние-предпоследними словами засыпавшего в кресле генерала были повторы поздравлений с выходом на философское резюме:

— Видишь, Лев, ничего нет навсегдашнего. Прошлый раз я был у тебя... когда? В июле, когда Дашка позвонила, а ты вот тут лежал. Тоже пьяный, нет, тогда сильнее и, главное, с горя беспросветного. Мол, самый паскудный финал службы: «Пристрелю этого Аркашу Лисовинера!»

— Что, прямо так и «пристрелю»?

— Куда прямее! Кстати, наши проверки показали: Лисовин не обманывает ни Егора, ни британских налоговиков. Я это сразу не говорил, не хотел тебе портить настроение, — ха-ха-ха! — А еще тогда, прости, Лев, я и Дашку твою допрашивал: что ты еще мог выболтать про «Одну пятую кембриджской пятерки» и Нэнси Бэнкс. Ты же понимаешь, при таком раскладе я просто обязан был знать, установить.

— Понимаю. Я бы и сам...

— ...И про твои «иррациональные моменты» вспоминал, и про тридцатидевятипроцентную вероятность ситуативного предательства.

— Двадцати семи.

— Что?

— Двадцать семь процентов вероятность насчитал тот «Лаокооша» после переналадки.

— А, да-да.

Засыпающим друзьям уже не было сил еще раз посмеяться. Просто похмыкали. Хмык, переходящий в храп.

Минут через десять после установления полной тишины из спальни тихо вышла припадающая на цыпочки согнутая фигура. Распрямившись и оглядев пиршественный зал, она подошла к уткнувшемуся в диванную подушку Гарину. Держа сапожки в левой руке, указательный палец правой она прижала к его губам. Дождавшись встречи взглядов, она кивнула на кухню.

— Даша, ты как? Когда здесь?

Шепот был тоже ненадежен, Дарья ограничилась лишь кратким приказом: «Пошли лучше на площадку». Выйдя босая и не закрывая дверь в квартиру, дочь, держась за Гарина, натянула сапоги и чуть-чуть громче, чем в кухне, объявила:

— Я слышала все. В прошлый раз Бекасов и правда меня допрашивал: что я могла узнать из твоего беспамятства. Тогда увильнула, но теперь все дослушала.

— Под-слушала. Специально, значит, убрала верхние вещи, спряталась, двух бывалых службистов провела. Поздравил бы шпионку, но ведь это удалось тебе лишь потому, что и Паша считал тебя за родную. Зачем, Дарья?

— В тот раз я ничего не подстраивала, не пряталась, сам знаешь. Да и проговорился ты совсем на немного, мизер, только что б мне заподозрить насчет твоих, ваших мерзких планов. Но была готова к чему-то такому еще, когда ты впервые упомянул, что будешь заниматься Егром. Помнишь, в тот вечер, что мы после концерта с Анжелой зашли.

— Да, виолончель, страхолюдина.

— На ваш сексистский взгляд, все женщины должны тянуться на цыпочках, чтоб удостоиться оценок самодовольных нативистов, но сейчас не о том. Она сразу почувствовала, меня надоумила. Все со своими «заботами» к нему потянутся, руки погреть. А сегодня я убедилась. Вы не понимаете, Егр — это действительно мировое достояние, живой шедевр, а для вас — лишь орудие, оружие.

— Даша-Даша, — только и мог выговорить Гарин. Вихри, поднятые проникшим в него алкоголем, перепады настроения почти валили с ног.

— Но не бойся, отца родного я не выдам. Изложу одно только условие, но не сейчас. Пока.

Попытавшись, он вернулся к дивану. Устраиваться удобней, чем отрубившийся в кресле Бекасов, не стал. Уткнувшись в плюшевый валик, он долго пытался уснуть, мысленно проклиная и бормоча: «Отцы и девки. Отцы и девки. Все-таки либералкой стала. Оркестр ее говенный, виолончель гребаная. Отцы и девки. Отцы и девки. Отцы и девки...»

Ранним утром провожая друга-начальника, полковник Гарин не знал, куда спрятать глаза. Преувеличивал похмельные муки и трясение, хватался за виски, каждую секунду думая, что отчаянно переигрывает, что друг-начальник догадывается, что может, он и не спал, когда Дарья вышла из спальни? Да, были секунды кошмарного, унижительного страха, когда, вернувшись в комнату, глянул на Бекасова и чуть не шарахнулся от вроде приоткрывшихся его глаз...

Потом пятнадцать минут ожидания генеральской машины — еще терзание и пытка. Лязг закрываемой за другом двери вроде обозначил облегчение, но едва дойдя до дивана, Гарин рухнул в бездну — осознал, что теперь-то и стал настоящим пре-

дателем. Развилка дорог оказалась пройдена. Неважно, что б он мог сделать на той, правильной дороге: еще на лестничной площадке схватил бы мерзавку за волосы, втащил бы в квартиру, с матюгами разбудил бы генерала Бекасова? Или просто признался бы, когда помятый друг сидел у него на кухне, ожидая вызванную служебную машину? Известно: такого масштаба операции, с такими утечками, дырами в основании запускать нельзя... Пятнадцать минут было, чтобы объяснить, сообщить и — это же громадное облегчение — передоверить, отдать на решение начальства и, словно когда-то молодым курсантом: спокойно стать в строй. Ну что там: два-три наряда вне очереди? Да любое наказание! Твое дело доложить и «стать в строй». То есть остаться в строю, не взвалив на плечи немислимую гору вариантов новой другой жизни.

Еще сколько-то времени он бормотал бессмысленную ночную мантру: «Отцы и девки. Отцы и девки. Отцы и девки». Слово тер ушиб и вдруг ухнул еще ниже и окончательно: тот забытый, дружно с Бекасовым обсмеянный служебный детектор лжи «Лаокоон-880»! Идиотский вердикт: «Вероятность конфликта интересов или ситуативного предательства — тридцать девять процентов», да еще после служебного совещания с руганью, спорами подкрученный капитаном Андриевским до двадцати семи процентов! Как он тогда лихо заявился в отдел, щелкнул каблуками, язвительно и остроумно доложив: «Почестневший на двенадцать процентов полковник Гарин прибыл!» Теперь все позади, все поздно. Все осталось на «до развилки».

Аркадий Лисовин прилетел в Москву по накопившимся финансовым и налоговым делам Егора Камова, планировалась беседа и с застрявшей в России Анной Блум. Капитализация бренда «Егр» росла: из четырех новых рекламных контрактов два превзошли даже летний успех с банком «Юнимарс», но масштабы, перспективы требовали, деликатно выражаясь, большей регулярности, синхронизации усилий с главным идеологом, мотором британской егромании... Диктовать (!) Анне Блум (!) — и представить сложно, задача Лисовина: протянуть нити тонкого влияния. Весной полковник Гарин предлагал Анне и маркизе Пэмбру «бартер»: эксклюзивные фото, комментарии Егора в обмен на влияние — у фээсбэшника не срослось. Аркадий Борисович надеялся сыграть поизящней.

Первое — вернуть ее в Англию. Вместе с любовницей Зельдой, их младенцем, двенадцатым маркизом Пэмбру... да с кем угодно! Впрочем, вернуть Зельду и полуторамесячного Рудольфа — это забота маркиза Леопольда. Он уже признал рожденного Зельдой в Кингисеппе своим наследником, показав, наверно, какой-то джентльменский вариант кукиша троюродным претендентам Хэрифорам. Назвать мальчика Рудольфом в честь покойного несчастливого самоубийцы брата — это какие-то британские штучки, Аркадий Лисовин не вникал. Его задача: донести Анне, что при всех электронно-электрических чудесах, зумах, скайпах, сетях, спутниковых антеннах невозможно вести сайт, поддерживать градус егромании с дистанции пять тысяч миль, она и сама должна это чувствовать.

На сегодня главные информ-киты: успех, град голов Егра в «Арсенале» и его роман с мировой звездой Сальсой Байонте. Анна Блум по обеим темам отстрелялась неплохо, лучше, конечно, по Байонте (хотя и в тонкостях футбола она уже пять лет разбирается, пожалуй, лучше абсолютного большинства женщин). Исходя из текущих PR-задач Аркадий Лисовин и разыграл свою партию.

Не делал ставки на примитивный розжиг ревности Анны к примадонне, типа: «Ты торчишь здесь, а Байонта — там, целуется с ним». Он давно убедился в каком-то особом отношении егроманок к своему кумиру, которому и положено сочетать любовьобильность с «божественной» атараксией, отстраненностью. Да что их перебирать,

не только Сильвия (роман начался с его юных бразильских дней) ныне растворилась в благодарности за «ангела Лурдес», в обнимку с которой ее ждут все журналы и тусовки планеты. Даже официальная жена Нина, мать четверых его детей, смиренно бредет, словно мист, участник какой-то тайной древнегреческой мистерии.

Потому Аркадий Лисовин и зашел не с карты персональной ревности, а тронул душу Анны ужасом возможной отверженности: «Там, там проходят эти олимпиады, таинства, элевсинские мистерии двадцать первого века, пока ты носишься в далеком гиперборейском треугольнике Петербург—Ярославль—Ивангород».

Причуду выбора третьей вершины Лисовин постиг не сразу. С деньгами, выделенными заботливым маркизом Пэмбру, они могли снять в Петербурге весь... если не Васильевский, то хотя бы вариант «побюджетнее»: Каменный или Елагин острова. Но нет же, для себя и свиты (три телохранителя, врач Альберт и «секретарь секретаря» Кристина) они сняли — именно двухэтажный коттедж в Ивангороде, населенном пункте на двадцать километров западнее необъезжаемого града Кингисеппа, у самой границы. За рекой — Нарва, Эстония, через которую они и въезжали в Россию три месяца тому назад.

Первый возможный довод такого дикого выбора Лисовин узнал накануне, закончив краткое дело в Петербурге с Егровым братом Алексеем. Оказалось, Ивангород расположен в пограничной зоне, на въезд требуется специальное разрешение. Трудности получения ивангородского пропуска оказались столь непредвиденны и велики, что Аркадий срочности ради выбрал столь же дикий, абсурдный вариант. Вылетел самолетом до Таллина (по Европе у него, лондонца с двадцатилетним стажем — полная свобода передвижения), потом в Нарву. И далее — Ивангород... въезд в Россию-то ему разрешен.

Так через погранпункт на высоком мосту, очень подходящем для съемок драматичных сцен обмена пленными шпионами, находчивый англо-русский коммерсант вошел в старинный город-крепость Ивангород.

Сочиненная ранее мелодия разговора с Анной Блум легла на клавиши безупречно. Поэт, новеллист, держатель сайта «ГодЕгрНиа» не персональной, «адресной» ревностью страдала, а именно, как угадал Лисовин, отверженностью. Удаленностью от жизни, таинств «егропочитания, егрослужения».

Вставив флешку в монитор, Аркадий предупредил:

— Анна, эта съемка, как вы, конечно, поймете, не для выкладывания в сети, пересылок кому-либо по инету. Можно сказать, интимного характера, но Егр и его м-м... жрицы очень захотели переслать вам это. И попросили меня: я все равно собирался в Россию по коммерческим и налоговым делам Егра доехать и сюда. — Лисовин обвел выразительным взглядом скромную обстановку ивангородского коттеджа, «сюда» означало глушь, Аляску. Чукотку. — И передать вам их тепло-дружеский привет.

— Зельда! Иди сюда, сейчас включим.

Дыхание Анны стеснилось, как в моменте, когда Егр случайно в телепрограмме обронил корреспонденту ANNA-TV: «Сто миллиардов нерожденных душ порхают вокруг нас». Опять вдохнув раза три, она с трудом освободила легкие, прошептав: «Зельда, Зельда».

На экране Егр с женой Ниной, Сильвией, Сальсой Байонтой и... — боже! — с... Нэнси Хэрифор-Бэнкс спокойно пили чай. Разговор их был почти не слышен, кажется, Нина предлагала варенье из об-ле-пи-хи, а прочие протягивали блюдечки. И все дружно любовались на детей, возившихся на каком-то длинношерстном ковре или, может, медвежьей шкуре. Лурдес организовывала что-то, наверно, играла «в семью» со старшими Мариной и Юрой, куклами служили младшие Елена и Майя, похожие

на совят, они молча крутили головами, уставляя громадные серые глаза то на Лурдес, то на старших.

— Лур, ты их совсем затискаешь! — Егр обратился к старшей по-русски, а затем, подмигнув в камеру, на скверном английском процитировал строку из статьи Анны Блум — «Правнучка Пеле, наследница богатейшей бразильской фамилии Лурдес Тежу заявила, что больше всего на свете хотела бы работать нянькой сестренок Елены и Майи. Интересно, как на эту конкуренцию посмотрит официальная нянька Наташа?»

Камера повернулась на девяносто градусов, выцелив стоявшую вдали высоченную и крепкую блондинку с пронзительными черными глазами (невероятное сочетание. Может, блонда — умело крашенная?). Та подняла руки: «Вау! Сдаюсь-сдаюсь. Лурдес, принимай детский сад. Ухожу в телохранители-манекенщицы. Театр Друри-лейн не предлагать!»

Впервые Анна с Зельдой и вообще кто-либо видели это блестящее собрание, выставившее будто напоказ особые, непонятные простым смертным отношения. Общее олимпийское спокойствие: вот жена с четырьмя детьми, рядом его «бывшая» с дивной дочкой, а вот и — вероятная «будущая», мировая ар-н-би суперзвезда.

Анну более всего поражало, что она сама об этом («особой морали, правах полубогов») столько писала, декларировала или предугадывала, исходя из собственных восторженных теорий. А теперь вдруг увидеть в жизни, жизни других? «Ведь это я! Я, Анна Блум, силой своей веры подарила вам такое счастье: безмятежный пир, чаепитие на горе Олимп».

И это не было большим преувеличением: она, ее сайт и ее секта задали стиль егропоклонения. И вот прямо на ее глазах Сальса Байонта, мегазвезда, через полгода наверняка получит пятую «Грэмми», исполнитель и автор мировых хитов — а сейчас сама словно зачитывает написанную Анной роль.

Созданную для нее, Байонты, основанную на деталях вроде бы ее жизни, но... Самими деталями эти были столь обобщенными, клишированными. Что равно годились для биографий Уитни Хьюстон, Опри Уинфри, Тины Тернер, Ла Тойи Джексон... Наркотики, выкидыши, побои мужа, зенит славы, миллионные гонорары и страдания, страдания... Ах да, пропущена деталь «в детстве ее насильовал отец», столь обязательная, что, когда в биографии одной из звезд сей момент пропустили, сам возмущенный родитель грозил «оторвать башку» издателю: что, у нас было не как у людей? Что я, не мужик?

Отталкиваясь от этого канона, Анна приплела на сайте «ГодЕгрНиа» не так уж много, причем подтягивая факты из ряда общеизвестных. Все репортеры уже отписались, как на вечеринке по случаю выигрыша у «Барселоны» Байонта глаз не сводила, едва не молилась на ангела Лурдес, а позже ее видели выходящей под руку с Егром. Как, не расплетая страстных объятий, футбольная и музыкальная звезды дошли до припаркованного «бентли» певицы, нырнули туда, а ее водитель полчаса гулял неподалеку, ежась и прыгая на осеннем ветру. Даже та деталька была подхвачена зорким талантом Анны. Доказательство внезапного порыва страсти: будь обольщение, секс в машине заранее спланированы Сальсой Байонте — ее водитель наверняка захватил бы куртку.

Но нет, расписанием молний владеет один лишь Зевс. В ее вспышке страдающая певица увидела, как Лурдес, сложив ладонки, молилась на последних минутах матча (и Егр забил решающий гол), как играла с его детьми. И Байонта озарилась: ее жизнь обретет светлый смысл, радость — если и у нее будет такая дочь-ангел. Тогда перестанут скрежетать, царапать изнутри демоны: тщательно запряженный, но все равно разысканный пронырами газетчиками сын с синдромом Дауна, пересчитанные ими же ее выкидыши, ее унции кокаина. Уверовавшие в божественность или просто в уникально выигрышную, миллион из миллиона, комбинацию хромосом, считали Егра —

ответом на любой проблемный женский анамнез... Да и сам он называл Лурдес (образец неподражаемого олимпийского юмора) «мой живой рекламный буклет»...

Примадонна не опротестовала новый опус Анны. Более того: при чтении его в недреманном сознании Байонты пронеслись строчки будущего ее суперхита «Дважды рожденная».

Неплохо сайт Анны отвечал и на тактические уколы. Когда Егр перед матчем не стал припадать на одно колено в кампании BLM («Жизни черных что-нибудь да значат!») и на него накинулась сотня политкорректных белых журналистов — Блум первая ответила разгромным постом, очерком:

«Что-что, а респект и любовь к этой расе Егр доказал своим делом и... м-мм телом. Напомню вам Сильвию и их дочь Лурдес. А Байонта?! Хакеры взломали файл ее врача, и половина планеты знает: суперстар на третьем месяце, Сальса Байонты беременна! А половина от той половины знает — от кого!.. Что ж, господа. Из частей наших тел некоторые могут прекрасно лгать, например: язык или то левое колено, на которое припадают перед матчами трусы и лицемеры. Но некоторые другие части тела... более искренни... неподдельны в своих симпатиях!»

Сложнее бывало защищать Егра от политкорректных наскоков по линии гендерного равенства, инклюзивности. Как ни наставлял Лисовин, выловленные Егра ответы, реплики иногда толковали как гомофобные, что грозило разрывом со многими рекламодателями. Спецы-провокаторы заходили порой хитро издалека. Корреспондент «Нью Йорк таймс» начал с громкого случая: американка обнаружила в Шереметьеве туалеты только «М» и «Ж» и, потрясенная «дикой дискриминацией гендерно не идентифицированных людей», тут же улетела обратно.

— Господин Егр, вы путешествуете по всей Европе, какие чувства испытываете, возвращаясь в Москву при виде такой жуткой гендерной дискриминации?

— Так у нас же традиционно возле автобусов кричат: «Мальчики налево, девочки направо!» Третьей стороны не видят, наверно, ее и нет. Но может, вы подскажете?

И спортсмен, который должен бы показывать пример толерантности, уважения к людям, разразился гомофобным и трансфобным смехом...

Соединив всегдашнюю изворотливость ума и свежий российский опыт, Анна живописала путешественников на эпических, бескрайних российских просторах, где на расстоянии, как от Ливерпуля до Манчестера, вы не увидите не только туалета, но и ни одной постройки вообще. Так промчавшись полдня, русские автобусы останавливаются — а вокруг только кусты и тайга. Тогда и раздается легендарный, понятный русским всех возрастов клич: «Мальчики налево, девочки направо!» Эта строгая дихотомия усвоена русскими с детства, их восприятие, пространственная ориентация проецируется и на ориентацию гендерную. Так что нельзя обвинять Егра вне учета исторических и географических обстоятельств, которые... и т. д.

— Анна, ваш талант и «вещество английской веры» — видите, я читал вашу книгу, — наполняя сайт, отбрасывают блики на всю британскую прессу. На ролике, который вы сейчас посмотрели, Егр, Нина, Сильвия, Байонты как раз читали ваш сайт и сказали, что все прекрасно, благодарим.

— Господин Лисовин, вы уверены, что присутствовали при чтении?

— Я же это снимал. Потому звук и фокус такие скверные. Ха-ха. Но я уверен, вы и вы, маркиза, украсили бы то собрание и вам были бы рады... — лицо Анны раскраснелось, как у девушки перед первым балом. — И даже не надо будет вам зазывать весь лондонский «Арсенал», — это ловкий намек-щипок и виртуальный бокал шипучки: «Аркадий Лисовин угощает!»

15.

Полковник Гарин мучительно пытался собрать, составить пристойный рисунок из... в пазл он не играл — из осколков дочерью разбитой драгоценной посуды.

Он и сам разбил, безо всяких там образов, «физически», тем утром, когда сначала сбежала дочь, а потом уехал генерал Бекасов, — схватил большую фруктовую тарелку с синим рисунком «Ласточкино гнездо» (память о давнем отпуске с женой) и швырнул об пол, в полном отчаянии, оттого что развилка, поворот «На Предательство» уже пройдена, проехана. Вечером собрав в совок осколки и уже поднеся к ведру, вдруг передумал, прошел в кабинет, расстелил на столе газету, но опять передумал и отыскал большой кус оберточной бумаги. Положил его белой стороной вверх и осторожно все высыпал.

Так на ближайшие недели осколки ялтинской тарелки заменили ему ни разу не купленную игрушку пазл. Аккуратно рассортировав их на несколько кучек, он начал составлять бывшую тарелку, сделав это успокоительным фоном тяжелых размышлений о продолжении операции «Одна пятая кембриджской пятерки». Тут уж, конечно, не без образности, аллегорий и аллюзий, примерно таким же тасованием на столе множества деталей сопровождали ход великих мыслей целый сонм исторических личностей, а из «коллег» — герой знаменитого фильма, который сквозь хохот вспоминал главврач кингисеппского роддома, когда ему привезли иностранок, а он спрашивал: «На каком языке они будут кричать „мама“?»

Так медитируя и тасуя фарфоровые осколки, полковник Гарин собирал детали своей — неясно: разбитой ли окончательно? — операции. С окаянной дочерью встретились один раз, но уже как завязтые шпионы — петляя по Измайловскому парку. Стараясь не глядеть Дарье в глаза, Гарин молча кивал на ее условия. Которых, собственно, было немного. Пока только одно: телефон Анны Блум. Не дождавшись вопроса отца, Дарья сама начала запальчиво объясняться.

— Я давно слежу за ним. Помнишь, весной, когда ты самый первый раз упомянул о лондонской командировке, что будешь охранять, представлять интересы Егора Камова — я же тебе поверила, сразу назвала сайт «ГодЕгрНиа» и Анну Блум. Она одна понимает, осознала Его значение, смысл этого знака, подарка нам или послания.

— Ты что, тоже веришь в эту дичь? Что он — вернувшийся Аполлон или Зевс? Что дальше, м-мм... «ну а кем считался Иисус две тысячи лет назад? Врачом? Рассказчиком поучительных басен? Гипнотизером?» — Гарин передразнил один из самых известных пассажиров Блум.

— Об этом сейчас и говорить некогда. Задумайся хотя б только о хромосомах, генах. Послания можно передавать не одними библейскими свитками, трубочками, перевязанными ленточками. Ха! А в них ты веришь? Вся ваша служба выходит на молебны торжественные, крестится, свечи ставит, красуясь в теленовостях — это ж все стоит, базируется на нескольких пергаментных свиточках, дошедших из древности и размноженных. Тьфу. Мне и о церкви сейчас говорить некогда. Да пускай. Я о другом: а если послание пришло в других свиточках: в хромосомах ДНК? Пусть даже не Бог, просто сама природа, которую вы гробили, вдруг поднатужилась, собрала и прислала — Совершенство. Или — не будем про Совершенство, нет — всего лишь идеальная комбинация генов. Ведь сколько лет шел отрицательный отбор? На фронтах, в лагерях убивали лучших, а выживали, плодились — не лучшие, кто потрусливей, понезаметней, поувечней.

— А... это ты про нас, коммунистов, службистов... ГУЛАГ?

— Не только вы. Если тебе это важно. У них тоже были лагеря. И женщин, что красивее, на кострах жгли. Все портили, портачили, все: отрицательный отбор. В древности, наоборот, больных, уродов отбрасывали, потому и создали нам науки, искусство, философию. Посмотри хоть, все наши ДК — копии греческих храмов. Сама идея архитектуры, красоты, канона, гармонии. А сегодня... во всех новостях: генетические мутации, наследственные болезни, просьбы денег на лечение сына-Дауна. Геометрическая прогрессия уродства, тщедушия! Ладно. Не только в России, но и в США — так что успокойся. И в Канаде, Англии. Германии — радуйся.

— Ты же сейчас говорила: спешишь, некогда. Так не повторяй штампов. Все это я читал тыщу раз, и задолго до евангелия от твоей Анны. Вы что, собираетесь исправить наш отрицательный отбор, надоить Егоровой... спермы (кажется, впервые при дочери вслух произнес) и раздать всем женщинам? Нет, наверное, не раздать, продать! Если только избранным — так этот фашизм мы проходили восемьдесят лет назад. Ну а если чуть подемократичнее, помассовой — то что будет? Жуть даже вообразить: город, идешь, смотришь, а все — Егоры Камовы, пусть и здоровые как кони... Понимаешь, я сам на его детишек люблюсь не налюбуюсь, особенно старшая, смугленькая, Лурдес. Но и младшие подрастут, тоже красавчики будут. Я же их сам видел, на руки даже брал...

— Повезло тебе, — вдруг всхлипнула дочь. — Повезло, сам не знаешь как. Незаслуженно. И теперь ты все можешь сломать, разрушить.

— погоди, Даш. Ты что, тоже мечтаешь ребенка от Егора заполучить?

— Дело не только в размножении его потомства. Да, я представила: все в городе с лицом Егра... антиутопия. Нет, дело не только в... сперме, — и она впервые произнесла при отце, — важно, что Совершенство, ну или просто прекрасный образец перенастроит мозги людей, остановит отрицательный отбор...

Гарин почувствовал, что этим уходом в социологию, уклонением от прямого вопроса, хочет ли она ребенка от Егора — дочь ответила. Но Дарья продолжала набирать обороты.

— Да, красивых в России на кострах не жгли, но знаешь, какой был наш эквивалент инквизиции? Знаешь?

— Нет. Пока не знаю. Слушаю.

— Не ухмыляйся. Наш костер — эта подлая поговорка, плебейская, плебейская мудрость «Лучшее — враг хорошего!» Греция потому и дала нам все — там господствовал ровно противоположный тезис: «Без лучшего не будет и хорошего!» Люди должны тянуться вверх, а не ползать в грязи!

Стараясь слушать дочь, Гарин параллельно теребил память: где? Где он это уже слышал? Ах да! «Пирамида Пьера Кубертэна»... На вечеринке после победы над «Барселоной» Точно. Журналист ANNA-TV спросил Егора про «спорт больших достижений». Вспомнили Кубертэна, вернувшего греческие олимпиады. Что один великий чемпион вдохновляет десятки спортсменов тоже великих, без них ему не с кем соревноваться. А произвести десятки — нужны тысячи, а для тысяч — миллионы, и так далее, и все восемь человеческих миллиардов. А Егор тогда лихо завернул, что не восемь наличных на Земле, а сотни миллиардов порхают вокруг нас. Им родиться — тоже победить надо. Ну да, красиво задвинул, ловко. А моя дура теперь страдает, ловит воздух и эти порхающие... сперматозоиды.

— Для тебя, для вас Егр — просто очередной ресурс природы. А сколько уже ресурсов вы перемололи в заводскую труху, на производство отходов производства.

— Да, конечно. Надо все отдать американцам, глобальным либералам. Они сберегут... Откуда ты такая? Мы ж тебе журнал «Огонек» вроде под пеленки не подкладывали. Он глянцевоый был, впитывал плохо. Где-то еще начиталась?

— Ты не поймешь. Боец невидимого ненавидимого фронта... Как вы могли пообещать его охранять и обмануть?! Лондонские газеты кипят, читать стыдно! Этот... амитал, «амиталовый болтунчик» — что, «сыворотка правды»? Жаргонизмы разве-ли: допрос под амитал-натрием — «амиталовое интервью». А твои красотки боевого гипноза? Подсунуть к его детям эту Наташу, специалистку-выжимателя! Представ-ляю. «За десять минут может любого превратить в пси-агента, стереть и поменять сексуальную ориентацию».

— Ты больше «Дайли миррор» читай. Да о чем мы говорим, тьфу! Главное, запо-мни: ничто у меня, ни каплей не направлено против Егора. А Наталья, о которой ты так легко, заглазно, вообще идеальная нянька. Надежность, внимательность, аккурат-ность — ее и целый батальон мечтательных дур, кофейных побрехушек не заменит.

— Цинично использовать дом доверившегося вам. Шпионский притон...

Мучительную прогулку по Измайловскому парку закончили на том, что он позна-комит дочь с Анной Блум, пока она в России — видно, этот «миг удачи» Дарья покля-лась себе не упустить.

— Выполню.

— На этой же неделе!

— Хорошо, на этой.

Встречная, сосредоточенная клятва дочери (впервые за вечер поглядели глаза в гла-за): ни словом его не выдать. Будет молчать про планы заманить и «раскупорить» своей Наташей, сывороткой — каких-то Тони Бэнксов, Нэнси... Торжественные обе-щания Дарьи не грели сердце отца, а с профессиональной точки зрения — это пол-ный ноль, абсолютный. Прямо по Кельвину, лорду, с которым маркиз Пэмбру, воз-можно, в родстве. Профессионально было бы: захватить на эту беседу наградной писто-лет и, выбрав место поглуше, пристрелить. Если сильно вдавить дуло в ее пальто, звук и без глушителя будет слабый. Слабее петард, которыми вон там играют нормальные, не позорящие отцов дети.

Ее-то любимые греки для блага государства просто пачками приносили дочерей в жертвы. Как Агамемнон — Ифигению... Там, сразу не вспомнить, но реальный ба-тальон жертв наберется (с началом «аполлоновской» операции Гарин немного осве-жил и пополнил свою гомеровскую папку). Это был тоже «отрицательный отбор»?

Простуженный, с иглой в сердце, он вернулся домой и в кабинете вновь уставился на «свой пазл» — разложенные на столе фарфоровые осколки...

Так что на сегодня известно, какие группировки вырисовываются?

1. Британская FA-6, чертов Тони Бэнкс и самые ярые мстительницы из сектанток: его жена Нэнси с сестрицей Магдой.

2. Против них — я, полковник Гарин. Уязвленный предательством (дочери) и сам в предательстве уличенный (пока только детектором лжи «Лаокоон-880»). Плюс по-добренный мною, как смеются англичане, «гарнизон русской военной базы на Дор-си-Лейн» с боевыми поварихой, нянькой, кормилицей. С нами точно и отец Егора, далекий, но важный Петр Леонидович Камов.

Отдельный игрок, нет — стержень, вокруг которого все должны вертеться, «ось мира» (ха-ха!), а на мой взгляд, просто шест, вокруг которого танцуют эти религиоз-ные стриптизерши, — Его Божественность Егр Первый. При нем жена и вездесущий Лисовинер. Егор взял твердый курс на деньги, Лисовинер — его начальник штаба. А Бекасов, Служба дали отмашку: смириться.

И наконец, четвертая группа — нет, третья, если не забывать о «надмирности» Егра... Третья: ярые фанаты Егра, коим плевать на FA-6, ФСБ, Великобританию,

Россию, весь мир. Анна Блум, Зельда и, поневоле, муж Зельды маркиз Пэмбру. А теперь и «примкнувшая» Дарья Гарина, его греко-либеральная Офигения.

16.

Первоначальный план маркиза Пэмбру: спрятать жену и Анну Блум в России, тем более что они сами рвались разыскивать родню и корни своего Егра. Гарин не вмешивался, считая идею тайных родов — экспромтом дилетанта. Все равно ребенка надо будет когда-то предъявлять, регистрировать, везти в Англию. Но позже он оценил всю тонкость расчета аристократа.

Врач Альберт с теми же российскими поделщиками, записавшими роды 5 сентября на безвестную аргентинку, регистрируют (отдельные деньги) рождение мальчика каким-либо удобным днем начала ноября, да хоть седьмого! Что ж, молодой маркиз Пэмбру, днем рождения совпадающий с Великой пролетарской революцией, — в этом есть доза английского юмора. А может (гадал маркиз), они там этот день по-прежнему отмечают, по-русски, водкой... и протиснуть бумаги, вписать ребенка — будет чуть проще?

Главное — отстанут проклятые ведьмы Хэрифор с их кровавой клятвой мщения. Одиннадцать месяцев после «предательства в замке Мэдлэнс» — алиби. Мальчика привезут в Англию в начале следующего года, а всматриваться, искать отличия шестимесячного дитяти от четырехмесячного он в состоянии не позволить. А когда-нибудь (дай Бог дожить!) он расскажет сыну любимой Зельды, двенадцатому маркизу Пэмбру, что он все-таки на пару месяцев старше. Отклоняла подозрения и еще одна грустная деталь: мальчик родился вовсе не таким красивым, как пятеро других детей. Через полтора месяца это стало совсем заметно. Ближе к брату Егра — Алексею Слюдянскому, без уродств, но и без «печати Аполлона», известной всем глянцевым журналам мира.

Маркиза Леопольда это, как и собственное «отцовство», не волновало, он только боялся разочарования Зельды, чтоб не почувствовала себя обманутой Жизнью. Ведь Егр так деспотичен в своем культе (себя): Лурдес для него — «живой рекламный буклет», а брат — «компромат». И чувство вины может ожесточить Зельду против сына. Но Анна обещала подумать и при встрече изложить утешительную для всех версию. Полковнику Гарину было несложно убедить маркиза: дополнительной степенью защиты Зельды станет проведение Мэдлэнса-2.

Местом их встреч как-то постепенно утвердилось Хайгейтское кладбище близ лондонского особняка Пэмбру.

— Где-нибудь в начале следующего года. Магда, Нэнси и все снова обнаддеются, отложат или забудут про клятвы и месть. И главное — Анна Блум вернет секту под свой контроль.

— Где предполагаете устроить новый их шабаш... оргию?

— Это почти неважно. В вашем лондонском особняке или у нас на Дорси-Лейн, или даже опять в Мэдлэнсе.

— Но вы понимаете, что собрать их можно только обещанием присутствия вашего Егра.

— Что ж. Мы постараемся. Мы более камерно все организуем, Команду теперь звать не надо, да и сектанток прошлых лет можно не всех собирать, непременно только...

— Позвольте-ка, я угадаю, — маркиз пристально посмотрел Гарину в глаза. — Непременными для вас, наверно, будут жена адмирала Нэстинга, Магда Хэрифор и Нэнси Бэнкс?

Усталая улыбка Гарина расшифровывалась: Ну да. Ну глупо отпираться. Старая игра: я знаю, что ты знаешь, что я знаю.

— А вы, мистер Гарин, относительно прошлых наших встреч сильно изменились. Очень осунулись. Устаете? Британская публика действительно бывает порой просто ненормальной. «Таймс» писала, что вчера к вашему подопечному Егру опять пытались проникнуть дюжина поклонниц и фотографии. Ворвались на лужайку, где беби-ситер Наташа везла коляску с двумя его младшими дочерьми. Это правда?

— Да.

— И что Наташа вместе с подоспевшей поваром Василисой и кормилицей отогнали поклонниц, скрутили фотографов и забрали их аппаратуру — тоже правда?

Великая тайна зарождения человеческой симпатии. Глядя на благородный, хотя и не такой идеальный, как у Егора, профиль маркиза, Гарин вспоминал его признание еще на самой первой встрече. Что у него детей быть не может, но Зельда... ее ребенка он бы любил, как своего, не меньше, чем сам Зельду. Э-эх, если у его дочери все «выгорит» с Анной Блум, и вдруг через нее она когда-либо познакомится с маркизами и тоже узнает их историю... — что она тогда скажет про свои «отрицательные и положительные отборы»?

— Простите, что, ваша светлость? Про беби-ситера Наташу с поваром и кормилицу? Маркиз! Это же написала лондонская «Таймс». Значит, конечно, правда. И знаете, маркиз...

— Можете называть меня Лео. Ах, вы же тоже Лео. Лев Кимович. Тогда Леопольд. Признаюсь, некоторое расположение почувствовал я с первого вашего визита к нам на Дартмут-Парк. У меня, наверно, развита некая полуинтуиция, полной похвастаться никак не могу, я чувствую других только относительно Зельды. То есть делю людей на тех, кто ей может повредить, угрожает или просто желает ей зла, и на всех остальных. Я сразу почувствовал, что вы не можете пожелать ей зла... Знаете, как начиналась знаменитая долгая Война Алой и Белой розы? Пишут, то был грандиозный пример негативного отбора в Англии: погибли храбрейшие и лучшие. А началось так: спорившие в саду у герцога Йорка дворяне вдруг расступились, посмотрели друг на друга и стали срывать себе кто алую, кто белую розы. Шекспир это неплохо описал, да.

А случись им спорить на вашей лужайке, на Дорси-Лейн, наверно, ваша беби-нянька и выбежавшая повар... Василиса с кормилицей их тоже скрутили бы. Разняли.

— Ха-ха-ха. Прекрасно, маркиз. То есть спасли бы Англию от войны и гибели лучших! Я им передам.

Копилку взаимных симпатий пополнила схожесть чувств юмора.

— Кстати, мои предки были йоркисты, то есть за Белую розу. И поплатились. А вы, мистер Гарин, за Алую или Белую? Ах ну да, да! Красная же! Глупый вопрос.

— Нет, маркиз. Я за Алую не потому что Красная. За Белую же был горбун Ричард Третий, убивший детей. У нас в девятом классе Шекспира проходят, точнее, раньше проходили, как сейчас, не знаю... И еще, маркиз, благодарю за великодушное разрешение, буду звать вас — Лео. А вы, чтоб не путаться, зовите меня, как друзья в России — Кимыч.

— Как-как? Ким-мыч? Я где-то читал, в России крепостные крестьяне так друг друга звали, по отчествам.

— Не только крепостные. В Древней Греции, откуда, говорят пришел наш Аполлон-Егр — прямо в нападение «Арсенала». Так там тоже окликали по отчеству, только наше «ич» у них звучит: «ид». Фукидид, Парменид, Кронид. Отец геометрии Евклид, сын Евкла, по русски — Евклыч... И вы правы, Лео, я не желаю ни малейшего зла

вашей супруге. Куда бы ни завела меня служба, работа... на Егора Камова — ей это грозить не может, а будущее м-м-мероприятие с сообществом поклонниц Егра я предлагаю отдать в полное распоряжение Анны Блум.

— Превосходно, Ким-мыч. Надежней не могу и пожелать. И еще, извините за настойчивость, ваш вид все же смущает. Мои врачи — лучшие в Британии, могу...

— Нет-нет, Лео. От души благодарю. У меня... я должен доверяться только своим.

— «День седьмого ноября — красный день календаря!» — напевал, или бормотал, или мурлыкал себе под нос главврач роддома необъезжаемого города Кингисеппа, направляясь на работу.

«Праздник, да что ж теперь поделаешь!» — Накануне он с другом-коллегой доктором Геннадием, вновь вызванным из Питера, обсудили задачу, составили предварительный план. Необходимо зарегистрировать «рождение» ребенка, мальчика, которому они же помогли здесь появиться на свет два месяца назад.

Вариант с вызванной «скорой» теперь не проходил: мальчик уже был в наличии, мать с ним должна была максимально незаметно проникнуть в роддом, локализоваться здесь изолированно от других рожениц, желательно в той же самой палате, «родить». Ну а далее наоборот — все максимально гласно и громко, и чем громче — тем лучше. Никаких анонимных аргентинок! Зовут ее Зельда Сточ, маркиза Пэмбру, подлинный ее британский паспорт будет, разумеется, при ней. Отец — Леопольд Сточ, одиннадцатый маркиз Пэмбру, но номер можно не указывать, Регистрируйте, ставьте печать и, не засвечивая мальчика крупным планом, выписывайте их с Богом!

— При ней будет только доктор Альберт, ты его помнишь?

— Запомнил.

— Он как личный врач наблюдает ее, все два месяца при ней. Они это время тут неподалеку обретались, в Ивангороде.

— Где-где? То есть в самом, в Ив... городе?

— Ну как в городе, там на север за рыбопроизводной станцией, частная застройка, а дальше дачки и лес. Коттедж сняли, с большим участком. Ребенка, в общем, не засвечивали.

— Ну дела! Богатые тоже плачут... но о другом. Ладно, ребенок-то как?

— Тьфу-тьфу-тьфу. Никаких патологий, осложнений. Здоров.

— Ну и прекрасно, Гена. Я все чувствовал ответственность за тот экспромт.

— Да уж. Но теперь ведь все только по бумагам. И еще. Они прекрасно понимают всю деликатность, бумажную сложность и полностью готовы, так что ты, Иван, не стесняйся, называй. Может, даже больше, чем в тот раз, потому что теперь все должно по бумагам пройти, официально. Я как, получается, посредник и опять тебе гарантирую.

— Ага.

Самым забавным, невероятным образом предположение маркиза Пэмбру, что седьмого ноября будет полегче, потому что там, наверно, продолжают по-русски отмечать День Великой пролетарской революции, частично оправдалось. Угадал. По случаю праздника роддом оставался на половинном штате. Главврач принял дежурство, подменил обрадованного молодого коллегу, вызвал подежурить и самую свою надежную — старшую сестру Серафиму...

Два часа ночи все признали наиболее подходящим временем проникновения в медучреждение, к тому же многие рожают именно под утро. В десять минут третьего в кабинете главврача сидели Геннадий и доктор Альберт. В семнадцать минут третьего зашла Серафима:

— Все в порядке, они все сейчас сидят в комнате сестры-хозяйки.

— Все?

— Пациентка, ребенок и еще ее подруга. Та, что в сентябре еще... с псевдоциезом.

Главврач вскинул взгляд на Геннадия, тот на Альберта.

— Извините, коллега, уважаемый Иван Рустамович, у нас вышло небольшое изменение. Понимаете, как ей страшно было к вам, одной. У нее была паническая атака, все могло сорваться... Анна — ее самая близкая подруга...

— А чего... здесь у нас, — слегка передразнил, — такого страшного? Место ей знакомое и, — поднял указательный палец, — счастливое место! И с вами, коллега Альберт, мы неплохо тогда поговорили, подискутировали об академике Павлове и кортикальных импульсах под влиянием самовнушения при псевдоциезе. Не так ли?.. Ладно, чего уж. Серафима, проводи их в палату, ту самую, — и вернувшись к Альберту: — Странное дело, но на праздники действительно всегда чуть-чуть, но меньше поток. Словно они там, — показал на живот, — чувствуют: мамочки хотят еще побыть с семьями, празднующими мужьями, а уж потом. Утром после праздников статистика обычно догоняет.

В половину третьего зашедшие в роддом с черного хода и спрятанные в комнате сестры-хозяйки Анна и Зельда с мальчиком тихо и благополучно перешли в уже знакомую им палату.

— Ну, теперь об этом самом... — первым начал доктор Альберт, успешно проходящий все курсы русской полевой коррупции. — Мы понимаем. Какие заботы и ответственность возложили на вас, и мы, разумеется, готовы...

Главврач выжидал.

— Мы, разумеется, подготовились. При мне здесь немного, но у соседнего дома в машине сидят наши сотрудники. У них наличные и карточки. Я им сейчас отправлю эсэмэску... Они знают здесь дежурный банкомат на проспекте Наумова. Могут быстро доснять еще рублей, например... — Главврач продолжал держать паузу. — Например, полмиллиона рублей... В банкомате столько вряд ли будет, но в восемь утра банки откроются, да, коллега?.. Или миллион...

— Или полтора, — наконец произнес главврач.

— Да, конечно, миллион пятьсот тысяч.

— Или два?

— Хорошо, коллега. Значит, я сейчас отправляю эсэмэску? Два?

— Слушай, Гена. А че это твой друг так безразличен к деньгам?

— Но это ведь не его деньги, Рустамыч, ты ж понимаешь?

— Понимаю, конечно... Но все равно, даже когда чужие деньги проходят мимо, эдак скользят бегущей строкою на экране... у многих глаза следом бегут, я часто наблюдал. А этот... — извиняясь, привстал в кресле, — а доктор Альберт как-то у нас совершенно к деньгам безразличен. Ген, вы с ним в Африке познакомились?

— Да, в Эфиопии.

— Ну вот что, уважаемый доктор Альберт... — главврач встал из-за стола, — насчет миллиона рублей и двух — считай, я пошутил. Не отправляй свою эсэмэску. А лучше-ка совсем ее сотри, а то нечаянно нажмешь еще. Прошлый раз я все же поработал. Удачно, мальчик родился, здоровый. И ассистентов тогда отблагодарил. А сегодня-то? Только бумаги, — с ноткой пренебрежения. — Только бумажки, печати. И понимаешь ли ты, Альберт? Что я, русский врач, Иван Рустамович Булатов... тоже могу быть... Тоже безразличествовать к деньгам. И если ничего не делал — денег могу не взять. Ты понял?

Постепенно возвышая голос, последнее слово главврач почти прокричал, но, заметив испуг доктора Альберта, смягчился:

— Ладно, седьмое же число у нас все-таки. Купи Серафиме бутылку коньяка, у нее муж в КПРФ.

И на ноте всеобщего облегчения Иван Рустамович направился к двери:

— Ну так пойдем нашу роженицу навестим. Выписка с документами у нас только в десять утра.

Доктор Альберт, «посредник» Геннадий и главврач зашли в палату, где в предбанничке два месяца назад они пили, рассуждали об академике Павлове, самовнушении и кортикальных импульсах.

— Так. Как у нас новорожденный? Прекрасно. А как нас...

Сообразив, что пациентка не понимает по-русски, главврач обернулся к доктору Альберту:

— Вскармливает грудью? Своим?

— Месяц назад стали добавлять смеси, с прошлой недели — кефир, пятьдесят грамм в сутки. Молоко решили брать натуральное. Наши сотрудники ездят в деревню Захонье, от коровы.

— Вот это правильно, Альберт! Пока корова будет, упаковок старайся не брать. А что это у нас мамочка такая вся грустная?

Анна на соседней койке лежала не раздеваясь, подала голос:

— Я зовут Анна, я учить немного русский. Уже два мансес. Ее звать Зельда. Она плакала мало, немного. Она хоуп, надеется, что ее сын будет джаст лайк похож на комплитли хэндсом, очень красивого русского футболиста. Который у нас играет, «Арсенал».

— А, Егор Камов!

— Ес, Егр, Егр!

— Так мы тут все за него боеем. А у вас в Ивангороде Премьер-лигу показывают?

— Ес. Да. Фсе на мматч! И Роджер, бодигард, — «Телохранитель», — пояснил Альберт, — Эстония ловить сигнал.

— Да! А как же мальчика назвали? Что, Егоркой?

— Понимаете, коллега, в старинных английских семьях мужские имена часто идут традиционные, — вступил Альберт.

— А? Жаль-жаль. А то бы по случаю дня рождения можно было бы. И мы на правах родовоспринявшего дома и всего необъезжаемого города Кингисеппа Ленинградской области посоветовали бы вам... Праздник революции все ж. Например... Владлен. Это у нас от: Владимир Ленин. Или Мэлор? Это: Маркс, Энгельс, Ленин, Октябрьская революция... У нас ведь тоже есть традиции! Встречаются Мэлоры, Владленов полно.

И пытавшийся так развеселить свою пациентку главврач попросил у Альберта ее паспорт, заглянул:

— Красиво же будет. Владлен Пэмбру! А? Или Мэлор Пэмбру? Почти милорд!

Но Зельда осталась бы безутешна, даже если б кто-то сумел ей в переводе донести сей юмор. Главврач смущенно кашлянул: «Ладно, мы пойдем. Будьте всегда здоровы».

Но в дверях все ж оглянулся и, поведя взглядом, как бы объединив Альберта, Анну и Зельду, кивнул на кровать с младенцем:

— Он все же именно в России родился. Неважно какого числа, но у нас. Так что вы ему обязательно прочитайте одно стихотворение. Пушкина. В России вообще можно жить — только зная это стихотворение... «Если жизнь тебя обманет, / Не печалься, не сердись! / В день уныния смирись: / День веселья, верь, настанет. / Сердце в будущем живет; / Настоящее уныло: / Все мгновенно, все пройдет; / Что пройдет, то будет мило...»

Иван Рустамович покосился на Анну, шептавшую, словно пытавшуюся затвердить с ходу:

— Сейчас не запомните, но потом найдите: Пушкин, «Если жизнь тебя обманет...». Это будет ему знак с родины, места его рождения.

— Рустамыч, — обернувшись в дверях вмешался Геннадий, — А ты все ж загибаешь: только зная его, в России можно жить! Да многие и знать не знают. В школе не слышали, книг не открывали.

— Понимаешь, Ген. Многие в России и сами не знают, что его знают.

17.

Кампания «Возвращение секты под полный контроль» стремительностью напоминала высадку в Англии знаменитого Вильгельма Завоевателя в 1066 году. Пулеметная серия интервью с Анной Блум увенчивалась большой статьей в «Таймс» на второй — не спортивной (!) — странице. Футбольным успехам Егра там уделялось место как доказательству, иллюстрации ее тезисов, в общем давно всем известных.

А корреспондентов более интересовало ее путешествие с маркизой Пэмбру по России. Ведь уезжая, она обещала раскрыть Британии и остальному миру тайну происхождения Егора Камова, а теперь, вернувшись, объявила: «Миссия выполнена». Русское происхождение Егра она со своей сектой всегда подвергали сомнению, но кто тогда? Рассказать о российском вояже и приоткрыть тайну Анна обещала на большой пресс-конференции, организуемой BBC-1.

Держа воодушевленную речь, Анна щелкала пультом, пуская видео, каскады фотографий:

— Вот одно из красивейших мест Азии. Байкал. А рядом, порой в пяти шагах от уреза воды, под нависшими скалами, сбегаящими к озеру, — старинная железная дорога. Русские строили ее во время войны с Японией. Вокруг самого древнего и самого большого по запасам воды озера планеты Байкала, потому дорога и назвалась Кругобайкалка. Половина русского царского правительства переехала сюда...

Журналист ITV усомнился, Анна порылась в бумагах, назвала фамилии переехавших министров и продолжила вещать:

— С окружавших скал сыпались обломки, порой настоящие лавины. Пока строилась дорога, русские придумали положить рельсы на лед и пустить поезда. Я не поверила, но местный историк Евгений Смирнов показал мне фотографии и любезно разрешил их скопировать. Не правда ли, потрясающе?

— Да, госпожа Блум, ваши фото тоже красивы, но мы сейчас не на канале «National Geographic». Нельзя ли поближе к цели вашей миссии, происхождению Егра?

— Благодарю, постараюсь ближе. Вот мы как раз приближаемся к месту, где явился на свет Егор Камов. В 1950-х годах русские проложили новую трассу Транссибирской дороги далеко в стороне. А здесь рядом со старыми рельсами, туннелями начала двадцатого века остались лишь четыре поселка по три-пять домов. Идеальная заброшенность для съемки фильмов... Вот маркиза Пэмбру на последних месяцах беременности мужественно шагает по шпалам, сквозь которые проросли сибирские кусты. Раз в неделю здесь проезжает маленький поезд, три вагона: показать туристам Японии, Китая — величественные картины Природы, что своим эпическим возвращением подготавливала рождение Егра.

— Анна, вы имеете в виду, что...

— Что с уходом отсюда цивилизации две стихии, тайга и Байкал, снова сомкнули объятия над последними двумя тонкими полосками железа, лежащими на обрубках

деревьев, которые сто двадцать лет назад обтесали и назвали шпалы. А вот смотрите: маркиза Пэмбру подходит к поселку Маритуй, цели нашей миссии. А вы знаете, что в России паломники всегда ходили пешком, и даже сегодня, когда едут на электричке в свою лавру — специально садятся в последний вагон и всю дорогу, не присев, медленно шагают до первого вагона. Вот и мы пришли. На заброшенном полустанке Маритуй сегодня живут три семьи, занимаются сбором кедровых орехов, ягод и ловлей байкальского омуля (еще фотографии). Так было и двадцать девять лет назад, когда утром 22 сентября на пороге вот этого дома нашли двух спеленутых младенцев с запиской, просьбой назвать одного Егором, другого Алексеем. Согласитесь, абсолютно невозможно найти более неподходящее, более невероятное место, чтоб подбросить детей. Всего три семьи, одиннадцать человек. От-шель-ни-ки. Знают, видят друг друга каждый день. Слева непроходимая тайга, справа Байкал, до ближайших пунктов с людьми тридцать пять километров в одну сторону, восемнадцать в другую. Первым младенцев увидел Владимир Максимов, живший а этом доме с родителями и дедом. Четыре человека, это была самая большая семья в Маритуе... Вот таким он был тогда (фото). А вот он сегодня, стоит рядом с маркизой Пэмбру, со мной (еще серия). А вот тот самый порог дома. Правда, доски заменили семь лет назад.

Владимир рассказал нам: страшно испугался своей находки. Быстро обежал два других дома, и десять его соседей, столь же испуганные, переглядываясь, не могли решить эту загадку. Женщин подходящего возраста в Маритуе среди от-шель-ни-ков не осталось. Три старухи и девочка тринадцати лет, мать на-гу-ля-ла в Иркутске и сдала на руки бабке. Но ее и всех прочих видели каждый день. Никто не хотел оставлять найденшей у себя не только по общей бедности: боялись, что не смогут правдоподобно объяснить милиции. Но долго думать некогда, новорожденных надо как-то спасать, конец сентября, днем солнце, а ночи все холоднее.

Предыдущий поезд был четыре дня назад (туристы купили двадцать два кулька орехов и пятнадцать омулей), следующий будет через два дня. В Маритуе на крайние случаи была самодельная велодрезина: дед Владимира когда-то «с-мас-ты-рил» ее, приделав велосипед к тележке. Владимир взял свой паспорт, младенцев, бутылку козьего молока и поехал в Слюдянку. Там была дорога до Иркутска и автомашина. Никто в историю Владимира не поверил, сдать детей было просто некому, но машину дали, и Владимир поехал искать в Иркутске какой-нибудь детдом.

Перед вами, уважаемые коллеги, новелла разворачивается, конечно, странная, и вы вправе потребовать каких-то подтверждений. Вот на экране сканы документов: что Владимир Максимов привез и сдал 23 сентября двух новорожденных мужского пола. Вот и справки иркутского отдела милиции и даже копия путевого листа машины, на которой новорожденных привезли из Слюдянки. Следующие снимки будут вам интересней. Егр, Егор Камов часто навещает свою родину. И в прошедшем году после великолепного сезона в «Атлетик» Бильбао и накануне перехода в наш «Арсенал» он отдыхал на Байкале с женой Ниной. Вот снимки июня того года.

Пресс-конференция наконец оживилась. Всю предшествующую историю они слушали хотя и не зевая, но с ощущением, что попали не туда. Девять корреспондентов были вообще от сугубо спортивных, футбольных изданий, и каково им было тратить время на эту сибирскую «Махабхарату»? Разве что фотки «Егр накануне перехода в „Арсенал“» с парой абзацев сойдут на последние страницы.

Глянцевые светские, дамские журналы слушали с большим интересом. Сибирь, Байкал, фактура! Жена Егра тоже глянецгенична, хотя все-таки непонятно, что он в ней нашел? За ним теперь сама Байонта ухлестывает. И сравнить — эта певичка-любитель! А Маритуй можно будет сопоставить со священным греческим островом Де-

лос, где родились близняшки Аполлон и Артемида: фанатка Блум наверняка притянет и эту аналогию. Но все-таки, кто ж отец красавца, супермена? Послушаем.

— Вот Егр стоит рядом, узнаете? — рядом со своим спасителем Владимиром Максимовым... Там же, в Маритуге. Видите, Нина на последнем месяце. А родила Елену и Майю она уже здесь. Занятно? Две беременных дамы летом на берегу Байкала, русская рожает в Лондоне, английская маркиза — в русском Кингисеппе. Согласитесь, коллеги, рокировка занята? А в Санкт-Петербурге мы отыскали и брата Егра, математика и программиста Алексея Слюдянского. В русских детдомах, когда нет сведений о родителях, фамилии дают по месту находки младенцев. Усыновляя, дают свою. Алексея никто не принял, но он и сам в таких тяжелых условиях не пропал. Хотя правильнее он должен быть Маритуйским, но, наверно, это неблагозвучно для русского уха.

— Анна, благодарим, все очень красиво, — поднялась дама из журнала «Космополитес», — Сибирь. Байкал. Многие редакции заинтересуются. Но согласитесь, все наши репортажи украсило бы раскрытие тайны происхождения Егора Камова. Тем более вы обещали...

— ... Как видите, мы поработали в Маритуге, Слюдянке, детдоме Иркутска, и, строго говоря, я могу предъявить вам факт, момент появления Егора Камова. Вот скан акта усыновления 18 августа 1993 года одного из мальчиков, принятых из Слюдянки, и присвоения ему фамилии Камов... Петр Леонидович Камов, эксперт по торговле удобрениями, накануне многолетней командировки в Бразилию отдыхал с женой на Байкале. Их родной сын ранее погиб, в России после развала СССР нарастали очень опасные тенденции. Голод, детдома финансировались очень плохо, плюс инфляция в тысячи процентов. Так что Егор, став Камовым, избежал многих опасностей, а в Бразилии вырос в выдающегося футболиста. Хотя король футбола Пеле, с внучкой которого у Егра была связь, и дочь Лурдес, которая, к счастью, не была, а есть и остается в ваших журналах. Так вот Пеле считает, что Егр — это просто сибирское здоровье и немного бразильской пластики, техники работы с мячом. Мы немало поговорили с Петром Камовым, рассказавшим о детстве Егора...

Рыжекудрая Анна возвела очи горе, напомнив героиню знаменитой картины Тициана «Магдалина кающаяся». Но после нескольких секунд возвышенных размышлений перевела взгляд на репортерскую братию... «Магдалина, передумавшая каяться» — тоже выразительная картина.

— Анна, — не выдержала корреспондент журнала «Гламушвиц», — не спорю, вы весьма ловко сдержали обещание раскрыть тайну происхождения. Строго юридически датой появления Егора Камова можно считать 18 августа 1993 года, присвоение ему такой фамилии. Но это же некая казуистика. Всех интересует тайна физического рождения Егра. Тем более вы его столько лет называете то «вернувшимся Аполлоном», то «сыном Аполлона».

— Да? Всех интересует? — деланно удивилась рыжая манипуляторша. Действительно, такая тайна есть. Но... это... — возвела очи к потолку конференц-зала, — это — не моя тайна! Пресс-конференция закончена! Благодарю всех.

Журналисты расхотелись, переполненные странной смесью чувств: профессиональной заинтересованности и одуроченности.

— Репортаж получится, но обратили внимание на последнюю ее увертку? «Это не моя тайна». Можно толковать: «это не мое дело, я вне этого, знать не знаю». Или наоборот: «Знаю, но кое-кому обещала не раскрывать», — корреспондент «Гламушвиц».

— А мой шеф возьмет эту историю, страниц на шесть. Детектив, да, она вылепила. Замкнутое пространство, одиннадцать от-шель-ни-ков. Пряма Агафья Кристи и «десять негрят»...

- Только не убийство, а... «роды в Маритуме». Хха!
- Это она к тому, что, Егр — все-таки сын какого-то древнегреческого бога?
- Какое бравое нахальство!
- И ни полслова о Байонте. Шеф меня убьет!
- Так она ж как раз и бродила по России, когда Егр здесь с Байонтой зажигали.
- Ммммм. Помню, за статью «Третий тайм Егра в „бентли“ примадонны», коротенькую такую, я получила двести фунтов. И отдала бы десять раз по столько, чтоб «выйти на замену» Байонты, хоть на последние десять минут.
- Фу, Дорис! Тебе пора в «Плейбой» переходить или сразу в «Хастлер».
- Или, Дорис, запишись в секту этой сибирской путешественницы. Им, говорят, всем перепадает. По паре минут.
- Да, Синди из «Дэйли» была на той вечеринке, уверяет, что его жена порой снисходит к страждущим, позволяет. Вы понимаете...
- Интересно, а за что ее Егр? Все-таки...
- За здоровые инстинкты?
- А фото Анны Блум хороши. Но насчет тайны — она ж просто посмеялась над нами. Я чувствую, внутренне она хохотала, — опять «Космополитес».
- Смеялась? Но она высыпала нам документы, достоверные факты, — «Гламушвиц».
- Милочка, в 1995-м я была на пресс-конференции по «Моника-гейту» и знаю: достоверные факты — самые смешные.

18.

На старинных советских счетах Аркадий Лисовин звонко пульнул три костяшки справа налево. Но подумав, одну вернул направо.

— Резонанс конференции Анны Блум, индекс цитирования семнадцать, обогнала речь Санджерса о Брекзите. Но это, дорогая Аннушка, только потому, что Санджерс — страшный зануда. А ты, дорогая, из фактов, собранных по России, строишь такую великую башню, что уже даже смешно. От великого до... Так-так, «Космополитес» пишет: «...курс веселого вождения за нос британской публики... Анну Блум обработали в России... похоже, российские кураторы Егра решили: поставим англичанам бога или хотя бы посмеемся над ними». Нет, Аннушка, мы так не договаривались. — И на шампуре старых счетов он вернул еще одну костяшку направо.

Раритетные, отполированные поколениями торговцев деревянные счета — память о деде, зав бакалейным отделом в... — угадал ты, Гарин, — в одесском магазине. Вывезенная в Лондон игрушка успокоения нервов, четки коммерческих молитв.

Сейчас главная молитва — о новом контракте. Как саркастически определила Нина: «опять ее муж, полуголый», с древнегреческой плавностью войдет в двери отеля рекламируемой сети «Хол-ин».

— Но может, блин, и не войдет, а войдет туда теннисист Видаль. Не так красив и «божествен», но его Уимблдоны по рейтингу выше третьего места Егра среди бомбардиров лиги. И пока «холиинцы» считают, думают. Так что за право скинуть штаны и натянуть белый хитон еще надо ой как побороться! А тут Анна повела свою арию в такую тайгу. Мне что, организовать ей свидание с Егором, чтоб он сам сказал ей? Так она, поди, только этого и добивается...

Быстрое, но результативное собственное расследование открыло Аркадию Лисовину механизм «двойных»: 5 сентября и 7 ноября родов Зельды Пэмбру, а о нежных взаимных чувствах двух егроманок он догадался, еще когда в Ивангороде рассыпал им лондонские новости и торопил вернуться в Англию. Осведомленность об истинной дате

рождения мальчика Рудольфа Пэмбру, кроме прочего, может в любой момент побить выстроенное Анной «алиби»: все-таки — не одиннадцать, а ровно девять месяцев после бегства Егра с оргии в Мэдлэнсе. Хороший подход к Анне и козырь на любой случай.

Отложив счеты, он вернулся к экрану ноутбука.

— Да... упорно втыкает всюду свою версию, дату рождения мальчика. По Егру на пресс-конференции ВВС-1 понапустила тумана, а тут — строго: 7 ноября! Понятно.

На сайте «ГодЕгрНиа» Анна привела перевод с русского, дала ссылку на сайт газеты «Кингисепский вестник» и даже выложила факсимильную копию той ее страницы. Заголовок — бравый кретинизм:

«Полку английских маркизов прибыло!

Утром седьмого ноября в роддоме нашего города произошло знаменательное событие: путешествующая по России англичанка Зельда счастливо здесь разрешилась от бремени. Мальчик родился здоровым, самочувствие матери хорошее. Нашему корреспонденту Валерию Кузнецову не удалось побеседовать с главврачом Иваном Булатовым, зато более доступной оказалась сама героиня, хотя она и принадлежит к высшим слоям английской аристократии! Есть с кого брать пример работникам нашей медицины, ведь они работают для людей и должны бы интересоваться их мнением, рупор которого — наш „Кингисепский вестник“. А нашу гостью зовут Зельда фон Сточ, маркиза Пэмбру. Ее муж Леопольд маркиз Пэмбру заседает в Палате лордов, владелец одной крупнейшей в Великобритании фирм, специализирующейся в информационной сфере, и вообще — один из самых богатых людей королевства. А его супруга Зельда давно интересуется Россией, ей слово:

— Да, я давно интересуюсь Россией и давно хотела побывать в вашем замечательном городе. Здесь древняя история удачно сочетается с современностью. Я увидела следы древней крепости и была приятно поражена чистотой улиц, широкой панорамой ваших новостроек. Наверно, это результат постоянной заботы главы Кингисепского района. Роддом нас встретил приветливо, окружил заботой. При хорошем уровне вашей медицины роды у меня прошли благополучно, мой ребенок чувствует себя отлично. Передаю дружеский привет всем кингисепчанам!»

Текст статьи сопровождала фотография: красивая, немного растерянная блондинка держит в руках большой белый кокон, из пеленок выглядывает лицо малыша.

Это Анна на лету подхватила фразу доктора Альберта «чем больше будет резонанса, тем лучше». И, покидая счастливые для них Ивановгород—Кингисепп, попросила разыскать редакцию районной газеты, заскочила, кратко представилась и всучила тамошнему журналисту флешку с фотографией Зельды, сканом справки из роддома, выверенными сведениями о маркизах Пэмбру, так что неведомо откуда взявшееся «фон» в фамилии Зельды и суконные похвалы главе района остались на совести местного журналиста.

«Что ж, Анна! Строишь высокую плотину, стену вокруг своей подружки. Но я нашел, всегда найду там свою ма-аленькую дверцу. Ну интриганы! Дружно копают друг под дружку. Гарин через секту тянет подкоп под Бэнкса. Бэнкс — под маркизов. А ты, Анка, с маркизой — окопались против всех. Ну а я, уж извините, буду вас обеих держать, на всякий случай. Э-эх, копатели, вы хоть за футболом-то успеваете следить?! Сегодня Егор в Манчестере играет!..»

И действительно — интриганы! Сообщение о прилете в Лондон дочери мощным паровым молотом ударило полковника Гарина — о матче в Манчестере не вспомнил. Он надеялся, что знакомство с Анной, вырванное коварным шантажом, обернется для Дарьи дружеской перепиской, совместными вздохами по своему «божеству», может, посылкой из Англии: фотография или даже футболка Егра с автографом. Максимум,

Блум делает его Офигению эксклюзивным московским представителем ее секты-клуба или даже соредактором русской версии сайта «ГодЕгрНиа». Но прилететь сюда? Достаточных денег на флейте она не насвистела, едва ли хватит и на лондонский хостел. Или мерзавка решила поселиться у меня? Или новым шантажом пролезть в Дорси-Лейн? А на кой она там Егору, Нине? Штат заполнен, да и что она умеет делать? Заваривать чай и выпиливать на своей дудке?

Полковник Гарин ошибся по всем пунктам, и это утяжелило его ситуацию. Денег дочь не потребовала, ночевать не попросилась, пристраиваться на Дорси-Лейн не собиралась, а прямоком отправилась в лондонский дом маркизов Пэмбру на улице Дартмут-Парк.

Суровая прямота профессии указывала Гарину: если приняли ее «Офигению» на кошт, а возможно, и оплатили дорогу — значит, пойдет торговля подслушанными отцовыми секретами, ее влиянием на отца. Других вариантов нет: наследство он ей не оставлял. Чем таким особенным могла она приглынуться, пригодиться Анне Блум? Тоже обжает Егора? Эка невидаль, в ее секту конкурс, поди, больше, чем у нас во ВГИК.

Владелец и редактор сайта «ГодЕгрНиа», оторвавшись от экрана, резко обернулась к гостю, всколыхнув занавески рыжих куделек.

— Да! Мы — поперек всем. И нам плевать на FA-6, КГБ...

— У нас вместо КГБ давно уже ФСБ.

— Вот видишь, Дарья, насколько плевать. Сажать в лужу твоего отца с твоей же помощью я не собираюсь. Выслуживаться перед FA-6? Даже представить смешно. А ты умница, мы тебе так благодарны. Хотя нет, теперь не будет: ты и мы. Теперь ты — и есть мы, одна из нас. Мы прикроем Егра от этих... Но какие же с... фээсбэшные сыны! Ты не обижайся за отца, пожалуйста, наши ведь не лучше, может, даже хуже.

— Анна, за него я и не думала обижаться.

— Молодец, предупредила об этой... Наташе. Надо же, приставить к ЕГО детям такого монстра! Теперь рассмотрю ее поближе. Хотя, могу похвастаться, я и сама выделила ее из десанта твоего отца. Кулаки бойцовские — никаким маникюром не замаскируешь. Глазищи черные, взгляд — будто на вилы тебя нанизывает. Но если в разговор вступает — несет такой наив, под куклу Барби работает. Кормилицу Любу прислали — тоже анекдот. И где у вас такие красотки берутся?! Хотя она, по-моему, просто боец, переглядывается с Наташей, как сержант с генералом...

— Бог с ними, Анна. Ты лучше расскажи, что ты у нас... в смысле — в России разузнала о нем. Я все до буквы читала, видела, как ты ловко увернулась на пресс-конференции ВВС-1.

— Но ОН, кто бы ни был, увернулся еще ловчее. Никто, ни одна душа в поселке на берегу Байкала до сих пор понятия не имеет, откуда они взялись. Забавный, трогательный до слез был момент — они меня же засыпали вопросами: «Вы там наверняка что-то побольше нашего знаете. О происхождении нашего Егора. Мы-то в глухомани тут, а вы — в Лондоне!» И такие умилительно доверчивые окружили меня, смотрят. Чувствую: ну что я сейчас ни скажу — абсолютно всему поверят. Будто только меня и ждали. И я столько раз вдохновенно вещала, и все принимали, а тогда и не сумела ничего сказать. «Правда, греческой он породы или, может, вестник какой нам, дичальым?» Думаю, ну какие...

— А что — забрасывало к нам! Даже при коммунистах. Дочка Аристотеля Онасиса, вышла за кагэбэшника, жила в Москве. Хотя как представишь какого-нибудь... Ставридиса. Чернявый, в феске...

— О'кей, Дарья. Через три дня я буду на Дорси-Лейн. Лисовин и твой отец держат меня на расстоянии, несмотря на всю помощь, что им оказываю. Больше половины знакомств, контактов-контрактов — это же я, мы с маркизами Пэмбру обеспечили Аркадию. Не говоря про тринадцать миллионов подписчиков сайта «ГодЕгрНиа» только в Британии. Но информацию, порции фотографий они мне бросают, как служебной собаке, дозированно. В воскресенье Егр вернется из Манчестера, во вторник после тренировки у меня будет сорок пять минут: разговор, фотосессия.

— Прямо... с ним самим?

— Конечно. Хотя и отмеряют скупое, но понимают: без живого общения мой фан-клуб засохнет.

— Анна! А можно мне с тобой? Как ассистент, помощник?

— Будет немного странно: ты — со мной. Могла бы через отца. Ах, да, вы же с ним... Но как он посмотрит? Не сочтет ли вызовом?

— Вызов был брошен еще в Москве. Анна, я очень-очень тебя прошу. Я же Егра только на экране, в журналах видела. Даже иногда сомневаюсь: он и правда так красив?

— Нет. Красивее. Вокруг головы — такой ореол, облако. На снимках это не передается. Кудри блестят, как у детей, и глаза... А главное — что он говорит и как. Бросает нам, словно дразня: «А вот это — не хотите ли? От футболиста? Поймете ли мою игру?»

— Видишь, как меня раздразила! Теперь точно не отступлюсь. У нас есть сказка, Пушкина. Там князь один, Гвидон в шмеля превратился, чтоб с гостями попасть во дворец к отцу.

— Помню-помню. Мне в Кингисепе один врач задание дал: найти и выучить Пушкина. Сейчас перейду на его язык, русский. Внимание... «Если жизнь тебя обманет, / Не печалься, не сердись! / В день уныния смирись: / День веселья, верь, настанет. / Сердце в будущем живет; / Настоящее уныло: / Все мгновенно, все пройдет; / Что пройдет, то будет мило». Ну как?

— Садись, отлично! — Эти два слова Дарья тоже произнесла по-русски. Нечаянно, может, под влиянием Пушкина.

— Са-дис, от-лич-но?

— Так у нас в школе сообщают оценку. — Разговор Анны и Дарьи вернулся на язык Байрона. — «Отлично» — от существительного «отличие, разница, выделение их общего ряда», означает высший бал, оценку из пяти возможных.

— То есть и у вас выше всего ценят способность выделиться? А как же...

— Шкала старая. Коммунисты насаждали коллективизм, общее равенство, но оценку «отлично» упустили, идиоты. Так, Анна, ты устроишь мне «день веселья»? Я ради этого летела.

— Ладно, беру. Напишу охране: «Анна Блум +1». Я иногда кое-кого проводила.

— Спасибо. Да, лучше так, без фамилии — чтоб заранее не всполошить.

А в Манчестере «Арсенал» проиграл, хотя Егр и забил один мяч. Ростом ровно с «бельведерскую копию», сто семьдесят восемь сантиметров, в прыжке он сравнялся с Тайлером, двухметровым центральным защитником, но расплатился рассечением брови. Одна из редких его травм, неопасная для карьеры, стала, однако, самой заметной: британским службам опроса общественного мнения и статистическому управлению еще предстояло подсчитать, сколько англичанок рухнули в обморок, узрев во весь экран кровавую кляксу, а через три минуты — розовеющий бинт на античной голове Егра.

— «Шрамы украшают мужчину»? — «Тьфу на эту вашу банальность», — гневно шипели Анна Блум и Дарья Гарина, подъезжая к Дорси-Лейн. — Мужчин пускай украшают хоть с их тупых голов до самых пяток, но — шрам на лице «бога»?!

— Подъехали. Вон кованые ворота.

Сформированный полковником Гариным «гарнизон русской военной базы на Дорси-Лейн» часто называли примером «московского нуворишского шика, показушного мотовства»... Пять человек, из них четверо — девицы, словно выдернутые из очереди на кастинг новой серии «Джеймса Бонда», или на конкурс «Мисс Юниверс», или команды женского рестлинга. Нянька... и кухарка, разогнавшие прорвавшихся фанаток Егра и скрутившие четверых папарацци? Русские излишества во всем... И они еще претендуют на русское происхождение «футбольного Аполлона»! Смешно! Известный с античных времен философский принцип греков «Ничего сверх меры» на их бескрайних евразийских полях давно превратился в: «Ничего в меру!» Или: «Все сверх всяких мер!»

Примерно так отписывались незваные, остановленные, вышвырнутые теми девицами, штат которых в действительности-то был вполне адекватен. Отец Егора, узнав про переход в Англию, переезд семьи, сказал: в доме должны быть только свои, русские. Сын, как всегда, послушался, а полковник Гарин, поразивший весь Лондон своим «гарнизонам», — он же просто совместил необходимую службу с охраной (еще, правда, готовой исполнять некоторые другие поставленные им задачи).

Подошедшая к воротам высокая блондинка, цепко оглядев, поднесла рацию к губам, произнесла по-русски:

— Наташ! Тут Анна Блум, а с ней еще какая-то коза. С большой сумкой. Лет тридцати пяти.

Так с двух пощечин началось паломничество Дарьи к своему богу.

— Мне тридцать два, а в сумке аппаратура, я ассистент Анны.

— Вау, вы по-русски понимаете? Извините. Сейчас уточним... Наташ, она русская. Ваш паспорт. О боже, Дарья Львовна Гарина!

Маленькая заминка. Откуда-то вызвонили Льва Кимовича. Получили добро. Пропустили... Гарин, видно, был неподалеку, примчался еще до выхода Егора к страждущим. Анна с неумелой Дарьей раскладывали и перекладывали готовили свою аудиовидео-машинерию, ожидали. Отец не был готов к встрече, Дарьиным темпам атаки, продвижения к мечте. Дочь отметила его серо-желтые щеки, усталый взгляд.

Анне, может, и было бы любопытно проследить за внезапной встречей. Сюрприз всесильному Гарину, отчасти устроенный ею. Но гораздо более ее волновал предстоящий выход Егра: будет ли шрам на лице? Оторвать бы голову перед прыжком тому манчестерскому дебилу защитнику.

Смеясь над чем-то, в комнату вошли Нина и Егр. Дали себя рассмотреть.

«Ни малейшего следа! Неуживим?»

— Удар пришелся точно-точно в бровь, — разгадал ее сканирующий взгляд Егр. Оглянувшись на Нину, продолжил: — Глянь поближе. Анна. Вот.

Раздвинув пальчиками густой, темный волос правой брови, она обнаружила зарастающее рассечение.

Что ж. Короля играет свита, бога — жрецы, точнее, жрицы, а шоу должно продолжаться! Желая блеснуть пред всем миром и Дарьей в придачу, сразу после обсуждения футбольных новостей Анна перескочила к давней философе, мимоходом брошенной Егром.

— Помнишь, тебя как-то пытал один мой... коллега, — максимально уничижительная интонация, — на тему «пирамиды Кубертена». Вы вспоминали древнегреческую пословицу, или изречение Платона, или Сократа, или еще кого-то из пантеона: «Без лучшего не будет и хорошего». Тот коллега тянул нить, что «соревнование — это жизнь, это спорт всех восьми миллиардов людей». А ты ему: «Нет, всех ста!» — и дивно так

сказал про сотню миллиардов еще не родившихся душ, порхающих вокруг нас, которым родиться — тоже Соревнование, победа... Мы с Зельдой были тогда в России. Я слушала, смотрела-пересматривала, не могла успокоиться. Такое красивое откровение, даже язык холодеет и немеет. Как ты это увидел? Тех, что, может, никогда не родятся?

— Я? Это Нина увидела. Нерожденные, мотыльки — я ее пересказал. Ну-ка поделись с английскими товарищами, чурапчинка!

Ключевое слово электроразрядом пронеслось в голове Анны. Да-да-да: Россия, ярославская деревня, беседа об опасностях больших денег, мировой славы. И отец Егра так сурово-спокойно говорит: «Егор без своей чурапчинки пропадет, точно». Потом мы едем в Петербург, я слушаю вздохи Зельды, ищу по Интернету значение слова «чурапчинка». С трудом нахожу: улус в Якутии, принесший по доле населения самые большие жертвы в войну. Все. Но почему Егр пропадет без чурапчинки? Ветвь так и осталась неисследованной. И сейчас что? Все ответы — разом?..

Жена кумира, иногда с детьми рядом, семейные их переглядывания — непреходящий запрос дамской аудитории. Старшие играют под ногами, залезают на колени, иногда — самое ми-ми-ми! — уставляются совиными глазами прямо в телекамеру, бормочут. Но вообще-то, ЕГО дети довольно молчаливы, самососредоточенны. Тискать их позволено только Лурдес: наследница богатейшей бразильской династии уже объявляла, что будет работать нянькой своих сводных брата и сестер. Младших, Елену и Майю, порой перейдя на шепот, навещают в детской.

Суперуспех летней программы «На Рыбинском шлюзе» подтвердил: и самое искреннее обожание хорошо «заходит» только в коктейле с юмором, в стиле «Летающего цирка Монти Пайтона». Нина часто подгрывала Анне: «Давай я возьму спицы, сяду вот сюда и буду вязать. Например, новые гетры мужу». Другие необходимые ингредиенты программы: рассказы Егра, Нины о детях, путешествиях, легкие заметки о русском стиле жизни, иногда что-то посерьезнее. Вроде как сейчас.

— В Чурапчинском улусе родилась моя мама... теща Аполлона. Меня в детстве привозили на родину, к деду, бабушке. Там река Татта, красивая.

— В позапрошлом году мы с тещей и детьми летали туда, — подтянул Егр.

— Лето очень жаркое...

— ...И короткое. Как дополнительный тайм в финале. Да-да, там, в Якутии, первый тайм: осень-зима, второй: зима-весна. А лето — дополнительный тайм, его не всегда назначают.

— Егр опять плетет чушь.

— Не богохульствуй, смертная!

— Я любила убежать на Татту. Что правда короткое, так это век мотыльков над рекой и весь сезон их жизнью. Всего на несколько дней появляются и порхают, танцуют над рекой. Но их так много! Перистые серебристые облака над Таттой. Ничего не опыляют, не собирают, даже не пьют — только порхание, брачная игра, любовь... Я бабушку тогда расспрашивала про все: повадки зверей, куда птицы улетают, где птенцов выводят. Только про мотыльков не спрашивала, решила: догадаюсь сама или придумаю что-нибудь красивое. Это в детстве, потом про них забыла. А вспомнила, когда услышала, прочитала про «Трагедию Чурапчинского улуса». В 1941-м мужчины ушли на фронт, а позже случилась страшная засуха. Решили оставшихся перевезти на берег Ледовитого океана, рыбу для фронта ловить, перерабатывать. Лето кончилось, переселенцы стояли на берегу Лены, ожидая баржи, предчувствуя, что многие назад не вернуться. Приплыли на Ледовитый океан, а уже осень, быстро холодает... Нет, я вам лучше дневник девочки Майи Аргуновой прочитаю, страничку.

Нина обернулась за планшетом, Егр объявил: «Младшую мы назвали Майей в память о ней». Сделав несколько пазов над экраном, Нина начала:

— 2 сентября 1942 г. Утром все белым-бело, красота необыкновенная, только очень холодно, маленький Нюргун все время плакал. Отправились дальше...

6 сентября прибыли в Бестях. Дул пронизывающий ветер. А пароходов нет. Маленький Нюргун уже не плачет. Я написала отцу... — Нина подняла глаза от планшета — Отец ее был на фронте. — 12 сентября. Сегодня умер наш Нюргун. Мама сильно переживает. От папы нет писем. Очень холодно. Взятые продукты кончаются... Заболел брат Егор. — Нина глянула на Анну. — Егор там популярное имя, — и продолжила: — 13 сентября. Нас с коровами загрузили в баржу. Егор все время бредит, зовет папу. Перед прибытием парохода получили «похоронку» на отца. Дедушка сказал: он погиб под Сталинградом. Мама слегла.

16 сентября. Деда затоптали лошади, когда он бросился их успокаивать. Говорит, скоро пройдет, приплывем, будем ловить рыбу для фронта. Я помогаю бабушке: мы ухаживаем за мамой, Егором и дедом. У него сломаны рука и нога.

28 сентября. Наконец прибыли. Голое место, никто нас не встречает. Первым делом похоронили умерших. Среди них моя подруга Айта. Кругом снег и лед. Строили шалаши для жилья и скота... Ну все-все. Там дальше только снег, снег и похоронки. Они резали рыбу, над ними висели плакаты: «Все для фронта, все для победы!», «Одна рыба в день кормит одного солдата». А рыбную жижу от разделки носили домой детям... Вы спросили же про порхающие души. Я когда читала дневник Майи, вспомнила про мотыльков над Таттой и поняла.

— Это души погибших? — осторожно спросила Дарья.

— Нет. Это те, кто могли бы родиться. У Майи, Егора, Нюргуна, всех... Кто войдет или не войдет к нам.

Вернулась к планшету:

— Вот последняя запись. «18 мая Умерли все. Осталась одна. Писать уже нет сил». Случайно проходили рыбаки, нашли Майю, прижимавшую к груди тетрадку. Покормили, но она умерла. Старший брат Майи в то время воевал под Ленинградом... Писатель Зоя Башарина в книге о Чурапче вспоминала: якуты, узнав о ленинградской блокаде, очень переживали за знаменитую девочку Таню Савичеву, чей дневник окончился точно такой же фразой: «Умерли все». Только в конце 1980-х годов численность довоенная Чурапчи восстановилась, зато люди там лучше чувствуют жизнь.

Глаза женщин были на мокром месте. Встрепенувшись, проверив камеры, Анна обратилась к Егру:

— Значит, родиться — это победить?

— Да. И с этим, кстати, поздравляю всех присутствующих.

Встав, он подошел и заглянул в объектив телекамеры, выкачивающей из комнаты красоту, веселье и печаль компании.

— Но мы же забыли! Але-е, друзья-я! Работают все радиостанции Соединенного королевства Чурапчи и Великобритании! Официально сообщая, Нина снялась в клипе Байонты, выходящем в конце весны. Танцует и поет с Сальсой ее новый хит.

— О, я только краем мелькаю. И «пою» — это слишком, издали подпеваю. Бэк-вокалистка у нее.

— А Байонты у вас — бэк-жена?

И снова пошел «Цирк Монти Пайтона». Прокладывать курс передач по своему компасу — суверенное право Анны.

Сорок пять минут пролетели быстрее жизни мотыльков над якутской рекой Таттой, вошли Гарин и Лисовин. Понуро-сероватый и сияющий, словно подсвеченный

золотыми отблесками восьмимиллионного контракта, сотрудники корпорации «Егр» сожалеюще развели руками: «До следующих встреч».

Провожая их до самых ворот, Наташа так и не бросила «пардона» или хоть извиняющегося взгляда за «козу тридцати пяти лет с большой сумкой».

Анна, задумчиво поглаживая руль, ждала от навигатора картины пробок на пути до Дармут-Парка. Дарья еще оглянулась на кованую ограду: «Кто-кто в теремочке живет? Я мышка-наружка, я лягушка-прослушка, я лисичка—под прикрытием сестрички, я волк-резидент, а ты кто?! А я? Я — крот». — «Что-что?» — «Так, русская народная сказка».

19.

И полковника Гарина весьма занимала фраза отца Егора: «Без своей чурапчинки он пропадет». Мотаясь последние месяцы меж Лондоном и Москвой, он заехал в ярославскую деревню за разъяснениями из первых уст. В прошлом году именно Петр Леонидович Камов, приказав сыну, вернул Льва Кимовича в игру. Но дело даже не в благодарностях: полковнику было крайне необходимо постичь характер своего подопечного, просчитать возможные траектории. Так офицеры-диспетчеры ПВО страны сидят, прикованные взглядом к зеленоватым экранам, где на разграфленных картах планеты следы «расчисленных светил» военных спутников и «беззаконные кометы»: следы ракет, которые обязательно надо распутать.

Вот прекрасное начало, знакомство в кафе, Егор с Ниной сдают детей, предвкушают отдых на Байкале. Вот Гарин удачно заходит, обращает внимание на медосмотры Егора, в три-четыре раза более долгие, чем у любого футболиста испанской «Ла Лиги». Показывает, как прекратить эти исследования, получить компенсацию за вторжение в частную жизнь. Вот Егор, улетаая, дает Гарину все полномочия. Вот — разрыв, торжество коммерсанта Аркадия, а прединфарктного Гарина откачивает дочь и примчавшийся Бекасов. А вот и «кам-бэк», хитрые пардоны Лисовина. А потом предательство дочери, оказывается, ради этого «божества» готовой убить и отца родного. И вот он теперь едет в гости к Петру Леонидовичу, отцу своего некоторым образом — работодателя (!). Издержки профессии: даже когда едешь к единомышленнику, хорошему человеку, для разговора, возможно, и душевного... ты все равно едешь, вооружившись «досье», ну, или хотя бы — справкой. Даже душевный разговор не может провисать, тряпично болтаться в воздухе. Вроде ничего даже близко унижительного для Петра Леонидовича не было в выяснении судьбы его супруги Инны Гордеевны, ни разу не появившейся в деревне, в доме Камовых. Оказывается — ушла в... монастырь! Версия архимандрита Павла — не замаливать какие-то грехи, а только — по здоровью. Будто полтора десятка лет в суровом для нее южноамериканском климате вызвали букет болезней. Разными путями пробовали лечить, но только одна вода... источника, на котором стоит монастырь, а потом и воздух, общение с сестрами помогли ей. Решила твердо. Супруг сделал внушительный вклад, пожертвование монастырю (бразильские зарплаты), Инна Гордеевна стала сестрой Ираидой, а Петр Леонидович если и не ожесточился, то, можно сказать, взял курс на угрюмое доживание среди своего собрания военных мемуаров и карт. Остроты, ясности ума не убавилось, хотя теперь, возможно, эта ясность лишь добавляла скорби. Примерно так же и «папка информации к размышлению», врученная перед поездкой в Ярославль, радости, облегчения Гарину не прибавляла. Во многом познании — многая... известно чего.

Так думал пожилой полковник, летя в пыли (снежной) на служебном «мерсе».

Карты планеты, а более карты Европы, рассеченные синими и красными стрелами, висели по всем стенам комнаты Петра Леонидовича — его кабинета и, видно, гостиной. Редчайшие заезжие посетители должны были «брать под козырек», принимать вкусы и странности отшельника. Шкафы, стеллажи и колонны книг от пола и до пояса человека среднего роста довершали обстановку. Мемуары маршалов, генералов, истории историков, на рабочем-обеденном столе — Уинстон Черчилль (Гарин узнал черно-голубую обложку харвестовского издания) и несколько новых: «Вторая мировая. Перезагрузка», «Гитлеровская Европа против СССР».

Распознав по первым фразам — единомышленники! — Камов и Гарин не сразу перешли от историографии, войн XX века — к жизни и приключениям Егора. Занятым образом, словно в сюжете детективного романа, старые фотографии, с показа которых начал Петр Леонидович, совпадали с показанными Анной на пресс-конференции ВВС-1. Качеством, конечно, похуже, но содержание: практически один в один. Тот же самый берег Байкала, от истока Ангары — до станции Слюдянка. И правда, за двадцать четыре года на брошенной Кругобайкалке мало что изменилось. Те же три поселка по несколько домов.

У истока Ангары (как вычитала в Интернете Анна и вывалила свой страх на Гарина): «В 1972 году утонул „советский Чехов“ — драматург Вампилов». А на станцию Слюдянка, как она же сообщила на ВВС-1: «В дни Русско-японской войны 1904—1905 годов переселился министр князь Хилков, строивший Кругобайкальскую железную дорогу».

Все то же, тем более в очертаниях берега самого глубокого и древнего озера планеты — убедился Гарин, просматривая фотографии в старом альбоме Петра Камова...

— Вы, Лев Кимович...

— Лучше: «ты» и «Кимыч»

— Ты помнишь тот... 1993 год. Траур, тревога. Вся страна в холодном поту, бултыхается в ледяной тревоге, а мне с женой, представь, выпадает совсем другое! Тут всем в грязи, кровью умываться, а нам на белом самолете в банановый рай лететь. Пятнадцать почти лет в Бразилии, Южной Америке продавал наши карбофосы, карбамидами, калийные удобрения... Ты знаешь, Кимыч, если и было у нас что-то, как выражаются, «предначертанное Судьбой» — это наш с женой отпуск перед командировкой. Не помним абсолютно, как, когда решили на прощание съездить именно на Байкал? Как собирали чемоданы, все тряпки, справки — помним. До одной. А кто первым придумал, сказал: Байкал? Кто нам подсказал? Намертво не помним.

Еще уникальность: тогда во всех поселках на брошенной дороге проживало, максимум, человек семьдесят, но среди них — самый знаменитый писатель страны, Валентин Григорьевич Распутин. Дачу там построил. Мы когда познакомились, заходили: простой сруб, пятистенка. Сейчас, я слышал, там много дач поставили, наверно, писатели потянулись за вдохновением. А когда мы в 1993-м приехали, лишь несколько их было. А еще раньше, в 1970-е вообще только двое: Распутин и его друг, тоже писатель, но драматургического жанра, Александр Вампилов. Он там и утонул...

— Да-да, слышал.

— И ничего удивительного, что мы тогда познакомились с Распутиным. На бережку Байкала с лодкой возились двое местных, а мы с женой, приезжие гуляки, выделялись.

Он нам и рассказал, как пять лет назад в Маритусе, тоже поселок на брошенной дороге, двух младенцев нашли. Невероятно, все равно что на орбитальной станции МКС утром экипаж, что запустили с миру по нитке, проснулся, а в каком-то отсеке — бац! — два ребенка спеленутых... Но это я сейчас ерунду напорол, сравнение ерундовое, в 1993 году никакой МКС не было, только наша станция «Мир» летала. Распутин

тогда сказал: послание, может, нам? Такое тревожное время, все на волоске, а тут дети как с неба свалились. Он, наверно, рассказ про это задумал, настолько красиво изложил, точных слов не помню, но прекрасно, очень взволновало. И я как бы... не благоговения, просто, что ли, разрешения у него попросил. Он нам адрес детдома сообщил. Расстались. В Иркутске нашли, пятилетние, записаны: Егор и Алексей Слюдянские. Один, сами представляете каков: наш Егорушка, «Егр» нынешний. Второй чахленький, ногу подволакивает и говорит сам с собой, неразборчиво. Да-а. Двадцать лет прошло, а все не прощу себе, что не обоих усыновили! Получилось, словно костюм в магазине подобрали. Вроде... вспоминаю в оправдание, сложности какие-то были: нам через десять дней в Бразилию вылетать, а по Алексею справка еще какая-то нужна, медицинская.

Теперь отбрасываю те оправдания. Разлучил семью! Распутин, наверно, полагал, что обоих усыновим. А мы как щенка себе подобрали после выставки: без родословной, но красивый, здоровый...

Известно, как в минуты педагогических провалов, ссор даже родных детей пугают: «Ты не наш, ты приемный! Тебя взяли из приюта! Будешь так себя вести — сдадим обратно». Бывает, так пугают и настоящих приемных, что более жестоко. Егор, дававший порой поводы для родительского гнева, подобной угрозы за все года не услышал ни единого раза. Но особенность жизненного случая, инаковость его судьбы сказались. Однажды, когда эгоизм Егора или какая-то особая форма самососредоточенности особо сильно задела приемных родителей, мать Инна Гордеевна произнесла-таки сожаление. Хотя и прямо противоположное «сдаче в детдом», но воздействием на сына схожее. Потянувшись к сердцу, не показушно, наоборот, пытаясь скрыть движение руки под кофтой, Инна Гордеевна сказала: «Надо, надо было взять, усыновить и твоего брата Алексея!»

Сын дернулся, как от удара, тот упрек/«угроза» сыграл значительную, хотя и не ясную роль в формировании характера Егора Камова. Пробудил ли совесть, склонность к самоанализу, склонил ли к своей исключительности?..

После ярославской поездки Лев Кимович убедился в благотворности, силе влияния Петра Леонидовича. Несколько лет назад Егор купил, установил отцу антенну спутниковой связи, они часто говорят по скайпу. Одно из откровений Егора, когда Анне Блум удалось затащить его на поле истории, было прямым повтором мыслей ярославского отшельника. Объяснением его «теплого» отношения к скандинавам. Освобождая Северную Норвегию, погиб отец Петра Леонидовича. Пару абзацев из камовского «досье» Гарин с удовольствием отбарабанил генералу Бекасову:

— Дания «сопротивлялась» три часа, и король Кристиан поздравил германского генерала Химера «с блестяще выполненной работой». А шведы всю войну откупались поставками железной руды. Все танки, пушки, пули в тела наших солдат, если проследить «мечеными атомами»: из шведского рудника Кируна. Разбомбить его и единственную нитку железной дороги — одного налета хватило бы, но... «шведский нейтралитет»! Чемпионы мира по лицемерию. Когда к Егору на пресс-конференции пристали прокомментировать датско-шведский матч, блеклую ничью ноль-ноль, он ответил: «Игра была равна. Игнали два говна». До сих пор ему припоминают.

А знаешь, Пал Иваныч, как он по США завернул? Я-то, в общем, собирался на футбольную все же тему свернуть, а он...

— Когда Америка прекратит гадить миру? Сказать точно? Когда выиграет Чемпионат мира по футболу — тогда и прекратит.

— На радостях победы? — спрашиваю его.

— Нет, просто потому, что станет нормальной страной, латино, африкано. Там и сейчас игру сборной форсируют разные гонсалесы, а когда страна станет совсем комплитли, как Уругвай, Бразилия, Нигерия, тогда, значит, там снобы бейсбольные закончились васьповская гордыня, беготня с регбийной дыней, «американский футбол» тоже зачах. Тогда и будут играть со всем миром в мировой футбол, может, обыграют Бразилию. Это и будет критерий: выросли, значит, там...

Гарин подтвердил генералу Бекасову: связь Егора Камова с Родиной держится на отцово-сыновских чувствах... Сказав это, вспомнил про Дарью и не знал, как, куда спрятать глаза. А на чем держится его фланг? Дочь практически предала его, но ведь и он — свою службу.

По счастью, тот раз у них с Бекасовым обошлось без дежурных расспросов: «Ну как твой Вадим? Ну как твоя Даша?» Генерала очень интересовала Нина. Куда клонит жена Егора? Что за брак у них такой «постмодернистский», с «Байонтой на подхвате»? Или кто у кого на подхвате? Егор открыто живет на два дома, уйдет ли к миллиардерше-примадонне, когда она родит от него? А Нина терпит — из-за детей? Денег? Или славы: будет танцевать, петь в одном клипе с суперзвездой? А! Еще ж вариант — любит... Так что думает Петр Леонидович? Чем вообще занят?

— Военной литературы собрал — как в ленинской библиотеке. Может, сам что написать задумал, не понять, но Егора воспитал и продолжает — правильно. Непросто же, увезя пятилетнего в Бразилию, вырастить русским. И сейчас их семью цементирует. Ну а почему Нина позволяет? Вычислить очень сложно, по-моему, она и сама не вычисляет, по инстинкту живет. Они там, откуда ее предки, наверно, все такие.

— Какие, Кимыч?

— А-а, такие... Дети есть? Есть! Не умирают? Нет! Все здоровы? Да! Голодные? Нет! Все сыты, вчера бог послал, тушу кита к берегу прибило! Ну так, значит, жизнь продолжается. Об-ла-ди, об-ла-да, лайф из гоин, бро. Помнишь ту фразу, мудрость, Маккартни у какого-то племени африканского взял. Еще споры были об авторских правах: один черный растафара требовал с битла денег за «облади».

— Да. Похоже, лет через полста только такие и останутся. А мы...

— Значит, туда нам и дорога! С нашими сорокалетними сопляками, игрушками, гаджетами. А твой Егра, он вроде апостола здоровых инстинктов?

20.

Вброшенный когда-то Анной Блум залихватский афоризм «Егр — ответ на любой проблемный женский анамнез» очередное подтверждение получил из Швейцарии. Хотя врачи частной клиники Монтре, принявшие роды у Сальсы Байонте, считали, что подтвердился престиж их заведения со всеми вытекающими рекламно-финансовыми последствиями. Но журналисты, а за ними и общественное мнение решили: «Ну! Это же Егр!» Тяжелая, всем известная предыстория Сальсы (аборты, выкидыши, сын с синдромом Дауна) — и счастливое разрешение, пять недель от роду, а уже видно: здоровая красавица, вторая Лурдес. Конечно, Егр!

Года четыре, как легенда работает сама на себя. Публике нравится: на полочке «Загадки природы» рядом с буддийским монахом, что семьсот пятьдесят лет лежит с температурой двенадцать градусов, и совсем рядом с Криштиану Роналду, почти остановившим свое физиологическое старение, и прочими подобными феноменами лежит и «Казус Егр». Потомок античных греков/греческих богов, каким-то торнадо занесенный на берег Байкала.

Сравнить только читательские рейтинги: занудная похвальба, интервью швейцарского врача, перечни препаратов, процедур и — чудо-фотогалерея: Лурдес, Марина, Юра, Елена, Майя и... вот — Анжела.

Четыре-один, четыре дочери на одного сына — еще одно подтверждение еще и старой английской поговорки «Риал лавер мэйкин дотерс» (настоящий любовник делает дочерей). В общем, Егр — рулит!

А бедняжки Рудольфа, дважды рожденного в необъезжаемом русском граде Кингисеппе, и быть не могло в том блестящем ряду. Тут сошлись резоны: двухмесячное «алиби» матери, страх возможного отвращения Егра... И, наоборот, радость «отца», Леопольда Пэмбру — вся эта подправленная реальность заслонила реальность первичную, «сырую», вышвырнула ее, как птенец кукушки выбрасывает из гнезда родных детей мухоловки-пеструшки. В принятой, подправленной реальности Рудольфу приносят восьмимиллиардное наследство, титул двенадцатого маркиза Пэмбру, благодарность и неформальный титул «спасителя от притязаний мерзавцев Хэрифоров». А в зачахшей и отмирающей «первичке»: бастард или дурныш, выбрасываемый со скалы разгневанным отцом. Единственная, кто может это совместить, все знать наверняка — конечно, мать, и в этом многом знании — многая и печаль...

— Что-что? Золотой укол?

— Точней сказать: золотая доза. Две таблетки, в сумме шестьдесят миллиграмм вещества, но потенцированы, усилены алкоголем. Джин. Его дозу определить не могу, полпинты, если эта бутылка была полная, но вряд ли. Растирайте ей руки, живот, сильнее, не бойтесь. Сейчас. Надо стащить и джинсы... Трите сильнее, можно с пошлепыванием... Анна, я сейчас обязан сообщить маркизу.

— Погодите, Альберт, не сейчас... Зельда! Зельда! Ты меня слышишь?

— И по контракту, и по совести я должен его оповестить. Три минуты назад ввел ей налоксен, внутривенно. Сейчас приподнимем ей голову, попробуем уголь с водой.

— Обязаны, да. Оповестим, когда ей станет лучше. Ей же станет?

Почти заискивающая интонация Анны сменилась мощным выдохом ее «вещества английской веры», абсолютной убежденностью в том, что она в эти секунды произносит:

— Альберт. Мы сейчас ее откачаем, успокоим, спасем. А завтра сообщим маркизу. Доктор, мы же прекрасно понимаем друг друга, мы столько чего прошли! Россия, Кингисепп... Вместе испытали, втроем.

Доктор Альберт кивнул на распростертую в одних трусиках Зельду, синюшную от губ, щек и до пяток:

— Для маркизы, может, даже слишком много чего мы прошли.

— Но она же сама вам позвонила. Значит, она не хотела умирать, по-настоящему. Последнее ее желание все-таки было: жить, и мы с вами исполним его... Прочее — потом. Зельда? Давайте, Альберт, вы — ноги, я — руки и грудь.

Доктор чуть улыбнулся взявшей командование Анне, и через двадцать минут растираний и шлепков Зельда смогла проглотить и запить дюжину таблеток угля. Еще через полчаса они услышали, в общем-то, ожидаемое. Что картинка: Егр, танцующий с поднятой на руки счастливой Лурдес, — это не для нее и не про нее. Она, Зельда, провалила свою попытку: «Мой мальчик для него — оскорбление. Как его брат-компромат, бедный Алексей... Раньше приказал бы сбросить со скалы, жестокий бог».

«Заигрались, — устало думал доктор Альберт, подбирая меж тем утешительную генеалогическую справку: — Зельда на геномном уровне не виновата. Неизбежно присут-

стве рецессивных аллелей и в гомозиготных, и в гетерозиготных клетках. Нет, изложу проще: рецессивные гены через поколения дают проявления рецессивных признаков, не бывает только доминантных, даже у вашего Егра».

Через пару дней Анна и попыталась, использовав драгоценные минуты своего сеанса, объяснить их «божеству» законы Менделя (генетика). Но права была Зельда, Егр страшнул напоминание о ее мальчике, как комочек грязи, пылинку. Именно тогда Анна впервые дала себе труд додумать, допредставить подробности истории, популярно отштампованной в ее мозгах, да и в мозгах сотен миллионов читавших о судьбе неудачных младенцев в древности.

«Сбрасывание со скал, конечно, театрально. В Древнем Риме отцу семейства приносили новорожденных, и некоторых он просто запрещал выкармливать. И что? Каждый школьник знает, я в своих дурацких очерках миллион раз писала: Борьба против вырождения, естественный отбор, совершенствование... И еще сто тысяч болтунов твердили это. Повторяли за Ницше: „Падающего — толкни“. Чертов Заратустра! А я, несчастная графоманка, только сегодня задумалась: ведь не с садистским же удовольствием они тогда их швыряли! Не следили же взглядами за летящими вниз, брызгающими кровью по скалам! А как тогда? С чувством глубокого генетического удовлетворения?.. И в чем вообще ложь нашей писанины?»

Внезапный поворот давно заболтанного сюжета, яркий гнев на себя, и... слезы Анны не потекли, прямо брызнули из глаз. Привыкший осчастливливать явлением себя народу, Егор или не заметил перемены, или его отвлекла подошедшая бэби-ситер, нянька Наташа. Прикрыв обычно весьма пронзительные черные глаза, она что-то прошептала Егору на ухо, возможно о детях. Паузу использовала и Анна, промокнула глаза, собралась. В стиле и праве своей передачи болтать о чем угодно, она резво развернула беседу чуть в сторону от своей внутренней бури:

— Егр, а что ты скажешь о самом известном афоризме Фридриха Ницше «Падающего — толкни»?

— Ну-у... — квазимхатовская пауза, отстраненная и отстраняющая улыбка, — толкнув, можно заработать желтую карточку. Если толкнешь в своей штрафной, то и пенальти. Кстати, «Соккер ньюс» вчера написала: я в Манчестере редко помогал обороне. А я просто опасался... падающего толкнуть. Тем более если судья посчитает, что был «срыв атаки» — это ведь красная карта, удаление.

— Прекрасно, — всхлинула Анна, — как всегда.

«Сны, например, про молодость, жену (Царствие Небесное!) — утешение, сеансы веселья, или даже просто сон — выключение перегретых мозгов, это теперь не про мою честь!» — судил себя полковник Гарин, накручивая бессчетные обороты под одеялом. Внутренние прения адвокатов, прокуроров, свидетелей защиты и обвинения не прекращались всю ночь. Суд все никак «не удалялся на совещание», чтоб вернуться наконец с приговором. О, обжаловать он не будет: ведь эти бесконечные «прения сторон» сами по себе хуже ...дцати лет каторги строгого режима.

Не осталось сил и на пикировки с Лисовиным. Последний раз почти вспыхнул, когда тот объяснял кому-то в Москве роль Анны Блум: «Сказать вам проще, по-нашенски, Анка эта — центровая лондонская говорунья и суперворожея в секте своей!» И явно говорил это не столько в телефон, сколько Гарину, с вызовом: «Ворожея. По-нашенски...» Лев Кимович вскинулся было: «По-каковски это по-вашенски? Лисовинер!» — но осел тающим снеговиком, вспомнил про дочь.

«О! Дарья умеет быть мерзавкой. И сколько еще дней провисит сей абсурд? Дочь перебежчица или просто сбежала в приживалки у маркизов. Меняет служебные секреты отца на минуты лицемерия своего „божества“. Через сколько дней сигнал дойдет до Москвы? Никто из девчонок моего „гарнизона“ пока не донес. Может, считают: дочь шефа в Лондоне — часть плана? Не нарушают служебную субординацию, благодарны мне за роскошную командировку: Лондон, светская жизнь ключом. Опять же Егор каждый день рядом, не может быть, чтоб не влюбились, по-доброму, по-нашему, товарищески, так что при случае „сам погибай, а товарища выручай“. Сама Нина, чуткая хаска, их приняла, оценила: лучшая защита детей в сумасшедшем городе. И все-все-то прекрасно, но... в самом основании — он, „ситуативный предатель“.

И шершавые чертовы таблетки дормиталакса — не сон, а лишь: „опция отрубиться“. Может, вообще лучше попросить Василису или Наташу: обмотают кулак полотенцем, один удар — и тот же эффект. Даже без нагрузки на печень. Хотя теперь, печень ли мне беречь!.. Бэнкс, Бэнкс, Тони Бэнкс должен поддаться уговорам своей Нэнси — в постели он же так любит ей поддаваться. Должен приехать в Мэдлэнс. С любой охраной — это наш будет вопрос. Детальный план замка — в руках, спасибо, Лео! Там осталось уточнить только схему электроразводки... А Наташа раскупорит Бэнкса. Всего пятнадцать минут „амиталового интервью“: блиц-допрос под амитал-натрием и Наташей — и все. Да хоть сорок его слов вытянуть про „план Боздромион“ и кто такой Сигнум, кротяра? — и все усилия, страдания покрыты. И я уже — не „ситуативный предатель“, а „ситуативный герой!“»

Только на этом вираже внутреннего монолога, мечтах о «ситуативном герое», шершавые таблетки дормиталакса прекратили мучения полковника Гарина на два с половиной часа.

А «приживалка у маркизов» понимала: праздник заканчивается, «пора и честь знать». Посидела «на хлебах» Пэмбру, два раза повидала Егра живьем. На второй осмелевшая «ассистентка блогерши Анны Блум» даже получила подписанную футболку, правда, увы, взятую из стопки, ни разу не ношенную. «В Москве обзавидуются и такой? Уверю всех, что ношенная, прямо с плеч стянул?» — нет, мысли Дарьи летели выше и дальше возможного торжества среди московских подруг. Напоследок она рвалась послужить, чем могла, Егору, умнице Анне, доброй маркизе. Она постеснялась признаться им в досадной потере: потеряла или украли сумочку с ее запасом наличных — двести тридцать два фунта. Денег на карточке на билет не хватит, но просить у радушных хозяев она не решится ни за что на свете. Лучше уж (два дня набиралась решимости) — у отца.

Самоотверженное русское сердце колотилось вовсю — Дарья слушала «боевую инструкцию»:

— Они назвали нашу койнонию сектой? Пускай! Будет им секта, суровая тоталитарная секта! Повяжем кровью, станем — плевать на всех — «бесами». Как та секта у Достоевского... Дарья, как по-русски будет женская форма бесов?

— М-м, бесовки? Нет, чертовки.

Анна Блум примерила на слух «be-sov-ki», «cher-tov-ki».

— Ладно, будем: бесы. Я и правда готова застрелить эту Магду Хэрифор за все, что она причинила Зельде. Ей даже Егр не столь важен, хотя, конечно, не отказалась бы прилепиться, присосаться. Она ближайшая наследница маркиза Леопольда... если Зельды не станет или брак признают недействительным. Она затем и сестру Нэнси выдала за FA-6, то есть за Тони Бэнкса. Поддавливала нас, присылала маркизу тайную съемку в оранжерее, где мы с Зельдой... Приняла ту кровавую клятву

в Мэдлэнсе, когда мы спасли Егра от распаленных бесовок. Столько гнусностей — и все это... ради каких-то семи с половиной миллиардов... жалких фунтов стерлингов, ты представляешь, Дарья?!

Флейтистка полунцигео подмосковного оркестра покорно кивала, хотя — занятно! — как она могла представить семь с половиной миллиардов фунтов стерлингов? Ошибалась Даша и в оценке подслушанного тогда «компромата». Обвиняла отца в покушении на своего кумира, а вот игетис койнонии (глава сообщества) Анна Блум, впитав все факты, посчитала Гарина с его «гарнизонам» «третьей силой», может, даже союзником, во всяком случае, «врагом моего врага». А саму Дарью для предстоящей «схватки» в Мэдлэнсе признала более подходящей, чем нежная, слабая Зельда с восьмимесячным сыном.

Разговор с Дарьей Анна совмещала с просмотром форумов своего сайта.

— Анна. Ты сказала, Магда Хэрифор тайно фотографировала вас в оранжерее...

— Не сама, куда такой королеве тайком? Попросила, и Тони Бэнкс отправил спецов FA-6, наверно лучших.

— Хорошо, неважно, сама не сама. Но значит, вы... с Зельдой? А как же Егр?

— О, наивная москвитка! Мы же и когда близко вместе — продолжаем познавать его. Лишь три-четыре талантливых сестры нашей койнонии способны отражать, каждая по-своему, стороны его образа. И когда я смотрю на Зельду, я ищу в ней отражение Егра и, разглядев, целую. Это игра зеркал. Но такая услада, сверкание страстей доступны лишь тонким натурам, харитам.

Анна наконец закрыла свой лэп-топ, подкатилась на офисном колесном стуле к дивану. Привстав властно, притянула к себе и склонилась над «москвиткой». Занавески рыжих куделек, подобно шорам, вешаемым на пугливых лошадок, закрыли Дарье весь обзор. Только распахнутые игетис, повелительницы. Растерянная, более всего она боялась показаться «не тонкой натурой», которой «не доступны игра зеркал, сверкание страстей»...

Дарью пригласили остаться у маркизов еще пару недель, помочь Анне в операции «Мэдлэнс-2». Праздник продолжается. Будет ли он «со слезами на глазах», самозабвенную москвитку это не пугало.

21.

«Самый красивый скандал столетия!», «Открытое сожителство звезд футбола и поп-музыки!», «Новый клип Байонта записала вместе с женой отца своего ребенка!», «Брак де труа?», «Байонта и Егр смело добивают остатки британской морали!» И еще ...надцать подобных заголовков. Даже статья, вроде оправдывавшая «безнравственность» Егра перечнем несчастий и женских недугов Байонты, словно не выдержав давления крикливых соседок по газетным ларькам и сайтам, тоже собралась выдала заголовок: «Егр — скорая гинекологическая помощь!»

Подобно малышу Рудольфу Пэмбру, «дважды рожденной» чувствовала себя и Сальса Байонта.

Когда в 2012 году умерла Уитни Хьюстон, скоты журналисты пережевывали аналогии, твердили, что заступившая на Уитнино место Байонта повторит и ее мировой успех, и судьбу. И даже, подонки, предлагали пари: дотянет/не дотянет Сальса до срока восьми лет несчастной Хьюстон. Байонта проклонила их публично — а внутренне, в крайнем душевном разломе тихо соглашалась: «Но для чего и тянуть? Длитель тошноту жизни среди этих тварей». Далекая от европейского футбола, она мало слыхала о Егре, и вдруг Лурдес! Живой смуглый ангел Лурдес, сложившая ладошки перед экра-

ном VIP-ложи, молившаяся за отца, забивавшего гол «Барселоне», — она словно отдернула портьеру, показала измученной певице: там дальше узкий коридор ее жительства — он все-таки продолжается, ведет, может вести — есть куда.

А журналоги никуда не делись, они, похоже, живут и по сто сорок восемь лет и успевают переключать регистры. Теперь в топе скандальных сенсаций: «Секс-контракт века». Перечисляли пункты уверенно, будто видели, держали в руках подписанные листы: Егр делает ей Лурдес-два, она берет его жену в бэк-вокалистки. Егр получает (оценки разнились): двенадцать, пятнадцать, семнадцать, двадцать два миллиона долларов, снимается для всех видеоклипов и рекламных роликов нового альбома и мирового тура Байонты.

Утверждение, что Егр получил деньги за сделанного ребенка, стало бы оскорблением любому мужчине, но... поведение «божества» не давало разгадать его чувств. Долгие усилия Блум, Лисовина позиционировали Егра как стоящего выше или хотя бы в стороне от обычных стандартов поведения. Сестры койнонии Анны радостно брали на себя грех и гнев публики, повторяя: «Это мы, мы его донимаем, развращаем своим почитанием. Завидуйте!»

Телеканалы, журналы «Космополитес» и «Глашвиц», «Дэйли абсцесс», опровергая друг друга в деталях, в общем продавали читателям единую романтическую историю... Хозяйка Мэдлэнс Эстейт, прекрасного родового замка маркиза Зельда Пэмбру и ее подруга историограф и новеллистка Анна Блум создали тайную языческую секту егроманок... Но наша редакция сумела получить список членов. Боже, это вся женская половина английской элиты! Финансовое могущество секты позволило им пригласить (для отвода глаз) всю команду «Атлетик» Бильбао — ради ее центр-форварда Егра. Услаждала слух футболистов и сектанток сама Байонте. Тогда она впервые увидела его и почувствовала... он увидел и почувствовал... они почувствовали...

Именно в этом замке миллиардера Леопольда Пэмбру пройдет презентация сингла «Дважды рожденная» с нового альбома Байонты и премьерный показ видеорелиза. Главное светское событие сезона... Нам удалось получить список приглашенных счастливых и аккредитованных СМИ... Эксклюзивные права на съемку приобрела ANNA-TV... Строжайшие меры безопасности... По слухам, сам Энтони Бэнкс, директор FA-6 (контрразведка Соединенного Королевства) будет лично руководить охраной и поддержанием порядка...

Парковка перед воротами Мэдлэнс Эстейт была забита уже в полдевятого утра, и маркизу Пэмбру пришлось просить любезности соседей. Наследники пивоваренного короля Джониблора не отказали — за право присоединиться к сонму приглашенных. Правда, им вместе с размещенными надо было пройти четверть мили пешком, до ворот — нет — уже «врат» Мэдлэнса.

— Смотри Зельда! Прямо как паломники в «Тангейзере».

— Точно. Пилигримы. Закрой окно, Рудольф простужен.

«Да, здоровье не байкальское, не егровское!» — мысленно вздохнула Анна, готовясь к выходу, собирая папку газетных вырезок, пресс-релизов, сканов документов.

Другие пять окон давали панораму внутреннего двора, где среди офицеров, детективов иксил директор FA-6 Бэнкс.

— Анна, похоже, лет через семь Тони совсем ожиреет. Про его спортивные усилия, борьбу с лишним весом знает вся Британия, но смотри, видишь: коленки слипаются иксом, как у самых конченных толстяков.

— Свинья. Нагнал полк своих агентов, да еще полицию. Уверена: сигналы, угрозы арабских террористов, русских шпионов и вчерашняя статья в «Гардиан»... он все

сам организовал. Для этого парада. — Анна кивнула на двор. Там полноватый взъерошенный блондин что-то внушал группе мужчин в штатских, но однотипных пиджаках, а из подошедшего автобуса выскакивали крепкие ребята в форме: для поддержки своих агентов, физической работы по сдерживанию, выдавливанию толпы Бэнкс вызвал два взвода полисменов.

— Наш герцог Веллингтон при Ватерлоо...

Егору было мало приятства вновь оказаться в Мэдлэнсе, да еще с теми же маньячками. Но теперь убедили: будет не тайная шабаш-оргия, а большой сэйшен, более сотни человек, и... гонорар девятнадцать миллионов обязывал участвовать в продвижении нового альбома — на всех площадках и стихиях. Детей, конечно, оставили на Василису (повар) и Алину (помощница по хозяйству, шофер, телохранитель). С собой взяли Лисовина, Гарина и его отборных: няньку Наташу и бывшую кормилицу Любу.

«Красивые девушки, прижились в Лондоне, мечтают о сцене, подиуме, хотят осмотреть старинный замок, завести знакомства в шоу-бизнесе... Ну кто может быть против?» Да любой из секьюрити на входной рамке пропустил бы их за милую душу, предвзвительно тща-ательно обыскав, с пристрастием. Но увы, по принятым правилам досмотр провела лейтенант Кони.

Насчет «девок гарнизона Гарина» она была проинструктирована строго. Отвела девушек в кабинку, вызвала помощницу, сержанта Фрэнсис. В тщательности ее обыска не было ни грамма от игривости рядовых на рамке. Понимала: перед ней — солдаты, потенциальный противник. Зато, сбивая настрой лейтенанта, море игривости расплескивали нянька и бывшая кормилица: громко хихикали, вздрагивали, ойкали, изображая страх и «первый в жизни такой обыск».

На манипуляции Кони, связанные с касанием тела, Наташа (прочитав беджик) сладострастно стонала, вероятно, на русском: «Чуть помедленнее, Кони, чуть помедленнее!»

Выпустив нахалок из кабинки, лейтенант Кони доложила Бэнксу.

— Да, сэр. Нет. Не пьяные, сэр. Смеются да, громко, но вроде не накуренные. Просто валяют дурака и притворяются. Да, сэр, мы идем!

Для первой, самой массовой части праздника маркиз Пэмбру отдал газон перед восточным флигелем, но жертва не была принята. Утренний дождь грозил превратить самый блестящий сэйшен сезона в скотный двор, и набухавшую толпу пригласили перейти в курдонер. Над уютным внутренним двором гвардейцы Тони Бэнкса помогли натянуть тенты, и презентация стартовала. Байонта и Егр — живьем, малышку Анжелу мама оставила в Лондоне.

Более всех ворчали бригады телекомпаний, терявшие часть видеоряда:

— Остолоп Бэнкс нагнал страхов... Три взвода!

— А я бы тоже не рискнула везти пятимесячную дочь на такой военный полигон...

— Чего и ждать от этих тупых лицемеров!

— Говорят, метит в министры...

Только примадонна могла утишить волны недовольства. В старину моряки, спасаясь от шторма, лили за борт масло, и до сих пор ученые, не только британские, спорят: помогала ли та мера? Бенджамин Франклин опытным путем установил: масло гасит волны. Презентация в Мэдлэнс Эстейт добавила бы ему подтверждений. Явление Байонты (кожа мулатки всегда сияла, как натертая маслом), ее сладкая улыбка и правда утишили гневные волны, а «дочку Анжелу live» заменило слайд-шоу.

Вот девочка улыбается у мамы на руках, помавает ручкой, будто приветствует маминых фанатов.

Примерно в это время на смартфон Анны осенним листом упала картинка, фотография с подписью: «7 октября. Маркиз Рудольф Пэмбру за месяц до своего рождения». Сродни ехидному титулу фильма: «А я знаю, что вы делали прошлым летом». Номер закрыт, но и так понятно: прислала Магда или Нэнси, или подключили самого Бэнкса. Мгновенно заработал внутренний «поисковик»: Кто «крот»?.. Доктор Альберт? Тот русский врач, принимавший в сентябре роды в Кингисеппе и оформивший седьмым ноября? Или кто-то из трех телохранителей, сопровождавших по России? В любом случае «алиби» Зельды провалено. Кошмар. И бедняжка Рудольф здесь. Увести их в западный флигель, закрыть наглухо? Провести, накрыв плащами по анфиладе? А, в стилабате есть глухой коридор.

Нахлынувший страх за Зельду теснил прочие опасения. О предстоящем празднестве, презентации клипа Байонты—Егра вспомнила уже немного иная Анна, не та, чье выдыхаемое «вещество веры» магнетизировало английскую тусовку, превращая футболиста в божество.

Аркадий Лисовин одобрил нежелание Егора выходить на сцену вместе с Байонтой. Такое «цепляние за подол» только повредит имиджу, тем более (ха-ха!) — подол в ее облегающем мини-мини? Он не хозяин, а гость (номер один) на шоу Байонты. Герой ее клипа, который на сей момент не видел никто, кроме создателей и героев: премьеры — сегодня в два часа пополудни. Далее должна сыграть «утечка информации» о рекордном (девятнадцать миллионов долларов) гонораре Егра плюс скандал, который обещала разогнать на премьере Анна Блум... После этого войти в игру будет гораздо результативнее.

— Словно выйдешь на замену против измотанного соперника и забьешь.

Сравнение Лисовина Егор гордо отверг: это его, используя уникальную «физику», до сих пор ставят в стартовый состав. Это он всех «изматывает». Более подошла другая аналогия: использовать гравитационное поле чужой планеты как катапульту, разогнаться — и лететь далее. Только это «поле», даже если оно не совсем «чужое» (не вдаемся в подробности сделки с Байонтой), надо использовать стратегически правильно — и тогда поднимутся планки всех гонораров: банки, ювелирные и одежные дома, сети отелей, бренды бритв, мужского белья и спорткаров...

Итого: первое отделение отработывала Байонта, держала паузу (хотя вряд ли слышала о Станиславском), сколько могла, оттягивая премьеру клипа, и, только почувствовав (сродни секс-академическому опыту) самый пик напряжения, выдохнула: А теперь: «Дважды рожденная»!

Музыка: Вилли Диксон (ее давний чикагский соавтор) и Сальса Байонты.

Слова: Сальса Байонты.

Энергичный монтаж клипа представлял Сальсу на невольничьем корабле, на помосте рынка, на плантации, в поместье рабовладельца и в студии — записывающей эту песню.

На корабле, невольничьем рынке и на плантации наготу Байонты прикрывали только кандалы. Во избежание цензурных придинок для прикрытия некоторых мест прекрасного тела кандалы вылепили столь внушительными, что будь они правда из железа, эти якорные цепи не поднял бы и Майк Тайсон. И на хлопковой плантации у Байонты — самые сексуальные лохмотья, какие только можно представить. В финале, у студийного микрофона — она в мини, в котором предстала сегодня. Розовый

топик и даже здоровенные наушники и микрофон перед ее губами смотрелись возбуждающе. И прекрасная, тянущая душу музыка: Вилли Диксон, как и все черные чикагцы, был фанатом «блюза дельты», то есть нью-орлеанского.

Общее впечатление подтверждало: самая эротичная вещь на свете — ну конечно, рабство, рабовладельческий строй, недаром царящий своими атрибутами в наборах для ролевых игр. В этом сезоне движение BLM (Black Lives Matter), запущенное еще в 2013-м, сделало мощный рывок, и клип целил в тренд. Но все это вкупе с почти пародийными кандалами — лишь первый пласт повествования. На втором ожидаемо царил Егр. Прекрасный, аполлоноподобный (но слава богу, не сам Аполлон — образ надоел Егру по рекламным сюжетам) капитан невольничьего корабля. Прогуливается по палубе с положенным хлыстом в руках, но — печально-красиво-задумчив. В него и влюбляется закованная рабыня. Выставленной на рынке Нью-Орлеана рабыне особенно достается: ее хватают, лапают, дергают за цепи. Но Егр в синем мундире армии южных штатов всех прогоняет, швыряет монеты и увозит покупку. Потом он — плантатор с сигарой в зубах: самый неприятный момент для Егра, сделали несколько фальшсигар, но режиссер требовал дыма. Пытка уравнивалась: именно в этой части шли его жаркие объятия с Байонтой. Любовь и музыка переносила «рабыню» через века — прямо на сцену. Толпа ее фанатов на концерте весьма остроумно сопоставлялась с толпой окружавшей ранее на невольничьем рынке Нью-Орлеана.

Дополнительная пикантность для тех, кто в курсе (в Мэдлэнсе это сто процентов, а среди прочих потребителей видеомузикальной продукции около того): жена Егра тоже снялась в нескольких слоях клипа. «Прямо вместе с любовницей своего мужа!» Мальчиком-юнгой на корабле она приносила Байонте воду, потом она же — жена плантатора и, наконец, в студии поет рядом с примадонной.

Примерный перевод текста, сочиненного Байонтой, как она уверяет, за одну ночь:

— Мы были рабами, держали нас за зверей — и мы были невинны, как звери. Слушанка-мулатка, я знала лишь два движения: снять трусы и задрать платье. Трусики вниз, быстро-быстро, только чтоб не споткнуться, переступая. А платье медленно-медленно вверх-вверх-вверх, пунцовея и набухая. Но с ним, с ним я узнала другие движения. Узнала: душа тоже движется. Упорхнет вверх — восторг, ухнет вниз — страх. Любовь — это второе рождение (ударная строка припева).

Музыка, блюз, соул плюс ритмичный припев, оставляла место только восхищению. Но текст, градус эротики, видеоряд со звездой-миллиардершей, рядящейся в якорные цепи и явно заигрывающей с Black Lives Matter, «Черными пантерами» и прочими движениями, вызывал желание придраться. Тем более что рецензии с одними восторгами мало ценятся редакторами.

— Норман. Ты заметил: везут-то африканских рабов, а Байонта — мулатка, с немалой долей белой крови

— Неуч ты, Хельмут, болван, как вся ваша «Дэйли мирор». Со второй трети девятнадцатого века рабов везли уже не из Африки. Из Бразилии. Там запустили специальные фермы: разводить дешевле, чем ловить по Африке. Хозяева тоже включались в рабочий процесс. Мулатили.

— У-у! Тут я пас, Норман, пас... Эх, мне бы такую ферму!

— Твои мулаты получались бы слишком тупыми даже для сбора хлопка. Годились бы только писать репортажи в «Дэйли мирор». А Байонта — красотка и талант...

— Дарья, ты обратила внимание, в финале, где Байонта с Ниной поют, Егр совсем исчезает, растворяется.

— Он еще когда идет по Новому Орлеану — уже такой отдельный ото всех, парящий. Был момент, заметила? Ворота невольничьего рынка сквозь него, его тело, видны. По-моему, автор клипа, пока снимал, уловил их отношения. А ты, Анна, хотела бы сама сделать этот клип?

— Нет. Я столько уже наговорила, понаписала, что просто нечего больше выдавить. Наверно, надо было просто любоваться, Аполлон Савроктон, Антиной, Аполлон Кифаред, Аполлон, забивающий со штрафного, Аполлон Бельведерский, Аполлон Мантуанский... а не выдумывать другую историю человечества. Дурочка из «Космополитеса» думала меня укусить, написала, что это я своим веществом веры надула шарик секты егроманок. Или наоборот, она этим хотела польстить — тем более дурочка, — будто я продолжила борьбу Фридриха Ницше, сотворила «белокурую бестию», сверхчеловека.

— Ницше, постой... он же с ума сошел?

— Называл себя Дионисом Распятым, мочу из сапога пил. Приставал к вдове Рихарда Вагнера, сватался к дочке вашего Александра Герцена...

— Еще не легче.

— Но главное — тут космополитеска попала в точку: Ницше тоже считал всю историю после античной Греции — вырождением. А Иисуса — виновником и покровителем этого вырождения. А я, дескать, вместо иконы поставила мраморную скульптуру, «Аполлон с мячиком», и жалею, что с ней холодно обниматься. Намекнула там и на другие мои безуспешные манипуляции, эротические с мраморным богом.

— Конечно, читала — ф-фу. Но, Анна, ты сама даешь впечатление, что обожаешь его — именно такого, отдаленного, холодного. Как там: «...вечно молод... тарарам и светлый холод». Я в Москве, следила и раньше соглашалась: именно так и надо! Мы своим негативным отбором испортили, так далеко отошли от совершенства, что нас оно пугает... Но тебе лучше знать, ты уже столько лет возле него.

— А ты знаешь, что сейчас из всех лет у ног Его Совершенства — лучшее мое воспоминание? Одна теплая черта, один живой момент.

Дарья впилась, навалилась на подругу.

— Это ночь «побега из Мэдлэнса». Мы запрыгнули с ним в мини-вэн маркизова гаража. Понимаешь, да — наши с Зельдой планы, надежды? Мягкие кресла, просторный салон — подходили как раз. Я так близко дышала на него, что, наверно, убедила, от какой страшной опасности мы его спасли, что ему в Багряном зале угрожало. Багряный — это этаж вниз, под западным флигелем, зал собраний нашей койнонии. Я сама тогда верила, что наши бешеные могут случайно и... В Эдинбурге они одного парня залюбили до смерти. Испуг Егр скрыть сумел, но благодарности нам — нет. В смысле — нечего было скрывать, — грустно пошутила Анна. — Довезти его надо было если не до Лондона, то хотя бы до Челнема, а нас с Зельдой так трясет, что едва можем вести машину. Она два раза съезжала, врезалась в кусты, в столб — хорошо, что мы еле плелись. Хотя не исключали погони. Я села за руль — ничуть не лучше. Пришлось Егру. И хотя мы обе были — того, полупомешаны, но заметили: как же он плохо ведет автомобиль! Хуже любой девчонки, хуже Зельды. Еле-еле, дергаясь, хватаясь за все рукоятки. Еще и шептал что-то все время. В общем, трогательно. Только въехав второй раз в кусты, он сообразил, как будет надежней, скорее ему доехать. Обернулся к нам и... В ту ночь и был зачат Рудольф. Времени и старания он уделил нам немного, но все ж достаточно, чтоб мы перестали дрожать и клацать зубами. Умиротворились. Я погнала машину к Лондону, где мы его и «сдали на руки» той, что сначала приняли за японку, Нине то есть. В дороге он от нас отключился совсем, словно мы с Зельдой — так-

систки. Говорил в телефон на русском, который я тогда совсем не знала. Похоже, кому-то рассказывал, что сейчас едет в Лондон, и, кажется, еще что-то, про нас. Хорошо запомнила одно его слово, но так и не знаю, как перевести. М-м... «я о-то-драл обеих».

— Представляешь, Дарья, так хотелось узнать, что он думает про нас. Но и потом, когда мы носились по вашей стране, не попало, кого бы расспросить. Да и стало не до этого, Байкал, Кингисепп, роды Зельды. Сейчас вот вспомнилось, хоть ты переведешь: «о-то-драл обеих»?.. «Обеих» я потом поняла, это про нас с Зельдой, «бос оф ас». А что есть «отодрал»?

Дарья искренне наморщила лобик, но... порой социокультурные барьеры выше языковых! Среди ее интеллигентных знакомых, субтильных коллег по оркестру это слово, кажется, ни разу и не произнеслось. Даже не потому, что ругательное, матерное — просто не слышали. В книгах популярным грубым обозначением было «трахнул, трахаться». Им же Рита Райт-Ковалева переводила с английского «это» во всех культовых книгах московской интеллигенции... Плюс то самое... ужасно матерщинное слово на «е...», тоже ею слышанное. Но это «о-то-драл» как-то прошло мимо... Дарья недоуменно развела руки, намереваясь дослушать «романтический побег из Мэдлэнса», но окончание было Анной смято:

— Однажды я все-таки рискнула, спросила Егра о той ночи, дороге. До лжи он, конечно, не унизился, но бровью повел, посмотрел так, что я сама засомневалась: а было ли это?

22.

Глухой, без окон коридор в стилобате главного корпуса — не самое приятное место в замке. Анна быстро провела Зельду с Рудольфом на руках в восточный флигель. Глянув фотографию в смартфоне с разоблачающей подписью «7 октября. Маркиз Рудольф Пэмбру за месяц до своего рождения», Зельда была на грани панической атаки. Самое ужасное, что фото было сделано на закрытом дворе коттеджа под Ивангородом, где они выжидали два месяца до даты регистрации мальчика. Значит, вариант утечки через русского врача, и ранее маловероятный, снимался полностью. Доктор Альберт, шестнадцать лет работы у маркиза — тоже вряд ли. Значит, скорее, кто-то из секьюрити маркиза, они все трое сегодня здесь. Допустим, предатель — один, значит... «три наперстка»! И в своем замке в эти часы — небезопасно. Весь флигель обыскать за минуты — нереально. Винтовая лестница вела к башне над флигелем, там лишь две спальни.

— Запрись, отвечай только на мои звонки. В крайнем случае я пришлю Дарью. — И Анна побежала в главный корпус, по пути стараясь прийти в себя, переключиться на презентацию, Байонту, Егра.

Вернувшись к микрофонам, Анна Блум начала еще одну войну, открыла еще один фронт. Аркадий Лисовин заказывал легкий скандалчик. Ньюсмейкер сегодня, безусловно, Байонта, и Егр не должен подчеркивать, педалировать свою «привязку» к героине. То, что Лисовин назвал «не держаться за ее подол». Крепко привязать его к героине должны сами журналисты, а следом и публика. Самая выигрышная позиция — не становиться на цыпочки, выкрикивая: «Это я! Это я ее...», а лишь снисходительно разводив руками: «Вы так считаете? Ноу коментс».

— Помните девиз ордена Подвязки? — горячился Лисовин. — «Пусть будет стыдно тому, кто об этом плохо подумает!» А ведь тут плохо подумают все. Всем будет стыдно. И стыдно — до чего же им это интересно.

Анна тогда послала ему воздушный поцелуй, отсалютовала рукой к виску. «Кул. Клево. Умница, русский! Сделаем!»

С пачкой газет Анна вышла к микрофонам, объявила:

— Коллеги! Благодарю всех корреспондентов, обозревателей изданий и телеканалов, вместе с нами посмотревших этот прекрасный клип, терпеливо ждавших новый альбом Байонты «Дважды рожденная» и старт нового мирового тура. Благодарю и всех вас, подогревавших ожидания, рассказывавших о новом ребенке Байонты, ангеле Анжеле и... и о том, кому вы и английская публика присудили честь отцовства этого ребенка еще до первого признания нашей примадонны. В течение полугода более восьмисот сорока шести тысяч участников голосования на форуме нашего сайта определяли лучшую статью и лучший заголовок этой информационной кампании. Мы учредили специальные призы: две тысячи фунтов за статью, телепередачу и восемьсот фунтов за лучший заголовок, анонс... И сейчас я имею честь сообщить, что с большим отрывом в обеих номинациях победил Джон Теккерей из газеты «Мейли емейл»! Как остроумно и бесцеремонно, в стиле британской прессы он перечислил все несчастья и женские недуги поп-дивы, как изящно сделал вывод, ставший заголовком статьи «Егр — скорая гинекологическая помощь!».

Анна подняла над головой газету. На первой странице выше крупных фотографий Егра и Байонты яркая красная строка: «Мейли емейл» — и эмблема.

И под названием — слоган, девиз «Твоя неделя», расположением и шрифтом очень напоминавший знаменитый девиз «Нью-Йорк таймс»: «Все новости, пригодные для печати». Анна протянула в телекамеры два чека, да: две тысячи и восемьсот фунтов, дождалась салюта фотовспышек и, вернув их на поднос, продолжила:

— Да, фамилия победителя явно намекает, что это псевдоним какого-то молодого журналиста. Поздравим нашего начинающего коллегу.

Надеявшиеся на призы коллеги неохотно похлопали, оглядываясь, ища взглядами молодого нахала, прикрывшегося фамилией великого писателя, автора «Ярмарки тщеславия». Пауза.

— О! Мы дозвонились до редакции «Мейли емейл»! — Раздвинув телефоном занавеску рыжих кудрей и прижав его к уху, Анна разговор с залом продолжила только округлившимися глазами и сигнальной мимикой.

— Ю мин рили? Фэнтэстик! (Это правда? Фантастика!) Что ж, прекрасно. До свидания! — и, выключив телефон, продолжила: — Извините, коллеги. Оказывается, статья-победитель была написана искусственным интеллектом, то есть нейросетевой программой — генератором текстов РитерАИ. Какая жалость! Две тысячи восемьсот фунтов уходят... куда? Что купить генератору? Новые провода, винчестеры?.. Вау! А сейчас к нам подходит сам герой статьи, форвард «Арсенала», номинант на «Золотую бутсу» УЕФА прошлого сезона и лучший бомбардир Премьер-лиги — сам ЕГРРР!.. Что вы скажете по поводу нашего конкурса?

— М-м. Полный хеппи-энд. А то я думал: кому дать по шее за эту статью?

Звонкая пощечина пишущей братии, искры ненависти у половины аудитории, смех у другой. Победа нейросети на конкурсе сайта «ГодЕгрНиа» стала одним из «первых звонков» пишущему сообществу, только через год пошли скандалы, забастовки голливудчиков, у которых программа-генератор текстов перехватила работу, написав сценарий семидесяти двух серий мыльной оперы «Друзья Стеллы».

— Ловко подстроила эта Блум.

— Мстит за пресс-конференцию на ВВС-1, — объявила дама из «Космополитес». — Мы тогда ее прижали, посмеялись над российской экспедицией, бестолковым поиском тайны происхождения Егра.

— Нет, какова! — И затрещали электронные перья. Еще не покинув Мэдлэнс, корреспонденты наговорили на диктофоны и телекамеры, каждая стараясь отхлестать нахапку, ее свихнувшуюся секту, поиздеваться над их «Аполлоном в бутсах» — и все-таки превзойти кремневые мозги нейросети.

Взлетевшее число интернет-запросов «Егр», «ГодЕгрНиа» опять дало повод многим заподозрить: «Это все тори пытаются отвлечь внимание от провалов Камерона и Брежзита».

Столов и столовых приборов, алкоголя и форели хватило бы, наверно, на половину прибывших в Мэдлэнс, топтавшихся на курдонере. Но у дверей главного корпуса замка гвардейцы Бэнкса устроили «самую жесточайшую сегрегацию... апартеид хуже, чем в Родезии» — по оценке одного из отсеянных. Глава FA-6, ссылаясь на требования безопасности, упивался властью столь зримо, что к хозяину маркизу Пэмбру претензий не было. Кроме списка Егра и Байонты, в замок вошли только двое из ANNA-TV, «несколько друзей маркизы», половину из которых Анна с удовольствием утопила бы в мэдлэнсовском пруду, и сотрудники Бэнкса, казнь которым она пока не придумала.

Почти год, начиная с появления первых признаков, половина журналистов, спикеров на ток-шоу утверждали: никаких браков «дэ труа», Байонте нужен только ребенок. Что ж, сегодня эти аналитики выиграла все пари, которые наверняка заключали: после нескольких обычных фраз примадонна умчалась в Лондон к дочери...

— Анна, мы благодарны вам с Зельдой за сегодня и почти простили. Осталось лишь ненадолго оторвать его от жены и свиты. Главное — вон от той русской блондинки-кикбоксерши...

— Знаю, Магда, это его бэби-ситер Наташа.

— Знаешь не все. Но тут поможет Тони. Будет момент — я тебе просигналю. А Егра надо пригласить...

— В тот же зал?

— Необязательно, но лучше, чтоб тоже в бэйсменте и без окон. А где Зельда? Скажи ей: может уже не прятаться. Да, мы все-все, и я как свояченица директора FA-6, мы благодарим вас за сегодня. И объявляем амнистию.

— Ты лучше скажи, кто тебе слил кингисеппские фото? Из секьюрити?

— Не-ет, — кокетливо протянула Магда Хэрифор — Лучше ты подозревай их всех. — И оглянулась на сновавших по залам сотрудников Бэнкса и нескольких секьюрити маркиза...

— А дальше, — она протянула Анне трубочку для коктейля, — никаких подсыпаний порошков из перстней, как в средневековых фильмах. Ни капель из флакончиков. Просто воткнешь в его стакан вот эту соломинку.

— И что там за ведьмино зелье? Спящий бог, «умер великий Пан»?

— С ума сошла? Расслабляющий, веселящий эффект. Мы же Егра обожаем не меньше тебя! Просто не такие языкастые, не так изливаемся в медиа и на сайтах. Наши язычки — для другого.

Анна схватила с проносимого подноса бокал шампанского, ткнула в него Магдину соломинку и грозно надвинулась:

— Пей! Сейчас же.

— Да пажалста. Смотри... Даже с удовольствием. Буду просто веселая, более внушаемая и возбужденная. Хочешь, попробуй и сама. Только через эту соломинку еще не более бокала, препарат весь растворится. Но вот тебе парочка запасных. М-м, и еще парочку на любой случай. Угости и Нину. Хорошо бы и Наташу, но это нереально...

Да что ты губы поджимаешь, как вдовствующая герцогиня? На тусовке у Бойдж Майкла целые барханы порошка надували. Давай еще и Нэнси воткнем такую соломинку? — Она окликнула и заменила трубочки в коктейльном бокале покорно подошедшей младшей сестры.

— Все. Допила. — Магда вручила Анне пустой бокал. — Ради твоего теста пришлось так вульгарно: шампанское через соломинку! Ужас, кем меня сочли те, кто это заметил. О, начинает действовать. Через десять минут можешь со мной делать все, что с Зельдой тогда в оранжерее.

— Стукачка.

— Ф-фи. Могла бы сестре по своей койнонии подыскать что-то поизящнее. Автор «лучшей поэтической книги 2010 года».

— Тебе — это самое изящное. — Игривые словесные щипки и пощечины только подчеркивали: остроненавистная фаза пока миновала. И дружелюбные гримасы Тони Бэнкса подтверждали: прямые угрозы сняты. Анна тут же просигналила об этом запершейся в башне западного флигеля Зельде.

23.

Формат фуршета соответствовал вкусу Егра. Ненавидя высидивания за столами, он терпел лишь тусовки, оставлявшие простор движению. На вечеринку у Брендэ Лавэй он взял с собой мяч и, меняя бокалы, разгуливал, жонглируя, демонстрируя дриблинг, обвел хозяйку, потом Стеллу Маккартни (дочь самого), заработав высокоценный приз — репутацию оригинала и остроумца.

Магда, пристально следившая за Анной, дождалась: Егр допил мохито через ее трубочку — и отправила смс Тони Бэнксу.

Обещанная Магдой «помощь FA-6» грянула в форме сигнала тревоги. С ходу успокаивая сообщество, Бэнкс объявил: «Ничего форс-мажорного. Просто в зале лежит бесхозная дамская сумочка. Три минуты, и мы все выясним».

В принципе британцы сработали грамотно: «обнаружили сумочку» в момент, когда Егр, окруженный сектантками, был у дверей, ведущих в стилобат, а все прочие на другой стороне зала. Рассекшие толпу бэнксовцы и привлеченные полисмены с самыми вежливыми извинениями, но энергично потеснили: Егра с дамами к подземным коридорам, а прочих — в зеркальную галерею. «Необходимо укрыться на несколько минут, пока мы не исследуем и обезвредим сумочку».

Кто-то был готов объявить «паническую атаку», но некоторые — Магда, Нэнси, адмиральша Нэстингс и еще пара сестер — беззаботно орал: «Как хорошо, что мы успели схватить по два бокала. Несколько минут? Продержимся. Егр, не бойтесь, мы закроем вас от взрыва своими жаркими телами!» По разнице реакций Анна безошибочно определила тех, кто был в курсе заговора. Ее верный оруженосец Дарья Гарина? Конечно, нет! Кусая побелевшие губы, самоотверженная москвитка и правда стала близ Егра, закрыв его со стороны, где лежала «сумочка-бомба».

Тони Бэнкс отделился от группы полисменов и своих агентов, совместно разрезавших тусовку пополам, и, подойдя к дамской половине, придал сектанткам импульс: «Мои леди. Господин Камоф. Все, все в коридор! И дальше вниз, в коридор бэйсманта. Пока тут наши саперы не разберутся».

— Вау, Егр! — В эвакуационном потоке каждая норовила коснуться, схватиться. Продлить касания-прижимания препятствовал не Егор — сестры-конкурентки.

— Вау, как кстати нам — эта сумочка! Твоя, Шейла?

— Да, теперь — пускай хоть с гексогеновыми конфетами.
— Егр, мы успеем провести вас по нашим залам.
— Помните, почти два года назад мы так хотели показать вам ритуалы нашей койнонии.

— Но вы тогда так испугались!

— Я? Испугался?!

— Но вы же сбежали тогда, мы помним. Испугались-испугались!

Даже не самый смелый мужчина в ответ на *это* обвинение готов встать на дыбы, пойти на подвиги.

— Да-да-да. Сбежали.

— У меня была назначена важная встреча.

— Знаем, знаем! С Ниной, но на следующий день.

— Вас пугала ночь нашего обожания?

Смешки и возгласы с совсем уже развратными интонациями. «Похоже, они все напились через трубочки Магды», — определила Анна.

— Да, с Ниной. Оу, она же сейчас там! — Егр вытащил мобильник, scomандовал на русском: — Тихо, бабы! — Интонация заменила перевод, замолкшая компания уставилась на скульптуру «Аполлон со смартфоном». Пауза.

Вступил единственный, к кому формально, команда «бабы» не относилась

— Здесь стопроцентная изоляция. — Тони Бэнкс ткнул стену. — Словно в восемнадцатом веке маркизы предусмотрели защиту от волн сотовой связи. Но моя и тут работает. Дуплекс-рация.

Достал трубку размером чуть больше телефона, вытянул антенну:

— Робби, как обстановка? Как русские? Что-о?! Черт возьми, вы все осмотрели? Проклятие!

И заметив, как его эмоции напрягли, напугали компанию, обернулся.

— Извините, мои леди. Нет-нет, господин Камоф, с вашей супругой все в порядке, вы можете сами убедиться. Робби, попроси госпожу Нину. — И передал трубку Егру.

Озоботило директора FA-6 другое. Вторую половину тусовки удачно релоцировали в зеленый каминный зал, блокировали. Бэнкс перевел было дух, уединившись с дамами и их кумиром в роскошных подземельях под западным флигелем, и вот болван Робби докладывает: из русских у него только Нина, Гарин и Лисовин, куда пропали две грозные девицы, неизвестно...

«Считал, что заманил Гарина в ловушку — по служебной надобности, а Егра в „медовую ловушку“ — по просьбе жены. Но теперь... А может — это его заманивали? Все смешалось в замке маркизов».

Вереница дошла до Багрового зала. Название неофициальное, именно здесь почти два года назад сектантки планировали свою шабаш-оргию. Здесь так и стояло большое зеркало в дубовой оправе, глядясь в которое сектантки давали клятву мести. Даже засохшие рыжие кляксы — капли крови из левых мизинчиков в полном отсутствии солнечного света — сохранились.

Посреди богато убранного зала стоял хоть и небольшой, но по всем дизайнерским «примочкам» — трон.

— Ой, какая роскошь! — невольно воскликнула Дарья.

— Отец Леопольда, десятый маркиз, обустроивал здесь бомбоубежище. На случай прилета ракет из твоих краев, — негромко пояснила Анна.

Безумно расширенными зрачками Дарья вбирала в себя зрелище, действие, о котором столько мечтала. Восторг, ужас и... Низкой басовой нотой в аккорд вливалось

разочарование: Неужели все так просто, грубо, откровенно до цинизма? Что, они сейчас облепят его и...

Анна тоже не могла сосредоточиться. Приближается пиковый момент, главная, «уставная» цель (если б секта имела письменный устав), а она вдруг думает лишь о Зельде. Бедняжка, ей-то сейчас не до веселья и похоти сестер, наверно, приведет сюда Рудольфа. Единственный шанс показать мальчика отцу, поймать взгляд, выслушать приговор. И предчувствие того, что Зельда и Рудольф услышат, погружало Анну в ледяной колодец. «Хоть бы она сейчас не дошла. Остановили б ее агенты Бэнкса или привлеченные полисмены. Лучше бы...»

— Джорджи, мы-то здесь — у себя дома, а как вот девчонки сюда сунулись — смелые!

— Да-а. У них-то никакого прикрытия, ни дипломатического иммунитета. А Бэнкс запросто повесит на них и эту сумочку, и что угодно, от ирландского террора до приступов маразма Дэйва Кэмерона...

— А которая черноглазая, пронзительная? Фигура... Грудь — балкончиком стоят, задница оттопырена! Я б хотел на пять минут превратиться в женщину, в Кони, когда она их там обыскивала.

Два коротких удара прервали сей служебный диалог. И мечтавшие раздеть сотрудниц Гарина сами быстро лишились брюк и кителей. Но на этом, увы, их обнажение, интерес девушек закончились. Маленькая губка, поочередно прижатая к лицу, погрузила полисменов в глубокий сон, избавив от обострения секс-переживаний: ведь переодевались в их форму Наташа и Люба прямо здесь же, в маленькой электрощитовой комнатке...

Отвечая щебечущему хору «Не бойтесь, не бойтесь!», Егор подошел к трону, воссел, держа надменным взглядом своих харит? менад? — пока на расстоянии большем, чем протянутая рука. С дрожью и пресекающимся дыханием Тони Бэнкс приблизился к хороводу. Раздерганная секс-ориентация директора не влекла его напрямую к Егрю, но увидеть раздевающихся пред ним свою Нэнси, Магду, Анну... это было бы бонусом всей операции, желанным не менее, чем арест Гарина. Тут сумочка, похищенная неделю назад у его дочери Дарьи и начиненная в лаборатории FA-6, сыграла бы двойную роль. Вопрос сейчас подвисал только один: куда делись две русские стервы?

Но в самый момент дрожи Тони Бэнкса в зал медленно вошла, приблизилась к распаленному собранию маркиза Зельда, держащая за руку примерно полуторагодовалого ребенка. Странное зрелище: хозяйка замка Мэлдэнс эстейт подходила к своим гостям нетвердыми шагами нищенки, попрошайки. Дарье даже вспомнился певучий подмосковный монолог: «Простите, что я, такая молодая, обращаюсь к вас. Сами мы не местные...»

«Боже! Какой...Какой неподходящий момент!» — взгляд Анны.

«Другого, я чувствую, не будет никогда! — безмолвно отвечала решимость матери. — Я столько слушала твои проповеди о генах, отборе, о шансе приблизиться к совершенству. И сейчас меня трясет, как три тысячи лет назад на краю Апотеоновой или Тарпейской скалы. Я боюсь за своего мальчика, смертельно боюсь. Один его повелительный взгляд будет равен сбрасыванию в пропасть. В чужих глазах я уже читала: „Твой мальчик совсем не такой, каким должны быть Его дети“. Но... Но если он хотя бы секунды посмотрит на него моими глазами, он, может, разглядит свои черты! Или послушает и убедится, что Рудольф знает уже двадцать семь русских слов и может...»

Нэнси, Магда, впервые увидевшие маленького Рудольфа, двенадцатого маркиза Пэмбру, и не думали скрывать торжествующего презрения. Словно на кастинге, борь-

бе за суперзвездную роль, конкурентка «дала петуха», позорно провалилась. Курносый, прямые слипшиеся волосенки (хотя Зельда, наверно, применила все чудеса бытовой химии), какие-то... костистые лицо и фигура хотя и не несли печати уродства, но все же были безнадежно далеки от требуемого, тысячелетиями утвержденного канона, ныне отпечатанного на личике Лурдес, на детях Нины, Анжеле.

А Дарья и Анна, не раз видевшие мальчика, думали о другом, но примерно схоже, словно синхронно решившись на бунт. Переглянувшись, они словно прочитали друг у друга: «Вчера было рано, завтра — поздно, значит, сейчас». Восстание! Но перевести единые свои мысли в действия или хотя бы в слова, они не успели. В зале погас свет.

Сначала визги, потом включенные мобильники, а потом и бурные наперебой благодарности Бэнксу. Они решили, что свой гениальный план по силовому разделению тусовки и сведению их с Егром в этом самом подземелье он теперь довершил таким подарком. Все стеснялись начать раздеваться, боялись надменного взгляда Егра, и тут... «Темнота — друг молодежи», — шутили в краях, откуда пожаловала Дарья.

— Умница, Тони! — Нэнси стащила шелковый топик, вцепилась в застёжки и переступила через упавшую юбку.

— Тони — душка, хитроумный Одиссей!

Едва скользнув фонариком и взглядом по бледному, напряженному лицу директора FA-6, Магда не заметила, насколько далек он был от принятия комплиментов. Страшно далек, потому что знал: никаких планов, указаний по выключению света он не давал.

Через несколько тревожных мгновений открылась дальняя дверь, вошли два полисмена. Очертив фонариками веселое собрание и даже козырнув, они быстро направились в сторону Бэнкса.

И еще быстрее помчались мысли в голове «герцога Веллингтона», как его утром окрестила Анна Блум. Мгновенное озарение номер один открыло зияющую дыру в плане его операции. Для управления толпой он привлек два взвода полисменов. Сами по себе парни надежные, но ни он, ни его сотрудники никого из них не знали в лицо. Не было, так сказать, «боевого слаживания», и сейчас в лабиринтах этого дурацкого замка на любого вклинившегося любой из двух его отрядов подумает: «А, это парень из этих!»

Подойдя, полисмены объявили: «Сэр, замок в страшной опасности, вас срочно ждут наверху».

Они даже особо не старались подделаться под звук английской и вообще — мужской речи. Более полагались на мгновенный укол и крепость своих объятий. Обмякший Тони Бэнкс едва переступал ногами. Единственно, на что хватило сил, — обернувшись, сильным шепотом выдать: «Помогите, это не полисмены, это диверсанты». Дамы ничего не поняли, и не потому, что похитители затыкали ему рот. Голоса его лишили озарение номер два. Наверно, нет, абсолютно точно, за всю историю всех спецслужб всего мира не было такого... даже не позора, а дичайшего, занебесного абсурда: директор контрразведки просит помощи у десяти голых жен и дочерей британской элиты. А причина провала (озарение номер три) — его собственный игривый, эротический настрой. Или нет, виновата проклятая пресса! Ведь все же знали, что эти няньки-поварихи — бойцы, головорезы полковника Гарина, а все равно смаковали пикантное сочетание красоты и атлетической мощи. «Ах, что они, наверно, могут вытворять!» Придумали, из пальца высосали «гладиаторский бой», будто на вечеринке у Егра они, обнаженные по пояс, развлекали гостей поединком «хом-бо» на подручных предметах: «подушка против скалки и фена». Фарс и эротический фарш. И у бедолаги дирек-

тора FA-6 (не приглашенного тогда на раут у Егра) как засела в распаленном воображении картинка того дьявольского «репортажа» — так и вела его, и привела к сегодняшнему разгрому... Последнее, что высветил блуждающий луч мобильного телефона перед тем, как его развернули к выходу, — его жена Нэнси, в одних туфельках, чулках чуть выше колена, и в стороне правее маркиза Зельда, схватившая на руки ребенка.

Сестры — члены койнонии — застыли в недоумениях. «Может, просто пьяному Бэнксу его бойцы помогают выйти на воздух? Ну и пускай! А мы-то, мы можем продолжать?» Но сей неуверенный самообман, если и был озвучен, не мог повернуть вектор общего настроения, катастрофически резко сменившегося. Они оглядывались, словно пытаясь уловить сигналы своей иггестис. Но Анна ни взглядом в бликах фонариков, ни дыханием, рассеивающим по догадке маркиза Пэмбру ее «вещество веры», не хотела или не могла поддержать свою секту, когда-то уверовавшую в приход античного бога...

— Опять предательство! — воскликнула Магда и разразилась таким длинным и ужасным ругательством, что Зельда закрыла Рудольфу уши. Правда, в отличие от предательства двухлетней давности Анна и маркиза были вне подозрений: столь явно и стопроцентно всем здесь командовали FA-6, полиция и этот осел Тони Бэнкс.

С какой-то оборонительной мыслью Анна и Дарья подошли, стали рядом с Зельдой и Рудольфом, или, может, им просто неловко стало, единственно одетым среди мечущихся, разыскивающих свои одежды сектанток.

— Анна! Я поняла, почему...

— Что?

— Помнишь, когда усмехались: «Бог — футболист?», ты всех сбивала с ног: «А кем считался Иисус две тысячи лет назад? Врач широкого профиля? Рассказчик поучительных басен? Гипнотизер?» Я в России часто это читала. Восторгалась: как же здорово ты придумала. Парадокс, а верно!

— Знаешь, как мне осточертел тот парадокс. В Англии повторяют, в Европе... вот уже в России повторяют. У меня не осталось ничего, кроме чувства вины, желания бежать, выпрашивать прощения — под честное слово: «все исправить». И получать эти прощения, зная: «Исправить? Безнадежно!»

Луч фонарика выхватил Анну, как ночной бомбардировщик в военных фильмах.

— Госпожа Блум, вы, кажется, стоите на моих слипах!

— Ой, простите, графиня. — Подцепив носком туфли, Анна подняла трусики и чуть не с книксеном подала их Магде Хэрифор.

— Почему безнадежно, Анна? Погоня за античным совершенством — все равно что за своей юностью. Кажется, старение мира — это как старение тебя: чем дальше от начала, тем хуже. Как наша кожа — с годами все хуже. Но мы же не ящерки, не сбрасываем слои себя самих. Они же все на тебе: и твои шестнадцать лет, и двадцать, и тридцать...

— И тридцать пять, — вздохнула Анна.

— Перед тем как ехать сюда, я с отцом очень сильно поссорилась. Спорила, а он сказал: «Жутко вообразить город — идешь, а навстречу все Егоры Камовы, пусть и здоровые как кони». Понимаешь...

— Нет, Дарья, Его надменная отстраненность, что порой нас убивает, — это и есть Свобода! Освобождение от библейских запретов, Иисусовых заповедей. Поколения бунтарей, Ницше, Кроули... тяготились — так вот, получите! Рисуйте на белом, что хотите, а его, Егра — нет! Не знаю, как у вас, а по-английски свобода, «фри» — отсутствие. «Фри оф чадж» — нет оплаты.

— Да?

— Да. И порхающих вокруг мотыльков, мириады нерожденных, это же не он, это Нина на нем, поверх него нарисовала.

— Именно так, Дарья! Выхватывает и превращает — в рожденных.

— Потому и такая спокойная насчет Сильвии, Байонты. Она еще матерью-героиней станет.

— Что?

— Что «что»?

— Героиней чего?

— Орден у нас такой. Награждают: За здоровые инстинкты.

— Шейла, у меня заряд кончается... И у меня... Сколько можно!.. — Сестры безуспешно тыкались в двери. — В эту, кажется, ушел Тони?

— Зельда, это же твой замок, ты что, опять нас дурачишь?

Отставив философские штудии, Анна энергично вмешалась:

— Только, помнишь, Нэнси, сюда нас привел твой муженек. Решил нас попугать какой-то паршивой сумочкой, еще неизвестно чем набитой. Привел под свою ответственность и бросил! Спроси-ка лучше его, когда он думает нас вернуть?

— Здесь сигнал не проходит.

— Синтия, это мои стринги!

— Убери руки!

— Негодяи! Они нас забыли.

Окруженные снованием мобильных фонариков, криками, метанием дам, разбирающих, где чьи платья, танга, бюстье, заслоня Зельду с Рудольфом, Анна и Дарья все выясняли: почему могучие Аполлон, Зевс и компания победили Кроноса (то есть — само Время), титанов, хтонических монстров, но проиграли худенькому, невзрачному палестинскому врачу-баснописцу и почему Реванша не будет?

— Люди перестали ценить физическую силу, красоту, здоровье...

— Нет, они теряли их и потому перестали ценить! Что толку почитать неверного супруга, сбежавшую кошку?

Горячий спор о старении мира среди криков, швыряний белья, мелькания иссякающих фонариков был неостановим...

В те же самые минуты на полу дальней башни западного флигеля, при самом ярком освещении, необходимом для видеосъемки, беседа с Тони Бэнксом быстро превращалась в монолог «амиталовое интервью». Все нужные вопросы были заданы, в трубку своей дуплекс-рации он уже сказал требуемое «Вернусь через десять минут», и теперь под вколотым амитал-натрием и под умелыми, властными и — ох! — сильными руками Наташи директор FA-6, сбиваясь на стоны и всхлипы, рассказывал о «Плане Боэдромион», находясь в самой унижительной для мужчины позе (снимала экс-кормилица Люба). Еще по дороге в башню заплетающийся Бэнкс увидел освещенные залы и дальние окна восточного флигеля, где сейчас его армия караулила ненужные остатки русского десанта. Общее замыкание, блэкаут стал бы сигналом тревоги — но нет. Похоже, девки Гарина как-то изучили не только план замка, но и схему электропроводки.

— И сумочку верни Дарье Гариной, кааз-зел! Там двести тридцать два фунта было. — Такой внезапной репликой закончился сексо-химический допрос.

А в хаосе и панике Багряного зала сектантки, словно участницы некоего (не существующего пока) телеконкурса, игры с выбыванием, оделись по большей части

«перекрестно». На графине Магде дичайшим взрывом безвкусия сошлись под своим синим шелковым шарфиком чья-то красная (как потом выяснилось) блуза, оранжевая кружевная перчатка (своя, но одна!) и белая юбка в золотых пайетках (кажется, Шейлы, никогда не имевшей понятия о стиле). Впрочем, и другие сектантки оценивали оказавшиеся на них наряды подруг схоже: «Да я скорей бы умерла, чем надела эту дрянь...» Но часть воплей все же отражала реальный трагикомизм их положения:

- А вдруг все-таки будет взрыв и нас здесь завалит?
- Или хуже: включат свет и войдут репортеры, а мы в таком виде?
- Ужас, ужас, ужас.
- Зельда, да где тут выход к анфиладе? Или сразу во двор.

Но маркиза словно полностью отреклась от титула хозяйки замка, растерянно молчала, прижимая к ногам голову Рудольфа. Подергав ручки нескольких дверей, сектантки наконец нашли подавшаюся.

- Кажется, в эту ушел Тони Бэнкс?
- Он не ушел, его увели силой два полисмена.
- Ерунда, это были переодетые русские девицы, мерзавец Тони ушел с ними развлекаться.
- Любимая ролевая игра. Как тебе это, Нэнси?

Зал таинств и несостоявшихся оргий сектантки покидали, как горожане обреченную Троию, не оглядываясь. Может, это было достойное отмщение, справедливое «в расчете»? Два года назад из этого же Багряного зала Егр сбежал от них.

Но все равно как-то странно: никто из сектанток не обернулся, не потратил ни одного блика угасавших фонариков, чтоб глянуть на трон, куда они такими огромными трудами заманили своего «Аполлона». Даже не визжали, спотыкаясь, соударяясь в унылой полутемноте. Исчез уважительный повод побеситься, покуролесить типа «битломании» у родителей, и теперь только сорок лет скуки, потом еще десять лет немощи, борьбы с идущими в свите Старости недугами и...

Или все же причиной их страстей было «вещество веры», выдыхаемое Анной Блум, убедившее в явлении античного бога избранному народу? А теперь его действие закончилось. И рой рабочих пчел, вчера беззаветно охранявших, служивших «королеве своего улья», почуяв ничтожную химическую подвижку, смену нескольких атомов ее дыхания, спокойно бросают свою божественную повелительницу (а во взаправдошнем улье и разрывают на части).

Анне Блум теперь стало гораздо важнее доспорить, договорить с Дарьей. Зельда с мальчиком только переводили взгляд с умолкнувшей на отвечающую.

- Алистер Кроули буквально цитировал Фридриха Ницше!..
- Нет-нет! Заратустра так не говорил!..
- Олимпийского реванша не будет потому, что они не знали настоящей агапе. Первая подлинная Любовь была девочка, давшая себя растерзать вместе с сестрами Верой и Надей. Да-да, не было агапе! Любовь к себе не считается. Универсальное утешение? А Нина даст ему заработать еще сотню миллионов и увезет. Сделает каким-нибудь якутским богом, а раскормит — так и Буддой.
- По-моему, у нас в Якутии — православие.
- Да? Ловко устроились, гиперборейки. Мамонты, теперь и Егр, и мерзлая Вечность!
- Вечная мерзлота, — неуверенно поправила Дарья.

Спор о старении мира, утраченном совершенстве, продолжился и после того, как все сектантки скрылись, пока Рудольф, покорно вслед взгляду матери молча крутивший головой, вдруг не произнес что-то вроде «Предатэй». Спорщицы мгновенно пресекались, со-

ображая. Анна, Зельда и подключившаяся Дарья научили кроху маркиза, готовя к сегодняшнему экзамену, встрече с отцом, двадцати семи русским словам. Если это «предатель», получается неизвестно откуда взявшееся двадцать восьмое? Или это все же «предэйер» — predator (хищник, поедающий других)?

В восточном флигеле, куда после «обнаружения сумочки» вытолкнули другую половину тусовки, — свет, связь, спокойствие. Официанты даже успели выкатить из зачищаемого зала большую часть столиков. «Фуршет маст гоу он!» Не успели только кулер: казалось не столь важный девайс с учетом успешно эвакуированных виски, коньяка и моря шампанского. Но Аркадий Лисовин гордо вышагивал мимо извиняющихся секьюритистов, официантов, почти заискивающе протягивающих подносы с бокалами, и торжественно объявлял в телефон. Таким тоном «отцы-основатели» когда-то зачитывали Декларацию прав и свобод:

— Тут у нас какой-то криптотеракт. Егор куда-то пропал, возможно со своими менадами. Одна там классная, графиня... А эти, сославшись на каких-то... кр-рипто... — со вкусом прорычал понравившийся термин, — криптотеррористов, нас держат под арестом. Без чая, Карл! Четверть седьмого, уже час пятнадцать от начала файф-о-клока. Представь, я уже сжевал два чайных пакетика, поддерживая их же гребаные традиции. А что делать? Пробовал: в коньяке, шампанском чай не заваривается. Такие дела, — и, встретившись взглядом с Гариным, строго добавил: — Ой вэй.

А полковник Гарин туманно далеко от этой театральщины, далеко и от их подшефного, обернувшегося просто симпатягой футболистом, собирал самые последние свои силы, ждал сигнала от Наташи, результатов «амиталового интервью». Если удача, если получены — радиоволна уже несет их вверх, куда-то к чутким сенсорам спутника, и все страстные обыски Бэнксовых похотливцев уже не помогут. А мне, Гарину, хоть здесь и умереть. Но не «ситуативным предателем» — героем, пускай даже трижды «ситуативным»...

Но тут беззаконная комета памяти добила его внезапной вспышкой, картинкой из тринадцатого года жизни. Невероятно, вспомнил только сейчас и здесь, а не два года назад, когда его пытала программа «Лаокоон-880», эвристический детектор лжи, разработанный для испытаний кандидатов и опробованный, «верифицированный» на безусловно верных сотрудниках-ветеранах. Когда тест именно полковника Гарина вдруг показал: «Вероятность конфликта интересов, ситуативного предательства равна тридцати девяти процентам».

Ну как же тогда не включил он хваленый самоанализ, не вспомнил?

В комнате деда висела картина, точнее, фотография знаменитой скульптуры «Жрец Лаокоон с сыновьями». Голова могучего жреца запрокинута, буйные власа, борода. Был бы похож на Карла Маркса, если б не такое страдание на лице. Обычно все видят: положение Лаокоона и обоих сыновей одинаково безнадежно — прочно обвиты гигантскими змеями. Но маленький Лева Гарин только что «проглотил» учебник истории древнего мира, сверял историю Троянской войны с картинкой. И ему казалось: один из сыновей — точно спасается. Тот, что справа... стаскивает, как трусики, змеиный виток с ноги, с досадливым сожалением смотрит на отца и брата, «погрязших в клубке противоречий».

Дед разгадал взгляд Левы. Или сам думал о том же?

— Бойтесь данайцев, дары приносящих? А жена Зевса, болея за греков, послала змей? Вот и мне, Лева, тоже видится тут другое. Свои так постарались...

Внук вглядывался, ожидая развязки. Змеиные виражи вокруг тел — как американские горки или электрокабель.

— Доблестные времена, — вздохнул дед, — десять лет воевали. Героев там и тут! Ахиллесы, Гекторы. Еще война не закончилась, а легенды по миру разошлись. Но вот троянцы ослабели духом. Дело их «неправое», Елену украли... Но как сдаться героям? Рабство, позор. Детям, внукам будет не разогнуть колен: отцы струсили! Но и грекам отступить нельзя: вся будущая история, Марафон, Перикл... на них висит. И тут этот конь, находка! Пусть греки «хитростью и коварством» возьмут город. Все герои останутся героями, а дети попробуют переиграть. От троянцев кто произошел? Римляне! А Лаокоон, бедняга, тянет свое: «Бойтесь данайцев!» Троянцы переглядываются: как не понять такой простой вещи? Нельзя перехитрить настоящее мужество, нет такой хитрости. Просто иногда уже и мужества нет.

Дед отцепил взгляд от картины, засмеялся, потом закашлялся.

— Так что, Левушка, страшные эти змеи — из городского зоопарка города-героя Трои, «павшей от хитрости, коварства Одиссея»...

Столько лет прошло! «Пусть герои останутся героями». А теперь все объяснилось, составилось осколками старой скульптуры. Угораздило же их назвать программу-детектор «Лаокооном»! Обмотанный змеями детекторных проводов ветеран-полковник на тест-допросе не вспомнил свой детский розыск, но... Видно, «подсознание» — не выдумка Сигизмунда Фрейда. Сквозь решето вопросов просыпался Гарин «ситуативным предателем» и теперь, разве что боец Наташа исправит, принесет весть о победе. Богатая история подсказывала полковнику Гарину: у нас победителей еще как судят, но хоть для себя он размотал старый змеиный клубок.

Печатается в авторской редакции